

В. В. Климов, Г. Н. Чагин

Кру́злый 200

праздников, обрядов и обычаев
коми-пермяков

10Б
16

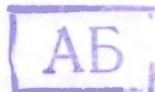
В 63.5
к49

В. В. КЛИМОВ, Г. Н. ЧАГИН

Кру́злый 200

праздников, обрядов и обычаев
коми-пермяков

268007

Кудымкар
Коми-Пермяцкое книжное
издательство
2005

ББК к63.5(2)
К49

Идея Л. Ратеговой

Редактор Л. Ратегова

Художник Н. Новикова

Обложка С. Ковалев

Издание осуществлено в рамках областной целевой Программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004—2008 гг. на средства бюджета Пермской области при содействии управления внутренней политики администрации области

Климов В. В., Чагин Г. Н.

К49 Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков.— Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005.— 256 с.
ISBN 5-87901-081-3

Календарные праздники, обряды и обычаи, приуроченные к определенным датам и временным периодам, представляют собой явления, связанные с хозяйственно-культурным развитием коми-пермяцкого народа, и выступают значимым признаком, объединяющим его в единую национальность.

В издание вошли сведения о видах календарей, праздниках и сопровождающих их обрядах, размышления и материалы о традициях народа, его духе и душе.

Книга адресована исследователям старины, учащимся и студентам — всем, кому дорога уникальная мудрость наследия народа.

К $\frac{470210206-95}{5P(03)-05}$ Без объявл.

ББК к63.5(2)

© Коми-Пермяцкое книжное издательство, Кудымкар, 2005

© Климов В. В., Чагин Г. Н., Кудымкар, 2005

© Ковалев С. Р., Новикова Н. Ю. Оформление, Кудымкар, 2005

ВВЕДЕНИЕ

В многовековом наследии коми-пермяков важное место занимают праздники, обряды и обычаи, приуроченные к определенным датам и временным периодам календаря. По содержанию они представляют собой сложное явление, связанное с происхождением и хозяйственно-культурным развитием народа. Праздники и обряды — явление общественной и семейной жизни и одновременно неотъемлемая часть этой жизни. Они пронизаны идеей продолжения жизни, благополучия, богатства. Заложенный в них эстетический, нравственный, эмоциональный заряд противостоит злу. Календарная обрядность способствует трансляции этнических форм культуры. Она выступает как значимый признак, связывающий людей в единую национальность.

Люди многих эпох жили под защитой народного календаря. И в наше время, когда снят запрет на религию, вновь пробуждается желание жить по календарю предков. Коми-пермяки в этом отношении не являются исключением. Как и другие народы, они многое заново открывают в своем наследии и заново переоценивают. Обращение в наше время к календарной обрядности и праздничной культуре — убедительное свидетельство этому.

* * *

Предмет нашего исследования — календарные праздники, обряды, обычаи — требует пояснения. Праздник воспринимается как время, противоположное будням, в которое люди приобщаются к сакральным ценностям. Обряд — это стереотипное символическое действие, утвердившееся в общественной и личной жизни для реализации и выражения обычая. Обряд создавался на основе обычая. Обычай считается явлением более широким, чем обряд. Под ним понимаются традиции, нравы, идеи, в широком значении — способ человеческой деятельности.

В коми-пермяцком языке для передачи понятия «обряд» используются слова *понка* (в иньвенском диалекте) и *помка* (в кочевском диалекте) и словосочетания со словом *керны* — делать, а понятие «обы-

чай» передается фразами: *важмоз керны* — делать по-старому, *важжес моз керны* — делать по завету древних. В русской речи этим понятиям соответствовали выражения: «испокон так ведется», «живем из века в век», «так старики наши делали и нам завещали».

Некоторые обряды теряли символику и превращались в развлекательные действия — праздники. Постепенно праздники противопоставлялись будням и насыщались развлечениями, играми, не всегда имеющими отношение к верованиям. Церковные праздники, как известно, следовали канонической традиции, но их органической частью также становились развлекательные приемы. Несмотря на это обстоятельство, во время обрядовых и праздничных действий всегда осуществлялось приобщение людей к сакральным ценностям. Содержание праздников, обрядов, обычаев расценивается как богатство национальной культуры народа и как форма выражения его этнического и социального мировоззрения.

* * *

Вплоть до середины XIX в. все, кто писал о коми-пермяках, не интересовались календарными обрядами и праздниками. Первым на них обратил внимание Н. А. Рогов — управляющий Иньвенскими владениями Строгановых, хотя и он не ставил себе специальной целью изучение народных обрядов и обычаев. Его труд «Материалы для описания быта пермяков» (М., 1860) не исчерпывает, конечно, всестороннего изучения народных календарных обрядов и праздников, но в нем много фактических данных, необходимых для их реконструкции. Показателен вывод Н. А. Рогова о религиозном синкретизме обрядности коми-пермяков и ее хозяйственной основы. Во второй половине XIX — начале XX в. написано немало работ о религиозных верованиях коми-пермяков. Но в них предмет нашего изучения имеет описательный характер, притом чаще на материале фрагментарных сведений, например, характеристика быкобоя в с. Большая Коча. К тому же некоторым авторам присущи поверхностные субъективные взгляды. В числе их надо назвать Н. И. Смирнова (1891), В. Я. Струминского (1904), Я. Камасинского (1905), И. Я. Кривошекова (1914). Множеством интересных сопоставлений и обобщений выделяются труды Н. Добротворского (1883), М. В. Малахова (1887), В. М. Яновича (1903). К числу авторов середины XX в., специально обращавшихся к календарной обрядности, относится этнограф В. Н. Белицер. Ее выводы, несомненно, правильные, но они основаны на ограниченном материале.

Фактический материал, на котором написано настоящее издание, относится к XIX—XX вв. Он извлечен из публикаций, архивных фондов, но основными источниками для данной книги явились записи авторов, сделанные в ходе многолетних экспедиционных выездов. В книгу вошло немало сведений, полученных методом включенного наблюдения, то

есть когда авторы становились соучастниками происходивших обрядов и праздников. В ходе анализа материала авторы стремились получить достаточно полные сведения о ранних и поздних традиционных народных обрядах и праздниках, чтобы показать тенденцию их развития и сохранения в наше время. Есть еще одна особенность подачи материала: авторы широко оперируют теми объяснениями обрядности, какие дает ей само население.

* * *

Новизна книги заключается в систематизированной и комплексной подаче материала, которая предпринимается впервые. Описание праздников, обрядов и обычаев приводится с сопровождением характеристики предметной среды, где они проходили, а также игровых действий и прозаических жанров. Частью описания являются рассказы о многих предметах быта, ставших атрибутами обрядов или праздников, и о наблюдениях за природой, жизнью земли, созревaniem урожая. Часть текстового материала публикуется на коми-пермяцком языке.

Предлагаемая книга расширит представление об исторических корнях и национальных традициях коми-пермяков, будет способствовать выработке положительных оценок их истории, культуры, быта и взаимосвязи с другими народами, прежде всего с русскими и коми (зырянами). Материалы книги послужат обогащению современной народной и профессиональной культуры, репертуара досуга, они будут противостоять негативным явлениям «массовой» культуры. Таким образом, публикация материалов календарной обрядности и традиционной праздничной культуры напрямую соединяется с проблемами сохранения культуры коми-пермяков, а в итоге — и самого народа.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Изобразительный материал, тексты фольклорных произведений, описание порядка проведения праздников и обрядов помогут работникам учреждений культуры и образования возрождать и развивать старую праздничную культуру с учетом современных условий и потребностей.

* * *

Праздничные и обрядовые традиции коми-пермяков разнообразны. Многие из них, как показывает современная действительность, не только сохраняются в памяти старшего поколения людей, но продолжают жить своей жизнью среди поколений молодого возраста. Уже значительно все то, что дошло до наших дней. На страницах предлагаемого издания отражена лишь толика того коми-пермяцкого духа и души, которые были присущи празднично-обрядовой культуре в целом и отдельно каждому календарному времени.

Необходимо продолжить сбор материала. Неоценимую помощь могут оказать читатели предлагаемой книги, записывая воспоминания ста-

рожилов и свои личные наблюдения. Существенный вклад могут внести местные работники культуры.

За содействие в работе над книгой авторы выражают благодарность: Н. Н. Исаевой, А. Н. Зайцевой, Н. И. Чугайновой (с. Кочево), А. И. Теплоуховой, Н. П. Кучевасовой (с. Большая Коча), А. А. Климовой, В. И. Попову (д. Кекур), П. И. Ярковой (д. Заречный Пешнигорт), М. С. Климовой (д. Юньга), М. В. Ермаковой (с. Пешнигорт), Н. В. Долдиной (д. Большая Серва).

Авторы признательны Коми-Пермяцкому окружному краеведческому музею им. П. И. Субботина-Пермяка, Государственному учреждению культуры «Пермский областной краеведческий музей», Чердынскому краеведческому музею им. А. С. Пушкина, редакции газеты «Парма» за предоставленные фотодокументы XIX—XX вв.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Значительное место в устной традиции коми-пермяков занимали мифологические представления и сюжеты о пространстве и времени. В них переплетались элементы религии, философии, искусства. Но подлинные мифы коми-пермяков дошли до исследователей в сильно трансформированном виде, так как на мировоззрение народа со второй половины XV в. большое влияние оказывало православие.

* * *

О мифах коми-пермяков можно составить представление по записям, которые были сделаны В. П. Налимовым в 1908 г. у иньвенских коми-пермяков. (*Архив Финно-угорского общества* в г. Хельсинки. Д. 1. 39.) Представления о мифическом времени — первотворении — встречаются в фольклоре позднего времени. Варианты мифов слышала от населения Кочевского района в начале 1960-х годов Л. С. Грибова. (*Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики*. М., 1975. С. 30.) Много фольклорных записей, причем на коми-пермяцком языке, сделал в 1960—1990-е годы В. В. Климов. Наиболее значимые материалы ему удалось опубликовать на языке оригинала и с переводом на русский язык (*Заветный клад: Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия*/Пер. и сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1997; *Климов В. В. Кудын-Ош — чудской пам/Иньва*. Кудымкар, 1964; *Кытчö тійö мунатö?*/Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1991; *Оласö да вöласö*/Сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1990).

* * *

Создание мира в представлениях коми-пермяков совпадает с тем, которое знали другие народы. Повествование о происхождении космоса из хаоса начинается с взаимодействия двух стихий — воды и земли, которая погружена в воду. Творение космических объектов происходит по воле бога Ена — одного мифологического персонажа-демиурга. Помощником и братом Ена выступает Куль.

По одному из мифов, изначально на земле пребывал мрак, хаос, отсутствовало какое-либо движение. Со дна «мрака и тумана», «из безбрежной водной стихии» —

Онолва — приток р. Коса

первичного материала мироздания — Ен в виде голубя достает землю и рассеивает ее. «Из этой земли посеянной образовалась наша земля», на которой и «появляется жизнь» (с. Верх-Иньва, д. Осипова). (АФО. Д. 1. 39. Л. 1119, 1123, 1259.) В одном из вариантов прародительницей мира предстает не голубь, а утка (Кочевский район). (Грибова Л. С. Указ. раб. С. 30.) По мнению Л. С. Грибовой, различие зооморфных создателей мира связано с верой коллективов людей в таинственное родство с тотемами, как правило, с животными и птицами. (Там же.)

По версии одного мифа, голубь в пути встречается с Умелем. Ен и Умель «побрались», но об участии Умеля в мироздании в записанных мифах сведения отсутствуют. (АФО. Д. 1. 39. Л. 631.) Умель не типичен для коми-пермяков, он широко известен как соучастник мироздания у коми-зырян под именем *Ом ёль*. (Энциклопедия уральских мифологий: Т. 1. Мифология коми. М.: Сыктывкар, 1999. С. 266.) Нижним, темнымдемиургом — одним из создателей космического мира — его признают ханты и манси. В значении «злой дух» лингвисты относят его к прафинно-угорской эпохе. (Там же. С. 218.)

Создав космический мир, Ен местом пребывания избирает небо, верхний мир, а Куль — воду, нижний мир. Впоследствии коми-пермяки Еном называли Бога, небо и небесного хозяина, а Кулем — духов и хозяина (царя) воды. В коми-пермяцком языке слово Ен наделено значением сильный, смелый, а Куль — слабый, худой, злой. Со словом Ен образовано несколько самостоятельных коми-пермяцких слов: *еневт* — небо, *енёж* — северное небо, *енёшка* — радуга, *еныб* — богово поле, *важ ен* — чудской бог, *енидор* — божий край. (Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 136;

Заветный клад... С. 242—243.) У коми-пермяков существует представление о Ене как о сильном и высоком человеке, который под стать богатырю. (*Энциклопедия уральских мифологий*... С. 150.)

Куль первоначально помогал Ену обустроить землю, но впоследствии он превратился в злое существо. Став антиподом Ена, он портил все, что создавал Ен. Согласно другому варианту, Куль предстает даже в облике дьявола и сатаны. Древние коми-пермяки представляли Куля не одиноким. Он имел дочь *кульпиян* и сына *шулькуна*.

В поздних воззрениях коми-пермяков Ен олицетворяет добрые силы, а Куль — злые. Так, в культовой практике иньвенских коми-пермяков северное сияние принималось за открытие дверей «небесного жилища Ена». В этот момент коми-пермяки стремились увидеть самого Ена и обратиться к нему со своей просьбой, которую, как верили, он непременно должен был исполнить. «Я раз видел, как двери небес открывались,— рассказывал 80-летний Антон В. П. Налимову в 1908 г.,— жилище Ена горело разноцветными камнями. По небу ходили люди, одетые в синие костюмы. Среди них были люди бородатые и без бороды, белокурые и смуглые» (д. Поносово). (*АФО*. Д. 1. 39. Л. 631.)

Куль показывался из воды в образе человека, а дети — в виде рыбы, причем сын шулькун — чаще шукой. К встречам с ними всегда относились как к явлению устрашающему. Верили, что шулькун мог утащить рыбака в воду. Очевидно, поэтому коми-пермяки избегали класть в поминальный пирог шуку. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.) По этому поводу в с. Архангельском В. П. Налимову в 1908 г. рассказали о таком случае: «Один крестьянин на рыбной ловле поймал кульпияна. Он был похож на ребенка, волосы у него были с зеленоватым оттенком. У крестьянина скоро после этого умерла жена». (*Там же*. Л. 347—349.)

Для избежания несчастья Куля стремились задобрить хлебом, деньгами, но известны случаи, когда его убивали. «Один пермяк Ошибской волости, — пишет В. П. Налимов в 1908 г., — убил существо Куля. Куль во время грозы выплыл на поверхность воды, сел на *дэмэд* — мостки и стал *тешитсья* — раздражать своими неприличными движениями тела, желая оскорбить Ена. Куль был очень похож на голову человека. Он имел только очень длинные волосы на голове. Охотник-пермяк прицелился и выстрелил в Куля. Упа-

Вид на р. Онолва у с. Большая Коча

ло что-то в воду. По всей поверхности воды разлилась алая кровь. Это была кровь Куля». (Там же. Л. 339 — 345.) Чтобы Куль и его кульпияны — дети — не выходили из воды, на берегу ставили крест или звонили в колокол. (Полевые материалы, собранные в Юсьвинском районе в 2002 г.)

В рассказах коми-пермяков есть примеры о встречах человека с водяными духами, произошедших в последние десятилетия. Так, Н. И. Ратегова, 1888 г. р., рассказывала внучке в д. Гаинцово Кочевского района о таком случае: *Ми, шуӧ, ытикисимӧ Кӧсва дорын. Пондӧс зэрны, и быдӧнным сувтӧм пузз увтӧ. Нӧя, шуӧ, ю ладорас быдмисӧ. Сэтчӧ, шуӧ, Еныс кызд вирдыштас, кызд гымыштас, и ми казялӧм сэтшӧмӧ, мыйсянь синнӧз баралӧс: васис чери моз чечӧвтӧс кульпиян, бӧрнас мянлань, шлӧп-шлӧп вачкис бӧр кузяс да нырниӧс юас. Ми эг на ештӧ ловзисъны, а сӧя мӧдпырся мыччисис. Мыйлӧ сӧдз, мян ныр увтын? Поди, мужиккес одзын куш бӧрнас оишасис? Али Енсӧ нерис: то пӧ мый тӧныт мянсянь, кульпӧлӧссянь! Вирдалӧм-гымалӧмнат мянӧс он повзӧйт!* (Мы косили у реки Коса. Задожжало, и все мы встали под деревья. Они на краю берега росли. Стоим, в сторону реки глядим. Тут Ен как засверкнет, как загремит, и мы увидели такое, от чего глаза на лоб: из воды выскочила, как рыба, голая кульпиян, задом к нам, хлоп-хлоп рукой по ягодице — и скрылась под водой. Мы еще не успели вздохнуть, а она другой раз показалась. Зачем это, у нас под носом? Может, перед мужиками голым задом похвасталась? Или Ена дразнила: вот-де что тебе от нас, нечисти! Своей молнией да громом нас не запугаешь!) (Полевые материалы, собранные в г. Кудымкаре в 2003 г.)

В наше время повсеместно коми-пермяки водяного духа чаще всего называют *вакуль* (ва — вода). В его образе сакрализировалось представление о добром и злом духе. По мнению жителей д. Кукушка Кочевского района, в пруду жил вакуль добрый, «люди купаются, а он никогда их не берет к себе, потому что плотину строили добрые люди, с ним они как-то хорошо договорились». (Полевые материалы, собранные в 2003 г.) Но многие жители говорят, что вакуль выходит из воды: «Кто его увидит, тот долго не живет. Выйдет — значит, он предупреждает о бедствии». (Полевые материалы, собранные в Кочевском районе в 2003 г.)

* * *

В мифологии коми-пермяков творение мира завершается созданием высокого неба. Космогонический акт о разделе земли и неба приписывается женщине, которая, придя на реку стирать белье, «случайно или нарочно задела концом коромысла небо, небо поднялось вверх и стало таким высоким, каким оно теперь есть» (деревни Важгорт, Левино, Жуково, Трапезниково и др.) (АФО. Д. 1. 39. Л. 637.) Небо, очевидно, было с давних пор, но оно располагалось над землей так низко, что его можно было достать рукой. Этим актом завершалось создание трех миров Вселенной: верхнего с жилищем Ена, земного (среднего) с людьми, животными, растениями и подземного (нижнего) с

Село Большая Коча. Кочевский район

Кулем. В эпосе о Пере и Зарань верхний мир называется «небесной твердью» и «небесной землей Енмой», который был владением «самого бога Ена и бога Солнца». (*Заветный клад...* С. 194.)

Распространенным у коми-пермяков было представление о конях, удерживающих землю, и о зависимости благополучия жизни людей от масти коней.

Один из мифов, записанных В. В. Климовым, сообщает не об одном, а о трех конях, и их «вахты» по поддержанию земли образуют определенную цикличность, отсчитывая космическое время. В мифе не уточняется, откуда эти кони взялись и где пасутся два коня, которые отдыхают, когда один из них «несет вахту». Но миф уводит нас в мир Ена, к одному из демиургов устройства Вселенной, и сообщает, что кони живут в Енме — небесной земле. На одном коне ездит сам Ен, на другом — Солнце или его дочь Зарань. А где третий, чем он занят? Видимо, он и держит землю. В мифологии обнаруживается еще одна важная деталь: смена коней — «держателей» — происходит весной, на стыке зимы и лета, то есть в пору пробуждения природы.

В записях Л. С. Грибовой, сделанных в 1960-е годы в с. Архангельском Юсьвинского района, запечатлен такой рассказ: «На трех конях земля держится: черном (вороном), белом (синем) и рыжем (гнедом). Каждый по очереди держит землю. Когда черный конь держит — на земле голод и мор, когда белый — на земле сплошные войны и смерть, когда красный — царит мир, спокойствие и благополучие». (*Грибова Л. С. Указ. раб. С. 80.*)

У коми-пермяков с давних пор красный цвет — *гöрд рöм* — символизировал положительную силу, энергию. Очевидно поэтому красный цвет имели рубахи женихов,

сарафаны невест и свях, а также ленты, платки, кушаки. В представлениях коми-пермяков особое место занимал *Гӧрд Ен* — красный бог. Они верили, что красным цветом необходимо было защищаться от Куля как от вредной силы. Почитание его, возможно, вырабатывалось веками под влиянием солнца и крови — живительных сил жизни.

Знание мифологической модели мира нашло отражение в языке коми-пермяков. Так, у иньвенских коми-пермяков бытовала такая поговорка: *Лунсӧ керӧма Ен, ойсӧ — Куль. Сӧйӧн лунис югыт, а ойис — пемыт*. (День сотворен Еном, а ночь — Кулем, потому день светлый, а ночь темная. (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 2001 г.)

* * *

Рассказы о происхождении Земли сохраняются в различных вариантах в современной устной культуре коми-пермяков, но в отличие от древних мифов в них уже почти не присутствуют образы творцов-демиургов Ена и Куля.

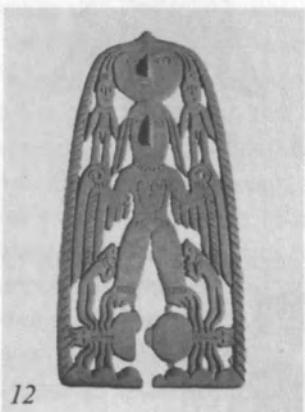
Наиболее интересные из таких рассказов удалось записать во второй половине XX в.: «Прежде всего, было одно небо. Тверди земной нет, лесов нет. Летала по небу какая-то птица, устала и захотела отдохнуть, а сесть не на что. Птица вырвала из хвоста перо и кинула на облачко. То облако стало твердым — земляной бугорок образовался». (*Заветный клад...* С. 191.) Версия о происхождении земли от неба предстает еще в одном варианте: «Как-то Бог уж очень сильно загремел, и от неба откололся осколок. Бог взял да полил его дождем, и тот осколок стал расти. Рос, рос и до таких размеров увеличился, что стал нашей Землей». (*Там же*. С. 192.) В Кудымкарском районе в 1990-е годы удалось получить только такую информацию: «Ен сделал рыбу и показал ее Кулю. Куль сказал, что и он тоже умеет создавать подобных тварей, и сделал тоже рыбу, но она превратилась в ящерицу или лягушку».

О птице как о прародительнице Земли известна такая версия: «Повсюду было море, земли — ни клочка. Летела птица и уронила помет. Помет стал комлем Земли, ее корнем. Этот корень за год во много раз увеличился. Тогда Бог отметил именины Земли, и Земля затвердела». (*Заветный клад...* С. 192.) Как видим, в этих рассказах имеются параллели с сюжетами уже известных нам мифов. Так, верхнюю ступеньку в иерархической лестнице мироздания занимает Бог, вторую — птица. С незапамятных времен коми-пермяки сохраняют представление о небе, откуда приходит благо жизни и небесная кара за нарушение божественных законов.

* * *

Издавна временными ориентирами коми-пермяков были солнце и фазы луны. Счет времени по солнцу и луне велся в соответствии с хозяйственными занятиями. Подобная система определения времени имела и у соседей коми-пермяков — русских крестьян, и у других народов.

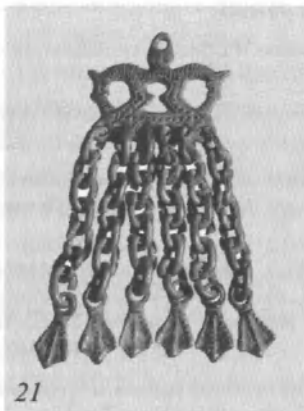
18

19

20

21

22

Пермский звериный стиль — уникальное явление в истории духовной культуры коми-пермяков. Название ему дали первые исследователи, так как многие произведения были впервые найдены на территории Пермской земли. Расцвет художественного металлического литья приходится на III—VIII вв. Содержание и художественную специфику плоских и объемных блях и подвесок составляют зооморфные (медведь, лось, бобр-ящер, конь, лебедь, утка, змея) и зооантропоморфные образы, тесно связанные с общественным строем племен, хозяйственной деятельностью, религиозными представлениями, знаниями об окружающей среде. Произведения пермского звериного стиля хранятся в музеях Пермской области, Государственном Историческом музее (Москва), Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

1, 2, 3. Фигурки летящих птиц. XI в. На груди у каждой человек в полный рост. Найдены на территории Гайнского района.

4. Птицевидный идол с распахнутыми крыльями. XII—XIII вв. На груди изображены человек и лошадь. Найден на Кудымкарском городище.

5. Фигурка летящей птицы с рисунком дерева. X—XI вв. Д. Загарье Юсьвинского района.

6. Фигурка летящей птицы с рисунком лошади. X—XI вв. Д. Галюково Кудымкарского района.

7. Трехголовый птицевидный идол с человеческой личиной и лапами хищной птицы на груди и лосиными головами на крыльях. VIII—IX вв. Найден на территории Гайнского района.

8. Объемная пронизка с композицией из медведя, удерживающего добычу в лапах, и птицы, клюющей его сверху. Д. Плёс Гайнского района.

9. Бляха с изображением голов медведя в жертвенной позе. VI—VII вв. Найдена на территории Верхнего Прикамья.

10. Навершие рукояти кинжала с фигуркой медведя. V—VI вв. Д. Харино Гайнского района.

11. Прорезная бляха с изображением божества плодородия. VIII—IX вв. Д. Омелино (Лукояново) на р. Вишера.

12, 13. Прорезные бляхи с композицией трех миров Вселенной: подземный — ракообразные существа, земной — крылатая богиня с преклоненными людьми, небесный — лик солнца. VII—VIII вв. Пос. Курган Чердынского района.

14. Прорезная бляха с крылатой богиней на коне и орлом, сидящим на ее плечах. VII—VIII вв. Пос. Курган Чердынского района.

15. Прорезная бляха с богиней, окруженной животными, птицами и змеями. VII—VIII вв. Пос. Курган Чердынского района.

16. Прорезная бляха с богиней на двухголовом животном в окружении лосиных голов и фантастических птиц. VII—VIII вв. Найдена по р. Каиб (приток р. Пильва). Чердынский район.

17. Прорезная бляха с богиней на двухголовом животном в окружении четырнадцати лосиных голов. По сторонам композиция обрамлена орнаментальными полосками, завершенными головами грифонов. VII—VIII вв. Найдена возле устья р. Тимшер (приток р. Южная Кельтма). Чердынский район.

18. Прорезная бляха с крылатой трехликой богиней на ящере и грифонами на головах. VIII—IX вв. Найдена по р. Каиб (приток р. Пильва). Чердынский район.

19. Прорезная бляха с богиней в окружении лосиных голов и людей. VI—VII вв. Найдена возле устья р. Тимшер (приток р. Южная Кельтма). Чердынский район.

20. Прорезная бляха с шаманом-идолом, стоящим на головах ящера в окружении лосиных голов. Волнистые линии символизируют потоки рек Вселенной. С. Кочево.

21. Коньковая подвеска с шумящими цепочками и утиными лапками. XI в. Д. Михалева Гайнского района.

22. Коньковая подвеска с шумящими цепочками и колокольчиками. IX—XI вв. Д. Мысы Гайнского района.

По многочисленным наблюдениям, утреннее время, до восхода солнца, когда шалют Куль и его нечистые духи, всегда считалось опасным. Опасной, по поверьям коми-пермяков, была и утренняя река — в то время в ней были «активны» *кульпияны* — дети куля (водяные девы). По этой причине, очевидно, младенцев «не показывали зорям» — утренней и вечерней.

Самым благоприятным временем для деятельности признавалось время от восхода солнца до полудня. Поэтому, например, не начинали ставить новую избу после полудня и в нее переходили жить только до восхода солнца. В полдень не сеяли: «... сеятель за несколько минут до полудня оставляет свою работу и начинает снова после полудня» (с. Егва). (АФО. Д. 1. 39. Л. 801.) В полдень, когда цвела рожь, не разрешали детям играть в поле, а в самой деревне не шумели, не обрабатывали лен, не стирали белье, не пели песни (с. Верх-Иньва). (Там же. Л. 1085.) Запреты на многие действия в полдень во время цветения ржи устанавливались, несомненно, с целью обезвредить землю, сохранить ее плодородие, поскольку состояние земли в этот период ассоциировалось с состоянием беременной женщины.

После заката солнца не давали займы хлеб, молоко, не мыли пол и не расчесывали голову. (Там же. Л. 819, 825.) Многие жители до сих пор придерживаются этого обычая и объясняют его тем, что «солнце уходит, и оно может все утянуть из хозяйства». (Полевые материалы, собранные в Кочевском и Косинском районах в 2003 г.) Верили и в то, что с «уходом» солнца или даже с «умиранием» его активизируются силы враждебного мира, существующего параллельно миру людей. Такая традиция запрещала после заката солнца пролезать между жердями изгороди, преодолевать забор через отверстие, так как в этот момент человека мог задушить чуд — один из самых ярких персонажей коми-пермяцкой мифологии. В ночное время не брали воду из колодца, так как чуды, согласно поверью, могли набросать в него траву, мусор, навоз.

Солонки с зооморфной символикой наравне с практическим назначением выполняли охранительную функцию, воспринимались как символы защиты и благополучия дома. Из собрания КПОКМ

Повсеместно соблюдались еще такие запреты: до заката солнца обязательно заканчивали жатву, а затерявшуюся корову отправлялись искать только после заката солнца. Обряды, связанные с этими запретами, известны в различных вариантах, причем жители сообщают о них обычно гораздо больше сведений, чем о других обрядовых действиях.

Об этом В. П. Налимов, побывав в 1908 г. у иньвенских коми-пермяков, оставил такое заключение: «Жатву надо кончать обязательно до заката солнца. После жатвы на полях оставляют *божью бороду*. Когда уже почти сжали все, оставляют только несколько экземпляров ржи, ячменя (то есть столько, сколько может схватить человек кистью руки)... кто-нибудь из жнецов (чаще домохозяин) срезывает несколько экземпляров... колосьев... эти срезанные колосья вяжут в малый снопок... остатки стеблей накрываются жертвенным снопом... эти жертвы земле сохраняются только в Верх-Иньвенской и Верх-Юсьвинской волостях». (АФО. Д. 1. 39. Л. 859—861.)

Своеобразные версии о сверхъестественной связи человека с временем рождались из реальных действий. Об одной из них недавно вспоминали в д. Федорово Юсьвинского района: «Было это в 1950 году. Из двух хозяйств не вернулись коровы с пастбища. Искали коров хозяева и в одиночку, и с сердобольными соседями — бесполезно. Решили, что на них напали волки или медведи. Моя мама высказала предположение: если животные не пропали, то их могут найти дети, обязательно последние в семье, на исходе дня или даже после захода солнца. И вот нам, четырем девочкам, было дано задание вечером походить по дорогам и тропинкам вокруг болота. Мы ходили по дорогам, звали животных по кличкам, но в конце концов заблудились. Как только солнышко скрылось, к нам преспокойно подошли коровы и вывели нас в деревню. Час ночи. Радости и удивлению не было предела». (Полевые материалы, собранные в 2001 г.)

Пояса, изготовленные Г. А. Казанцевой
в 2000—2001 гг., г. Кудымкар

Искали коров хозяева и в одиночку, и с сердобольными соседями — бесполезно. Решили, что на них напали волки или медведи. Моя мама высказала предположение: если животные не пропали, то их могут найти дети, обязательно последние в семье, на исходе дня или даже после захода солнца. И вот нам, четырем девочкам, было дано задание вечером походить по дорогам и тропинкам вокруг болота. Мы ходили по дорогам, звали животных по кличкам, но в конце концов заблудились. Как только солнышко скрылось, к нам преспокойно подошли коровы и вывели нас в деревню. Час ночи. Радости и удивлению не было предела». (Полевые материалы, собранные в 2001 г.)

По фазам луны (месяца) фиксировалась продолжительность недели — *вежсон* (название недели у северных коми-пермяков). В коми-пермяцком языке имеются следующие термины фаз луны: *виль тӧлісь* — новолуние, *тыр тӧлісь* — полная луна, *важ тӧлісь* — ущербная луна, *оран тӧлісь* — убыточная, ко-
нечная луна.

Фазы луны соотносились с конкретными хозяйственными работами. Стригли овец в новолуние, чтобы шерсть быстрее росла. Когда луна убывает, рубили лес и возводили дом, вырубали лес на месте будущей пашни, готовили почву, но посадку овощей и сев выполняли только в новолуние — на молодом месяце. Эта традиция продолжает сохраняться в наше время. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском и Кочевском районах в 2002—2003 гг.)

К фазам луны приурочивалось поверье: если ребенок рождается при ущербной луне, то он должен умереть, а если при ее рождении — должен жить. (*Янович В. М. Пермь: Этнографический очерк/Живая старина. 1903. С. 159.*)

В соответствии с фазами луны исполнялись и некоторые обряды. Например, в народе до нашего времени сохраняется убеждение, что свадьбу необходимо справлять на молодом месяце. Традиция эта давняя. В эпосе о Кудым-Оше особо подчеркивается: «Когда народился молодой месяц, стали играть свадьбу». (*Заветный клад...* С. 212.) А свадьба, исходя из ее описания, была далеко не рядовой. Кудым-Ош женился на Костэ — девушке из племени вогулов (манси), и гостей было много, из всех местных родов. В этом эпосе запечатлен и такой пример: «Когда на небе снова показался молодой месяц, люди Кудым-Оша стали готовить лодки — надо ехать на Каму, где за соболиные и горностаевые шкурки дают золотые и серебряные украшения, ткани, оружие». (*Там же. С. 213.*) Последний пример указывает, что в древности и начало торговли, тем более с чужеземным миром, приурочивалось тоже ко времени рождения молодой луны.

Фазам луны приписывались целительные свойства. В новолуние местные знахари рекомендовали пить травяной настой для зачатия сына (*зонтурун* — трава мальчишка) или дочери (*нытурун* — трава девочки). Беременным женщинам желали чаще смотреть на полную луну, чтобы ребенок родился не только ясноликим, но и здоровым. Избавлялись от болезней чаще всего во время ущербной луны: выводили лишай, прыщи, чесотку, бородавки и пр. При этом произносился заговор со словами: «*Кыдз тӧлісьыс ерӧ, сідз и тэ ор*». (Как месяц исходит, так и ты изойди.) На последней фазе луны отваром травы и корней копытня, а также

Коми-пермьяцкий орнамент
на современных полотенцах
Г. А. Казанцевой, г. Кудымкар

Текстильный орнамент на коми-пермяцких поясах

заговорами начинали выводить *винагаг* — винный червяк. Исключительно на исходе луны и дня лечила больных с припадками Е. Д. Зубова — большая целительница в д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района. (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Просили ли коми-пермяки здоровье у месяца — неизвестно. Но старые люди поклонялись народившемуся месяцу. Очевидно, они это делали с ожиданием пользы для себя. (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском районе в 2003 г.)

* * *

Коми-пермяки ориентировались ночью по звездам. Среди звезд особо выделяли Полярную звезду — *Ойвыя кӧдзув*, Большую Медведицу — *Кӧш* (ковш) и Малую Медведицу — *Кӧшок* (ковшик) или *Учӧт кӧшок* (малый ковш). О Полярной звезде имели представление как о неподвижной звезде, находящейся всегда на севере. Большая Медведица являлась знаком севера, «она двигалась с севера на юг», а Малая Медведица — знаком востока.

Коми-пермякам было знакомо созвездие Млечный Путь. Его называли *Тури туй* (дорога журавлей) и *Дзодзог туй* (дорога гусей). Распространено у коми-пермяков предание, что этой дорогой в давние времена ходили журавли и гуси — небесные пешеходы. Они родились в Парме, а когда поднялись на небо, чтобы посмотреть свет, то дошли до *саридз* — юга, южного моря. По мнению жителей с. Пешнигорт Кудымкарского района, они и теперь летают, придерживаясь *Тури туйа*. Еще в наше время не забыто представление, что звезды Млечного Пути — это следы птиц, но кое-кто верит, что это следы зайцев. Коми-пермяки использовали Млечный Путь для ориентировки по сторонам света, так как они знали, что «Тури туй концами держит юг и север». (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.) Популярным у коми-пермяков было созвездие Стожары — *стожар, майӧггез*. Называли его в народе еще Тройкой.

Но в целом знания звездного мира у коми-пермяков не были развиты повсеместно, что, возможно, объясняется их второстепенным значением для хозяйственной деятельности в сравнении с ролью солнца и луны.

Дневное время определялось по движению солнца и по размеру теней на земле. Наблюдение за ними привело к созданию часов. Так, в с. Пешнигорт Кудымкарского района для этих целей насаживали деревянное колесо на ось, вбитую в землю. (*Полевые материалы*, собранные в 2001 г.) Тень от выступающего конца оси падала на колесо, на котором имелись зарубки, соответствующие определенному времени суток.

Коми-пермякам были знакомы календари в виде деревянных брусков. О них до сих пор помнят, например, в с. Большая Коча Кочевского района. Месяцы и дни отмечались на гранях вырезанными чертами, точками по горизонтали и по вертикали, а

праздники — конкретными знаками. Известно существование еще более древней формы календаря в виде бронзового кольца с языческой символикой (см. ниже).

По наклону ковша Большой Медведицы определяли продолжительность ночного времени. Так, в середине зимы говорили: «Ковш свою чашку поднимает за ночь на целую сажень». Считали, что расстояние в сажень «ковш проходил приблизительно за 15 часов». (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 1990-е годы.)

* * *

Год — *во*, по представлениям коми-пермяков, делился на несколько сезонов: *тöв* — зима, *тулыс* — весна, *гожум* — лето, *ар* — осень. Основные сезоны разделялись еще на несколько подсезонов: *тöводз* — начало зимы, *тöвишör* — середина зимы, *тöвпом* — конец зимы, *аришör* — середина осени, *арпом* — конец осени, и т. п.

Современные половики

Коми-пермяки осознавали, что приход зимы определяет *Ойпель* (*Войпель* — у коми-зырян) — божество, властвовавшее над северным ветром, а весны — птицы. Из всех птиц особо почитался прилет трясогузки — *ничика*, *сыр-чика*, скворцов, журавлей. По полету трясогузки стремились узнать о предстоящем лете. Низкий полет предвещал прохладное лето, высокий — теплое и урожайное (с. Верх-Иньва). (Полевые материалы, собранные в 2001 г.) Замечали: если грачи рано прилетали, то лето быстро наступало (с. Большая Коча). (Полевые материалы, собранные в 2003 г.)

Еще одним интересным и малоизвестным примером является признание коми-пермяками зависимости состояния природы от направления ветра на Пасхальной неделе. По их мнению, если на этой неделе дул северный ветер, то земля перемещается к югу, и год дол-

жен быть теплым; при южном ветре земля перемещается на север, и год следовало ожидать холодным. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2001 г.)

Коми-пермяки, как и другие народы, различали суточное время, протяженность которого определялась от ночи до ночи. Очевидно поэтому сутки называются словом *ойкӧв*, образованным от двух слов: *ой* — ночь, *кӧв* — вязка, завязка.

Особенностью суточного времени является и то, что порядок его исчисления определялся не только по положению солнца, но еще и по тому, как и когда оно светило. В народном времясчислении отдельные периоды суток получили такие названия: *асыв* — утро, *лун* — день, *рыт* — вечер, *ой* — ночь¹. Но обозначенные части суток не являются единственными.

В народе имелась еще более дробная система определения суточного времени. Была хорошо развита лексика для обозначения непродолжительных, но очень важных в жизни времени суток: *асъяой* — предутренье, *югдандор*, *югдан* — рассвет, *шонді петандор* — восход солнца, *асъяпон* — конец утра, *луниӧр* — полдень, *рытьяв* — предвечерье, *шонді пуксяндор* — около захода солнца, *немдандор* — наступление темноты, *рытьяой* — поздний вечер, *ойиӧр* — полночь.

Поражает богатство лексики языка коми-пермяков, связанной с переменами в окружающей природе. Так, для обозначения подсезонов существовали следующие выражения: *кынтан* — замерзание земли, *вазз кыммикӧ* — ледостав, *туй сувтан* — становление санного пути, *сылӧтікӧ* — время таяния, *ыджыт вазз* — половодье, *льӧмпу цветитан* — пора цветения черемухи, *пикана кад* — время созревания пиканов (сныти), *сю воны* — пора созревания зерновых, *пужья* — заморозки, *кор усян* — листопад,

Орнамент головного убора — шамшурьы

¹ У коми-пермяков отсутствуют названия сторон света, как у русских: восток, юг, запад, север. От слов, обозначающих временное состояние суток, при помощи суффикса *ыв* (место) образованы названия сторон света: *асывыв* — восток, *луныв* — юг, *рытыв* — запад, *ойыв* — север.

арпом — конец осени. Этот способ обозначения изменений в природе, в свою очередь, использовался для различных пространственно-временных ориентаций. Особенно это было важным для коми-пермяков, так как их хозяйственные занятия всецело зависели от окружающей природы.

На наблюдениях за изменениями в природе у коми-пермяков сложилось много различных пословиц и поговорок. Например, такие:

Лымья тӧв — зэра гожум. (Снежная зима — дождливое лето.)

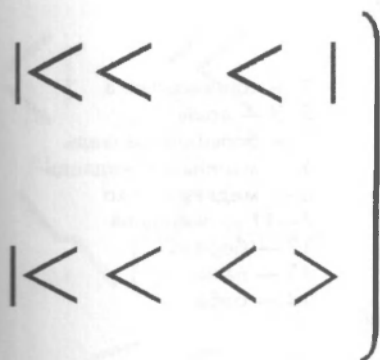
Медоддза лымоккез лэбалӧны — тӧлыс кад керӧ: месяц бӧртӧ тӧлас. (Первые снежинки полетели — зима время обозначает: через месяц наступит зима.)

Тӧлыс шоньт, дак гожумыс кӧдзыт. (Зима теплая, так лето холодное.)

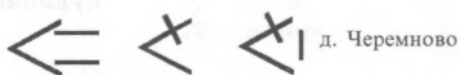
В целом же, принцип времяисчисления коми-пермяков несомненно древний. Как и у многих других народов, он восходит к области природно-хозяйственной деятельности. Знания о мире отвечали практическим потребностям традиционного хозяйства.

ТАМГИ СОБСТВЕННОСТИ «ЛАПКА ЛЕБЕДЯ»

Юсвинский район

с. Верх-Юсьва

д. Черемново

д. Жигино

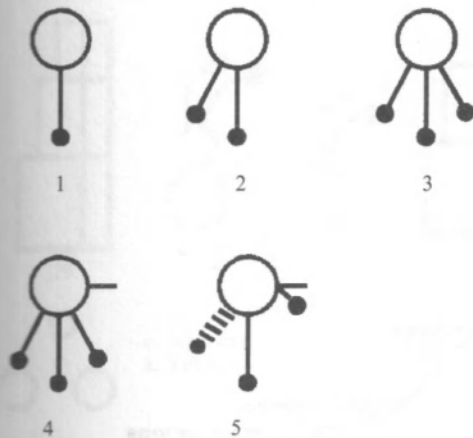
д. Зуева

д. Наумово

ТАМГИ СЕМЕЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В. И. КЫЛОСОВА

Юсвинский район

1

2

3

4

5

1 — тамги отца В. И. Кылосова
2, 3 — тамги после рождения сыновей
4 — тамги после рождения дочери
5 — тамга линейной формы из городища Анюшкар

ТАМГИ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, д. ПЫЗАГОРТ

Юсвинский район

1

2

3

1 — тамга владельца одного дома
2 — тамга владельца двух домов
3 — тамга владельца дома, гумна, овина

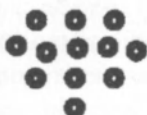
**ТАМГИ СОБСТВЕННОСТИ, ИМЕЮЩИЕ НАЗВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА,
ЖИВОТНОГО, ПТИЦЫ, РАСТЕНИЯ**

Кудымкарский район

д. Демино

1

2

с. Егва

3

4

5

6

с. Ошиб

8

9

10

11

с. Верх-Иньва

7

12

д. Кекур

13

14

с. Отево

Юсьвинский район

с. Юсьва

15

16

17

18

15 — лебедь

16—18 — лапка лебеда

д. Капилино

19

д. Мелюхино

20

21

22

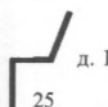

23

д. Слудино

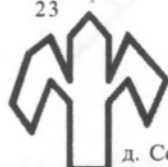

24

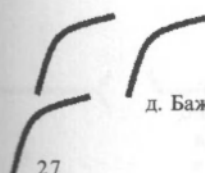
25

д. Пахомово

26

д. Соболево

27

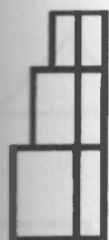
д. Бажино

28

д. Тарабаево

Кочевский район

29

30

31

32

с. Кочево
с. Большая Коча

- 29—32 — заяц
- 33 — след зайца
- 34 — змея
- 35 — птица
- 36 — ухо

33

с. Юкшеево
д. Зайцево

34

д. Усть-Янчер

35

д. Москвино

36

д. Отопково

37

38

с. Пелым

37 — шкура горностая

38 — птица

Косинский район

39

40

д. Варыш

39, 40 — коршун

Гайнский район

41

42

п. Гайны

41 — птица

42 — птенец

43 — птица

44 — ольха

45 — листок

46 — елка

47 — гулька (голубь)

43

д. Сойга

44

д. Верх-Лупья

45

46

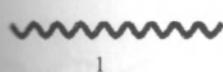

47

д. Давыдово

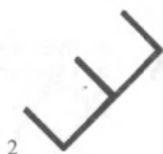
ТАМГИ СОБСТВЕННОСТИ, ИМЕЮЩИЕ НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И СОЛЯРНЫХ ЗНАКОВ

Кудымкарский район

1

д. Шорйыб

2

д.
Кекур

1 — ручей
2 — зуб бороны

Юсьвинский район

3

4

5

6

д. Кыласово

3 — ректан (мотовило)
4 — сельница
5 — мутовка
6 — зуб
7 — ворота
8 — ворота приоткрытые
9 — ворота открытые
10 — ворота сломанные
11 — дом с крышей «конем»
12, 13 — сажень
14 — мост
15, 16 — лук
17 — расколовшаяся двойня
18 — ступа

7

8

9

10

д. Русаково

11

12

13

д. Спирино

14

15

16

д. Почашор
д. Сивашор

17

д. Потапово

18

д. Гырчикова
д. Загарья

19

20

21

д. Доронькино

19 — холст
 20 — челнок
 21 — чивчи
 22 — кузница
 23 — наковальня
 24 — козлы

22

23

24

д. Чубарово
д. Тарабаево**Кочевский район**

25

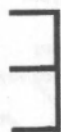
26

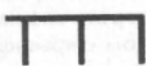
27

д. Ой-Пожум

25, 26 — капкан
 27 — кляпцы
 28, 29 — грабли
 30 — вилы
 31 — коса
 32 — изгородь
 33 — частокол
 34, 35 — ручей

28

29

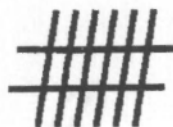

30

31

д. Кышка

32

33

с. Юкеево

34

35

д. Янчер
д. Усть-Янчер

Косинский район

36

37

38

с. Коса

39

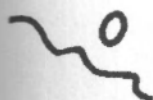

40

с. Чураки

- 36 — капкан
- 37 — лодка
- 38 — болото
- 39 — солнце
- 40 — капкан

Гайнский район

41

42

43

44

д. Бадья

45

д. Чажегово

46

д. Мысы

- 41 — река и солнце
- 42 — стрела ядовитая
- 43 — меч
- 44 — загребущие пальцы
- 45 — лук
- 46 — солнце

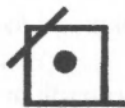
ЗНАКИ БОГОВ И ДУХОВ

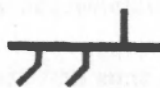
Бог земли

Леший

Бог зверей

Полевик

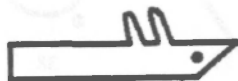
САКРАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Белка

Медведь

Щука

Рука

ТАМГИ, ОХРАНЯЮЩИЕ СЕМЕЙНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Покос

Дом

Дверь

Замок

Ворота

Ворота

КАЛЕНДАРЬ, ЕГО ОСНОВА И СТРУКТУРА

Календарь (от латинского слова *kalendae*, у древних римлян означало первый день месяца) — понятие, которое употребляется в двух основных значениях: 1) как исторически сложившийся упорядоченный счет времени; 2) как совокупность разнообразных знаний о природе, человеке и обществе и их традиционном использовании.

В календаре очень много задано природным окружением и общественной потребностью. Он тесным образом соединился с хозяйственным бытом и духовным, сакральным миром. Поэтому содержание календаря всегда дополнялось обрядовыми и праздничными действиями.

Зарождение календарных знаний ученые относят к эпохе позднего каменного века, когда началось развитие производящего хозяйства. Тогда, очевидно, произошло деление годового времени на четыре сезона. Вскоре календарь стал обладать датами, основанными на периодах движения Луны, Солнца, звезд. Считается, что лунное счисление является наиболее древним.

* * *

Народный календарь основывался на смене времен года, и за его начало издавна было избрано время весеннего равноденствия, приходящееся на март месяц, когда солнце поворачивало к новому свету. Выбор марта за начало года, возможно, произошел еще потому, что, согласно библейско-христианским верованиям, Бог сотворил мир и человека именно в этом месяце.

Хорошо известно, что в древности на Руси существовало три вида календарей: гражданский, церковный и народный. По гражданскому календарю новый год начинался 1 марта, а по церковному — 1 сентября. На Руси праздновали Новый год 1 марта до 1343 г., когда начало года было перенесено на 1 сентября. В 1492 г. окончательно определились начинать гражданский и церковный год с 1 сентября. Этому порядку следовали до эпохи Петра I. По Указу от 19 декабря 1699 г. новый

год стал исчисляться с 1 января 1700 г. Тогда Петр I ввел в России юлианский календарь, а в Европе большинство стран пользовались более точным григорианским календарем.

Поэтому Россия к XX в. «отстала» от Европы на 13 суток. В связи с этим, по декрету Совнаркома, в феврале 1918 г. перешли на григорианский календарь, так называемый новый стиль. Русская Православная Церковь продолжала вести летосчисление по старому, юлианскому, календарю. Поэтому в наше время сохраняется несовпадение празднования дат христианского календаря в России и Европе².

Высказывалось предположение, что в 2001 г. разница между старым и новым стилем увеличится на одни сутки, и все даты календаря придется передвинуть вперед на один день. Но, как разъяснила Государственная палата времени, в течение XX в. отставание в календаре России не произошло, и поэтому изменять счет не стали. Оставили весь XXI век с прежней разницей между старым и новым стилем — 13 дней.

* * *

Для практического удобства календарные обряды и праздники принято подразделять по сезонам года: зимние, весенние, летние, осенние. Кроме того, существует классификация в соответствии с более архаичным делением года: зима и лето. Границы сезонов, как известно, проявляются не очень четко, поэтому не всегда точно в той или иной местности определяются начало и окончание конкретных календарных циклов. Но при этом следует помнить, что календарная цикличность была вызвана не только сменой сезонов года, но и сельскохозяйственными занятиями населения. Поэтому в исследованиях часто предпочитают соединять вместе календарные обряды и праздники весны и начала лета, лета и начала осени, осени и зимы.

Чередование труда и отдыха земледельцев, скотоводов, охотников, рыболовов привело к календарной системе будней и праздников, в которой праздники стали веками, границами жизни. В традиции коми-пермяков, как и других народов, в частности, близко живущих русских, сохраняется, прежде всего, деление обрядов и праздников на две категории: большие (главные) и малые (полупраздники). Накопленный материал позволил составить схему соотношения народного календаря с обрядами и праздниками.

Зимний период — от Рождества Христова 25 декабря (7 января) до Великого поста (январь — начало марта). Весенний период и начало лета — от Благовещения и Пасхи до Троицы 25 марта (7 апреля) — 22 марта (3 апреля) — 25 апреля (7 мая).

² Все даты даются по двум стилям: по старому и, в скобках, по новому, соответствующему нашему времени.

Летний период и начало осени — от Троицы (10 (23) мая — 10 (23) июня) до Покрова 1 (14) октября. За Ильиным днем 20 июля (2 августа) закреплялось поверье, что заканчивается лето. Первый Спас 1 (14) августа считался началом осеннего периода. Осенне-зимний период длился от Покрова до Рождества Христова.

В зимний период значительную роль играют обряды, направленные на сохранение жизненных сил природы. В это время особенно ярко проявляется магия Святков. В весенний период и начало лета обрядности присуща магия плодородия. Специальные обряды сопровождали уборку урожая в надежде на будущее урожайное лето. В характере осенних обрядов просматривается желание людей обеспечить сохранность урожая и скота. По этому поводу коми-пермяки знали немало гаданий и магических действий — как индивидуальных, так и коллективных.

* * *

Известно, что некоторые даты и праздники церковного календаря приходятся «не в числа», то есть они не закреплены за конкретными днями и месяцами. В связи с этим и праздники разделяются на подвижные (скользящие) и неподвижные³. Установилось

Кочевский район

³ Обычно обряды и праздники, относящиеся к переходным датам, описываются после тех, которые приурочены к постоянным дням года. Мы же их характеризуем не отдельно, а в круге года, помещая их между теми месяцами, на которые они чаще всего приходятся.

это в связи с тем, что в основу календаря положено лунное и солнечное исчисление. Время празднования всех подвижных праздников зависит от сроков самого главного и торжественного праздника — Светлого Христова Воскресения, или Пасхи, которая всегда отмечается в первое воскресенье после мартовского новолуния, наступавшего за весенним равноденствием. День празднования Пасхи ежегодно меняется, но обычно он приходится на время от 22 марта (3 апреля) до 25 апреля (7 мая). Подвижный счет по лунным фазам и в наше время соблюдается в устной традиции коми-пермяков.

В зависимости от Пасхи переходящие праздники и периоды календаря выстраиваются следующим образом. Масленица справляется за семь недель до Пасхи. После семидневного масленичного веселья наступает Великий пост. По Пасхе в 9-й день на Фоминой неделе отмечается Радуница, особенно южными коми-пермяками, в 40-й день, приходящийся на шестую Пасхальную неделю, празднуется Вознесение Господне, в четверг на седьмой неделе по Пасхе — Семик, за которым идет родительская суббота, а затем в воскресенье — это уже 50-й день по Пасхе — отмечается Троица — сошествие Святого Духа на апостолов. Неделя, которая начинается после Троицы с понедельника, Духова дня, называется русальной неделей. Эта неделя заканчивается заговеньем перед Петровским постом. Продолжительность поста была разной. Окончание его приходится на неподвижный годовой праздник в честь святых апостолов Петра и Павла — 29 июня (12 июля).

* * *

Если углубляться к истокам народного календаря коми-пермяков, то найдем в нем, как и в календарях других народов, в том числе и русских Прикамья, слияние языческих и христианских верований. Календарный материал дает нам очень яркую и четко определимую историческую основу культуры народа.

Издавна определяющими временными датами сезонных периодов являлись дни зимнего и летнего солнцеворотов, весеннего и осеннего равноденствий, сроки начала и завершения хозяйственных, прежде всего земледельческих, работ. С принятием христианства в Перми Великой в 1462 г. усилиями Русской Православной Церкви в среду коми-пермяков внедряются святцы — церковный месяцеслов, то есть распределение по месяцам и числам в календарном порядке почитаемых святых и событий библейской истории.

Первые века христианства на пермской земле наполнены примерами борьбы церкви с языческими обрядами. Но они оказались «непотопляемыми» в христианском мировоззрении и крестьянском быту и мирно соседствовали и переплетались, не вызывая у коми-пермяков каких-либо сомнений в осмыслении картины мира.

В то же время святцы оказались для коми-пермяков совсем не такими, какими их признавала Русская Православная Церковь. Языческие божества заменялись библейскими персонажами, святые и чудотворные превращались в помощников в хозяйствен-

Река Коса у д. Ташка

ных делах. Также нарушались церковные запреты исполнять работы по воскресным дням и праздникам, особенно сенокошение, вывоз дров и навоза, посев и уборка урожая, если на эти дни выпадала хорошая погода и достаток рабочей силы. Наиболее ярко эта ситуация наблюдалась в местах, где было ослаблено влияние Русской Православной Церкви, а также там, где население сохраняло замкнутый образ жизни.

Приспособление церковных святцев к нуждам хозяйства выразилось в изменении названия святых или во введении в обиход второго, народного, названия святого, часто обозначающего особенности времени года его празднования или хозяйственно-покровительские функции святого. Коми-пермяки не были исключением: например, у соседнего русского населения наблюдалась аналогичная картина, но им выработаны свои особенности народного понимания церковных святцев.

Перечислим наиболее почитаемых коми-пермяками святых сначала под каноническим именем, а затем под народным именем и тем эпитетом-наименованием, которое появилось у коми-пермяков в связи с соотносением дня памяти святого с хозяйственными занятиями (народные произношения имен и эпитеты-наименования выделены курсивом).

Ксения — *Оксинья-полузимница* — 24 января (6 февраля). Этот день считался пе-

реломом зимы, наступлением ее второй половины. Для коми-пермяков было важно рассчитать расход кормов. *Василий-капельник* — 28 февраля (12 марта) — начало первых оттепелей. Если в этот день солнце в кругах, то быть хорошему урожаю. Евдокия — *Овдотья-плющица* — 1 (14) марта. С этого дня «плющится» и оседает снег. Верили в приметы: если каплет с крыш, будет теплое лето; сосульки на крышах — быть затяжной весне. Дария — *Дарья-прорубница* — 19 марта (1 апреля). Примечали, что в это время около прорубей на реках, прудах вытаскивают помет животных. Иродион — *Родион-ледолом* — 8 (21) апреля. На многих реках лед начинает ломаться, и дороги рушатся. Георгий — *Егорий-скотопас, водопас* — 23 апреля (6 мая). Почитался как покровитель скота на пастбище. Бывало вскрытие и полноводье рек. Стефан — *Степан-ранопашец* — 26 апреля (9 мая). Начало самой ранней вспашки полей под посев яровых хлебов. Иеремий — *Еремей-запрягальник* — 1 (14) мая. Окроплялись земледельческие орудия святой водой. Начинались вспашка и яровой посев. Ирина — *Орина-рассадница* — 5 (18) мая. Сеялась капуста в рассадник. Николай — *Никола веиной, весенний, травной* — 9 (22) мая. Появлялась первая зелень, сев яровых был в полном разгаре. Гликерия — *Лукерья-комарница* — 13 (26) мая. Первое появление комаров. Исидор — *Сидор северный, сивирян* — 14 (27) мая. Этому дню предшествовали длительные холодные ветра, и по окончании их пахали в огородах. Елена — *Олена лено-севка, ленница* — 21 мая (3 июня). Начало посева льна. Феодосия — *Федосья колосняница* — 29 мая (11 июня). У озимого хлеба начинал расти колос. Ермий — *Еремий-распрягальник* — 31 мая (13 июня). Окончание посева яровых хлебов. После этого дня продолжали сеять только ленивые хозяева. Акелина — *Акулина-задерихвостка, заде-ри хвосты* — 13 (26) июня. Скот мучается от укусов оводов, комаров, мошек и в жаркие дни убегает с пастбища домой. Вследствие этого переходили на пастьбу скота в ночное время. Агриппина — *Огрофена-купальница* — 23 июня (6 июля). Вода в реках становилась теплой, и с этого дня начинали купаться. День является кануном Ивана Купалы. Евфимия — *Офимья-стожарница* — 11 (24) июля. На покосах появлялось много стогов или зародов сена. *Пуд и Трофим бессонники* — 23 июля (5 августа). Созревали озимые, а иногда и яровые хлеба, необходимо было начинать жатву и заканчивать сенокос. Спать крестьянам в это время много не приходилось. Евдокия — *Овдокия-малинуха* — 4 (17) августа. Начинался сбор малины. *Никита-репорез* — 15 (28) сентября. Начиналась уборка репы.

Перечисленные дни календаря впервые свел воедино в середине XIX в. Н. А. Рогов и отметил конспективно, хотя бы одной фразой, значение дня святого для ориентировки в хозяйственной деятельности коми-пермяков. (*Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков*. М., 1860. С. 31—32.) Дни святых почитались, но праздничными церемониями, как правило, они не сопровождалась. В них коми-пермяки соблюдали приметы и стремились выполнить конкретные виды работ.

Коми-пермяки многих святых почитали за покровителей животных и называли, например, Василия Великого — богом свиней (отмечается 1 (13) января), Власия — коров

(отмечается 11 (24) февраля), Егория — всех домашних животных на пастбище (отмечается 23 апреля (6 мая), Илью — баранов и козлят (приходится на 20 июля (2 августа), Фрола и Лавра — лошадей (отмечается 18 (31) августа), Марию Голендуху — кур (совпадает с последним воскресеньем перед Покровом), Анастасию — овец и коз (отмечается 30 октября (11 ноября)). И это еще раз показывает, что святые для крестьян были не столько подвижники благочестия, сколько хранители домашних животных.

В сознании коми-пермяков сохранялось двойственное отношение к св. Николаю Чудотворцу. Святкой Николай, Никола-бог, пользовался «громадным почитанием». Его иконы непременно хотели иметь в каждом доме. Но Николай Чудотворец без упоминания, что он святой, святитель, вызывал неприязнь. В народе было популярно поверье, что «чудотворец» обязательно в доме что-нибудь «начудотворит» (*Пермяки Ошибского прихода Соликамского уезда//Пермские епархиальные ведомости. 1889. С. 212.*) Верили, что чудотворец способен «производить всякое зло «богом». (*Струминский В. Я. Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном//Пермские епархиальные ведомости. 1904. С. 470.*) Смысл этого недоразумения видится в том, что коми-пермяки слово *чудотворец* считали тождественным слову *чудо*, а оно понималось «как бедствие». (*Там же.*) Одновременно в слове *чудотворец* коми-пермяку слышалось *чуд* — нечисть.

Коми-пермяки, по словам исследователей середины XIX в., имели праздников «почти столько, сколько церквей и часовен». Но, по сравнению с русскими Прикамья, коми-пермяки сводили церковный календарь к предельному минимуму. К числу важных праздников они относили: Рождественский сочельник, Рождество Христово 25 декабря (7 января), Крещенский сочельник 5 (18) января, Крещение (Богоявление) Господне 6 (19) января, Масленицу (праздник подвижный), Сборное воскресенье (неделя православия), Благовещение Пресвятой Богородицы 25 марта (7 апреля), Великий четверг (на страстной неделе), Пасха (праздник подвижный), Радуница (на Фоминой неделе), Семик (седьмой четверг по Пасхе), Троицкая суббота, Троица (50-й день по Пас-

Икона святителя Николая Чудотворца. XIX в.

хе), день Петра и Павла 29 июня (12 июля), Ильинская пятница, Ильин день 20 июля (2 августа), Первый Спас и Происхождение честных древ животворящего Креста Господня 1 (14) августа, Преображение Господне и Второй Спас 6 (19) августа, Покровская суббота, Дмитриевская суббота.

Те, кто хорошо был знаком в XIX — начале XX в. с календарной обрядностью коми-пермяков, отмечали, что у них великие церковные праздники Рождество Христово и Пасха «уважаются... как простые воскресные дни» (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 22) или, как еще отмечалось, «особенно не чтятся» (Струминский В. Я. Указ. раб. С. 488), зато «считаются важнейшими Семик... Покровская суббота... Масленица». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 22.) По сообщениям священника, в «день же Рождества Христова или в день Вознесения Господня и в некоторые двенадцатые праздники работают и не считают их большими праздниками. В день Рождества Христова, вставши утром, даже молотят, а потом сейчас же и принимаются за пельмени, считая тот день только разговеньем». (Пермяки Ошибского прихода... С. 214.)

Подтверждающий материал об отношении коми-пермяков к церковным праздникам находим и в воспоминаниях нынешних жителей. В этнографических записках В. В. Климова, 1927 г. р., находим такое заключение: «Да, Рождество Христово у иньвенских пермяков, пожалуй, считался днем более значимым, чем будничным, но только тем, что он открывал игрища. Девки и бабы говорили: «Ой, скоро Рождество, надо избу подыскивать, наряды приготовить». Моя бабушка Пасху считала больше сроком, когда курицы будут нестись, когда пора кончать ткать холсты и приступать к шитью. Вознесение они почитали как календарную дату, с которой начинается относительно теплая пора. А Благовещение — переломный период. Считалось, что через три дня после этого праздника «надо сани в загон прятать» и подготовить телегу. А Егорий — оптимальный срок для посева семян капусты и калиги в рассадники, и то с учетом фаз луны» (д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района). (Полевые материалы, собранные в 2003 г.)

* * *

Таким образом, материалы календаря дают возможность увидеть в нем соотношение традиций солнечного и лунного счисления времени, языческой и христианской основы. Коми-пермяки усовершенствовали календарь в соответствии со своими интересами, обусловленными суровыми природными условиями проживания, хозяйственным расчетом, духовным творчеством.

ВИДЫ КАЛЕНДАРЕЙ

Упорядоченный счет времени в зависимости от хозяйственной и духовной потребности населения коми-пермяки чаще всего вели в устной форме. В этом случае счет сохранялся в памяти людей. Случалось, что словесные знания о календаре приобретали изобразительную форму. А это происходило по той причине, что многие крестьяне не всегда точно могли предсказать календарные сроки, события и порядок их чередования.

С календарной стороны интерес вызывает бронзовое плоское кольцо с фигурами по кругу 5 животных, 2 округлых знаков, 53 прямоугольных насечек (рис. 1). Кольцо-календарь было обнаружено в конце XIX в. в д. Маскаль Кочевского района — на этнической территории коми-пермяков. Предполагается, что оно изготовлено в X—XII вв. (См. рис. на обложке книги.)

Первое описание кольца-календаря принадлежит этнографу из Сыктывкара Н. Д. Конакову. (*Промысловый календарь в мировоззрении древних коми*//Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 103—120; *Энциклопедия уральских мифологий...* С. 97—98.) Он определил, что в основу календаря положен счет времени не по месяцам и числам, а по временам года. Год начинается с осени, и отсчет времени идет по часовой стрелке. Большой розеткой с зубчатыми выступами по периметру отмечена осенняя фаза солнца. Времена года показаны животными: осень — выдрой, зима — бобром, весна — белкой, лето — двумя собаками, бегущими друг за другом; 53 прямоугольные насечки по внешнему ободку соответствуют 52 годовым неделям и одному дню для високосного года.

Понимание отражения в календаре сезонных ритмов жизни животных позволило Н. Д. Конакову назвать календарь промысловым, хотя разгадка символизации животными конкретного сезона года им не была найдена. Но нам известно, что у коми-пермяков существует представление о поведении животных, соответствующем определенному сезону года. Так, согласно наблюдению жителя д. Гаинцово Кочевского района В. И. Исаева, 1925 г. р., выдра могла стать знаком осени потому, что она «плавает в первом снегу и детенышей за собой водит», а белка — весны, так как «с окончанием морозов у нее начинался гон». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Совсем другой вариант прочтения знаков кольца-календаря коми-пермяков представил археолог из Новосибирска В. Е. Ларичев. (*Средневековые календари финно-угров*//История и культура Востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 174—180.) На плоском кольце он увидел иную, чем Н. Д. Конаков, последовательность животных — бобр, выдра, белка и два волка (заметим, что Н. Д. Конаков видел в рисунках не волков, а собак).

Рис. 1. Кольцо-календарь X—XII вв. из д. Маскаль Кочевского района

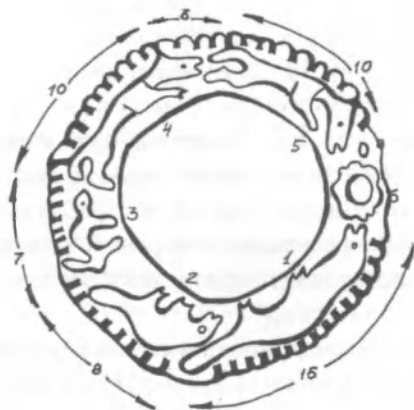

Рис. 2. Числовые блоки диска

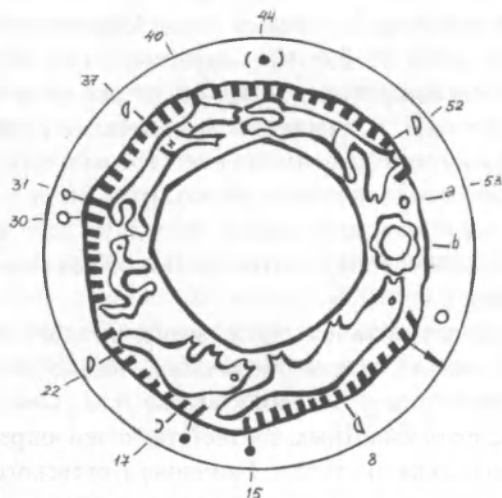

Рис. 3. Реконструкция системы счисления по Луне

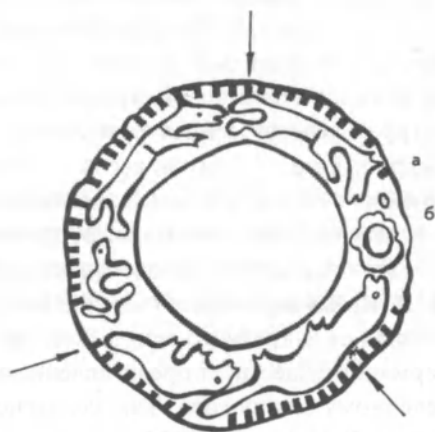

Рис. 4. Реконструкция системы счисления по Луне и Солнцу

Всего знаков и образов на кольце В. Е. Ларичев насчитал 60: 53 насечки, 2 округлые розетки, 5 фигур животных (рис. 2). Он заметил объединение насечек в блоки и отделение их друг от друга хвостами животных и знаками, совмещенными с хвостами обоих волков и головой первого волка, а также особого вида знаки между головами второго волка и бобра (рис. 2). Обратил внимание и на то, что бобр и выдра двигаются в одну сторону, белка и два волка — в другую. Блоки знаков-насечек (напомним, что насечки символизируют сутки) представлены следующим образом: 15 знаков размещено над бобром, 8 — над выдрой, 7 — над белкой, 10 — над первым волком, 3 — между головой первого волка и хвостом второго волка, 10 — над вторым волком. К этому расчету добавляется еще 7 знаков (суток) — 2 округлые розетки (рис. 2, а, б) и 5 животных. В. Е. Ларичев пришел к заключению, что на бронзовом кольце представлено два календаря — лунный и солнечный.

Гипотеза о лунном календаре основывается, прежде всего, на общем числе знаков. Как уже отмечалось, знаков 60, что почти равно по продолжительности двум лунным месяцам. Двухмесячными циклами отслеживалось время в течение лунного года.

Лунное счисление времени представлено в двух вариантах — по реальному обороту Луны вокруг Земли и по фазам Луны, что, несомненно, обеспечивало высокую точность отслеживания времени.

55 знаков (53 насечки, 2 округлые розетки), имеющих календарный характер, равны реальному обороту Луны вокруг Земли — чуть более двух лунных месяцев. Поскольку 55 суток соответствуют реальному обороту Луны вокруг Земли, то по круговой дуге, которую мы рассматриваем, считывался лунный год — 12 месяцев с небольшим превышением, которое легко можно было ликвидировать при условии, если не принимать в расчет маленькую округлую розетку.

Реконструкция лунного календаря по фазам Луны выглядит следующим образом (рис. 3). Если к числу насечек добавить знак маленькой округлой розетки, то получим число суток ($53+1=54$), которое с допустимой точностью равно длительности двух месяцев, отражающих периодичность смещения Луны относительно узлов ее орбиты (то есть точек пересечения путей Луны и Солнца). Если подключить к 54 знакам 5 знаков (фигуры животных) и разделить полученное число 59 на продолжительность лунного месяца, то получим показатель, почти равный двум лунным месяцам. При шестикратном проходе по всем знакам кольца получаем 12 месяцев в лунном году.

Если за начальный знак отсчета лунного года принять первую насечку над головой бобра и определить ее как знак суток полнолуния, то смена фаз Луны выражена следующим образом (рис. 3): знак № 8 над горбом спины бобра — четверть умирающей Луны; последний знак над бобром № 15 — сутки первого дня невидимости Луны (новолуние); одинокий знак № 16 над выдрой — второй день невидимости; знак № 17, совмещенный со спиной выдры, — день появления на небосводе молодой Луны; знак № 22 в конце строки над выдрой — четверть народившейся Луны; знак № 30 перед хвостом первого волка — полнолуние; знак № 31, совмещенный с хвостом первого

волка, — ущерб диска Луны; знак № 37 над горбом первого волка, — четверть ущербной Луны; знак № 44, совмещенный с хвостом второго волка, — новолуние, из чего следует, что три знака между головой первого волка и хвостом второго волка приходятся на дни исчезновения серпа Луны с небосвода, а на последующий — появление первого серпа; знак № 52 между ушами второго волка — четверть народившейся Луны. Таким образом, группировка насечек по блокам и размещение их над контурами тел животных позволяли отслеживать течение лунного времени, предсказания суток, когда Луна обретала вид особо значимой фазы.

Знаковая запись солнечного календаря выглядит упрощенной, поскольку основой его служил лунный календарь. Человек, понимающий знаки, считывал время в течение трех лунных лет подряд по установленной схеме, а затем вводил дополнительных 34 дня. По данным археологов, так поступали творцы счетных систем с эпохи древнекаменного века.

Блок из 34 знаков также обнаруживается на бронзовом кольце-календаре — от знака над хвостом второго волка до знака перед поднятым вверх хвостом белки (рис. 4). Правильность такого взгляда принято считать потому, что в течение 34 суток происходят солнечные затмения. Период этот разделяется на два цикла по 17 суток. Время вхождения дневного Солнца в узел орбиты Луны (в точку пересечения), а это 17-е сутки, определено знаком, размещенным около начала выступа спины бобра. В этой связи раскрывается семантика большой округлой розетки (рис. 4, б), в сторону которой нацелились волк и бобр. Розетка имеет вид закрытого невидимой Луной диска Солнца, контуренного зубчатыми выступами. В считывании 34 суток она не принималась в расчет.

В целом приведенные факты, безусловно, следует рассматривать как пример впечатляющих календарно-астрономических знаний древних коми-пермяков.

* * *

Систематизацию времени коми-пермяки вели еще в 1920-е гг. по деревянным календарям в виде шестигранных бипирамидальных брусков. Называли их *пу святун* (*пу* — по-коми-пермяцки дерево; *святун* — это святцы, как уже писали, так в церковном обиходе называли месяцеслов). Средняя часть бруска вырезалась утолщенной, а концы — заууженными. На двух половинках бруска получалось 12 граней (ребер) (по 6 на обеих сторонах). На каждой грани дни отмечались насечками, а праздники — знаками, которые в коми-пермяцком языке назывались словом *нас*, а в русском — *тамга*, *пятно*. Число насечек и рисунков на всех гранях соответствовало дням годового круга (рис. 5).

Человек, хорошо разбирающийся в календаре, всегда мог рассказать, когда пахать, сеять, жать, молотить, когда идти на охоту, когда какие праздники справлять. Насечки и знаки, соответствующие прошедшим дням и праздникам, залеплялись серой или смолой. Деревянными календарями было удобно пользоваться вдали от дома, особенно во время длительного охотничьего промысла.

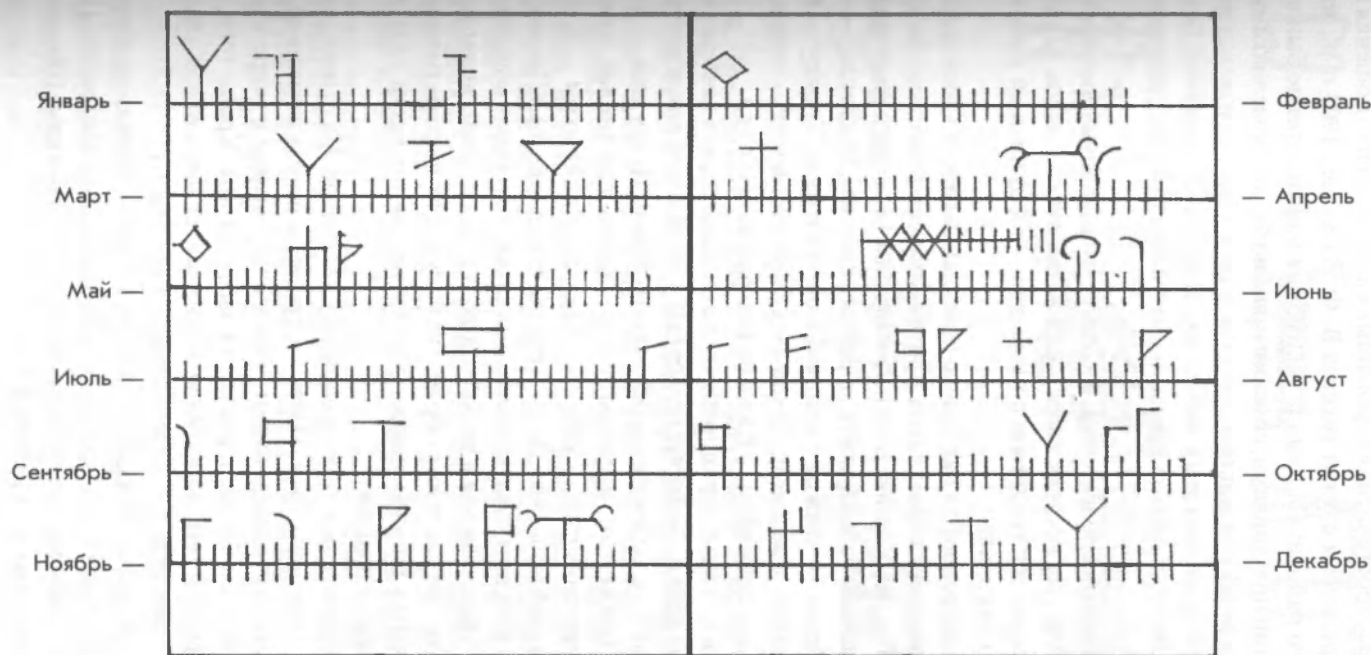

Рис. 5. *Пу святун* — *деревянный календарь коми-пермяков XIX в.* Из собрания Пермского областного краеведческого музея. Поступил в 1965 г. из Национального музея Республики Татарстан. В Казани «Пермязкий резной календарь (из пихты)» сначала хранился в собрании Музея Духовной академии, созданного Н. Ф. Катановым — преподавателем и активным членом Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Предвидя закрытие Духовной академии, Н. Ф. Катанов в 1920 г. передал коллекцию «пермязких вещей», в том числе и два бруска с календарной символикой, в Национальный музей Республики Татарстан. К сожалению, остается неизвестным место изготовления и использования календаря, что затрудняет его исследование

Одним из примеров распространения деревянных календарей и отношения к ним как к особо значимым предметам служит рассказ В. Ф. Баталова, 1904 г. р., жителя д. Белоково Юсьвинского района: «У Демида Вилесова в нашей деревне был календарь со всеми престольными праздниками, со всеми приметами, которые знаками обозначались. А вот сын Петр с войны пришел и поломал, в печку бросил этот календарь. В деревне говорили старые люди, что это к несчастью. И правда, скоро умер Демид, а за ним и сын скончался. Вот как против престольных-то праздников подниматься». (*Полевые материалы*, собранные в 1967 г.)

Известны примеры, когда насечки и знаки, соответствующие дням и месяцам года, вырезались на брусках полатей, косяках дверей и даже на ручке помела. (*Там же.*) Примеров, иллюстрирующих эту традицию в наши дни, обнаружить не удастся, но старожилы многих мест о них знают.

Органичное слияние церковного и народного календарей хорошо показывает использование пасов для обозначения праздников, причем символика пасов соответствует содержанию праздника. По утверждению этнографов, южные (нижеиньвенские) коми-пермяки Новый год обозначали бабкой (кость голенного сустава), Масленицу — санями, Пасху — качелями, Семик — чашкой с поднимающимся паром, Троицу — березкой с листьями, Ивана Купалу — веником, Духов день (именины земли) — гребешком (рис. 6). (*Полевые материалы*, собранные в Юсьвинском районе в 1967 г.)

Пасами обозначались не только праздники, но и дни календаря, в которые коми-пермяки начинали важные дела и в которые нельзя было заниматься никакими земляными и лесными работами. Так, во многих деревнях по р. Иньве Духов день — именины земли — обозначали гребешком, именины воды — волнистой линией, именины леса — деревом, начало цветения ржи — колосом, начало метания икры — сорогой, рыбой, время посадки овощей — знаком Луны в стадии роста (рис. 6). (*Там же.*)

Вариантом резного календаря следует считать палочки, которыми пользовались мастера, занимавшиеся окрашиванием и набойкой холщовых тканей, выделкой овчин. Владелец тканей и кож при сдаче их к обработке получал от мастера палочки, по сторонам которых вырезалась римская цифра, обозначающая тот месяц года, когда можно было получить готовое изделие.

Северные охотники прибегали к такому варианту календаря. На стенах охотничьих избушек дни охоты отмечали углем. Имеются примеры использования охотниками и *пасового* календаря, в котором знаками обозначали удачные и запретные дни года для охоты. Их, видимо, изображали рисунком зверя, птицы. Кроме того, рисунок дополнялся знаком фазы Луны, во время которой допускалась охота. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском и Кочевском районах в 2002 г.)

Календарное время последних морозов узнавали по ветке вереса, прибитой на стене дома. Зимой ветка «спит», то есть пребывает в неподвижном состоянии. Но как только она «зашевелится», следовало ожидать прихода теплой погоды. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.)

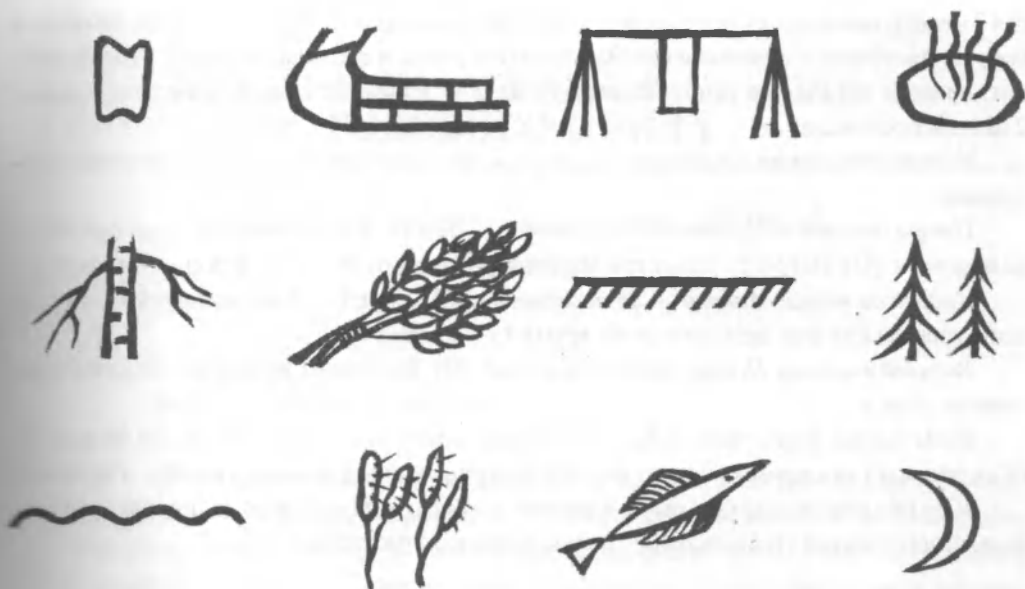

Рис. 6. Календарные знаки-тамги, применявшиеся в д. Бельюково Юсьвинского района

В с. Большая Коча Кочевского района И. М. Хомяков, 1939 г. р., рассказал о редком старом обычае, связанном с хозяйственным народным календарем. Он вспоминал, что в д. Дзельгорт «моя мама В. Н. Ракина, 1910 г. р., завязывала узлы на платках. Работу сделает, например, весной рассадник заведет, в огороде все посадит, когда ягоды поспеют, травы в лесу зацветут, корова отелится, обязательно завязывала узлы. Спрошу ее, зачем это делаешь, а она отвечала, чтобы запомнить. Видимо, хотела знать, в какое число все это происходило. Спрошу ее, как ты понимаешь узлы? Она не объясняла. Брала узел в руку и говорила, вот я такую-то работу сделала, и называла время года. Както, видимо, понимала. Платки были обычные, которые носила на голове. По 20 узлов завязывала на платке. Разберись вот в них, не написано ведь... На одном платке завяжет, другой берет. Платки с узлами хранила в сундуке, чтобы не потерять. Хранила долго, пока год не кончится». (Полевые материалы, собранные в 2003 г.) В этом примере очевидны элементы еще одного вида древнего календаря.

* * *

Из области устного календарного счета времени приведем такие примеры. Коми-пермяки, основываясь на многолетних наблюдениях, считали, что в день Сорока святых (22 марта) прилетали грачи, после — через 2 недели — скворцы, а через 2 недели вскрывались реки. От дня Сорока святых через 4 недели прилетали трясогузки, и спущивались реки.

стя 2 недели начиналось половодье. Через 6 недель после появления грачей выгоняли скот на пастбище и начинали сев. Заколосится рожь, и следовало через 2 недели ожидать спелые травы для сенокосения. Рожь 2 недели колосилась, 2 недели цвела и 2 недели поспевала.

Устное счисление календарных дат и периодов отразилось в поговорках, например:

Петра дынсянь Илья дынѳдз куим вежсон оськавны, а Илья дынсянь Пров дынѳдз — нѳль вежсон. (От Петра до Ильи три недели шагать, а от Ильи до Фрола — четыре.)

Андрей да тѳвся Микола — ѳтѳк десятокись. (Андрей и Микола зимний — из одного десятка (то есть приходится на время 13—19 декабря.)

Василей рытсянь Петырлунѳдз джын год. (От Васильева вечера до Петровок половина года.)

Кыдз пондас дзоридзасьны жельнѳг, быдса вежсон бура шедѳ сорога, гов да шаклей. (Как зацветет шиповник, целую неделю хорошо ловятся сорога, голавль и шакля.)

Юэз кынмикѳ пондѳ кульмыны муткыль — быдса неделя кульмѳ. (С начала ледостава начинается нереститься налим — целую неделю нерестится.)

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ГODOVOГО ЦИКЛА

Осенне-зимние праздники, обряды и обычаи

Из прежних публикаций

В зимнее время, в праздничные и воскресные дни парни по вечерам играли в сиги. В информации Н. А. Рогова игра описывается так: «Собравшись на улице, вколачивают в землю кол с привязанной к нему на верхнем конце веревкой аршина в два-три длиною. Кругом кола кладут десяток или полтора старых, худых лаптей. Один из играющих принимает название «купца», все остальные — название «покупателей». Купец, ухватясь за свободный, опущенный конец веревки, бегаёт кругом кола; его дело — охранять лапти от расхищения. В то же время около описываемого купцом круга бегают покупатели; их дело — успеть приблизиться к колу и выпнуть ногой лапоть за черту круга. Купец, бегая кругом, старается задеть кого-либо из покупателей рукой или ногой. Если удастся ему это, когда лапти еще не все выкинули из круга, то он предоставляет исполнить свою обязанность покупателю, которого задел. В противном случае, в наказание за худой надзор, покупатели заставляют купца или пробежать между двумя рядами играющих, которые будут толкать его в спину, или проскакать один или несколько раз на одной ноге по окружности круга, обчерченного радиусом веревки. После наказания лапти снова собираются к колу, и тот же купец снова сохраняет их до тех пор, пока заденет одного из покупателей. В прежнее время в сиги играли и пожилые пермяки, и даже старики». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 67—68.)

В зимнем календарном цикле выделяются обряды Васильева вечера — с 31 декабря на 1 января (с 13 на 14 января). В них выражалось стремление юны-пермяков обеспечить благополучие в жизни, дополнить реальные усилия людей по ведению хозяйства магическими действиями. Восприятие Васильева вечера Н. А. Рогов оставил в таком виде: «К этому вечеру в каждом доме

приготавливаются пиво, теплая и холодная брага; кроме других кушаньев, еще непременно зажариваются кишки свиные и других животных, начиненные ячной крупой с фаршем из осердя и почек; пекутся головы и ноги свиные и овечьи. Вечером в этот день, вскоре после заката солнца, хозяева с домохозяцами парятся в бане по заведенному обычаю, мужской и женский пол отдельно. Когда переходит в баню все семейство, тогда старшая хозяйка накрывает стол и ставит на него все приготовленные поутру питья и кушанья; из числа последних — свиные и овечьи головы и ноги подают непременно не в виде студени, а цельные, для того, чтобы свиньи и овцы родились и «велись» крупные.

Хозяин затепливает перед иконами свечку. Все молятся Богу. По окончании молитвы хозяйка относит кушанья и питья обратно в куть. Спустя несколько времени садятся ужинать; кушанья подают снова.

После ужина хозяин велит хозяйке подмести в избе пол, а сам, взяв со стола кости от свиных и овечьих ног, идет с ними в хлев, где раскладывает их по тем местам, на которых обыкновенно спят свиньи и овцы, на тот конец, чтобы эти животные были плодотворнее и здоровее.

Возвратясь в избу, он выдвигает из переднего угла стол и приказывает детям, а если их нет, то взрослым семьянам, искать на полу, под столом хлебные зерна. Их ищут, ползая вокруг стола, и «рюхают», т. е. хрюкают по-свинячьи. Найденное полное зерно какого-либо хлеба принимается за признак урожая того хлеба в предстоящее лето; тощее зерно, а также если не найдется никакого зерна, считается предзнаменованием лета неурожайного. Во время отыскивания зерен старшая хозяйка три раза «ездит кругом двора» на кочерге или ожеге, прося святого Василия, чтобы новый год был счастлив да благополучен.

После всех этих проделок молодые девки и парни собираются в одну какую-нибудь избу, где пляшут и играют до утра. В этот вечер девки ворожат, подобно окрестным русским.

В последние годы обычай отыскивать зерна и ездить кругом дома выполняется уже в весьма немногих домах, и то одними детьми, для шутки». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 25—26.)

* * *

Празднование дня святого Василия Великого, признававшегося коми-пермяками «свиным богом», сопровождалось обрядом жертвоприношения. В часовню приносились зарезанные поросята и свиньи. Священник служил над ними молебен, «чтобы свиньи были плодотворнее и не урочились». В этот день взрослые не работали, а молодежь устраивала братчины — игрища по домам.

К Васильеву вечеру приурочивалось изгнание чудов. Когда на небе появлялись звезды, вся семья выходила из дома, все брали в руки палки, ветки и ходили вокруг дома, дворов с приговоркой: «Новый год идет, всего много принесет: овечке — ягненка, лошади — жеребенка, корове — теленка, свинье — поросенка, невестке — сына». Когда обходили дом и двор третий раз, то ударяли палками и ветками по стене и кричали: «Новый год пришел, чуд, вон пошел!» (Кытчö тійö мунатö? Кудымкар, 1991. С. 78.)

По наблюдению Н. А. Рогова, относящемуся к середине XIX в., игровые, так назывались участники игр, в Святки разыгрывали братчины. Девушки приносили к какой-нибудь хозяйке, согласившейся принять молодежь, продукты для приготовления угощения. Парни для братчины покупали вино. Когда собирались парни и девушки, «открывались пляски и игры». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 66—67.)

В народном календаре с Крещением связывали языческий обряд чудöс вешотлыны (топтанье чудов). По показаниям очевидцев, относящимся к началу XX в., он проходил таким образом: «В Крещение между заутреней и обедней («как Бог засветает») около церкви собирается народ — верхом на лошадях, с кольями, нагайками, человек до сотни, и скачут, топчут чудов и гонят до другой деревни.

Чуды, по мнению пермяков, появляются на земле в то время, которое приходится ровно через полгода со времени цветения ржи, и расхаживают, указывая людям, что с ними будет. К этому времени у пермяков приурочиваются разнообразного рода гадания насчет будущего. Пермяки ходят, «слушаются». Собираются несколько человек, выходят на речку, на лед, обводят три круга, садятся внутри с иконой и слушают. Кому умереть — чуды строгают доски, вколачивают гвозди; у кого пожар будет, услышит шум, крик народа; у кого коровы пропадут, начнут чуды ногами комки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлеб будет, ходят на гумно: если услышат песни, хороший урожай будет». (Струминский В. Я. Указ. раб. С. 468.)

Значительным обрядом являлся Крещенский Сочельник, его отмечали в ночь на Крещение. До обеда стряпали сочни с конопляным семенем, варили в двух горшках кашу из гороха и ячной крупы. Сочни не только ели. Их использовали в гаданиях. Девушки-невесты выбегали с сочнями на улицу. Если им навстречу попадался мужчина, то следовало ожидать замужества, а если женщина, то замужества не предвиделось.

В Крещение не кормили куриц, пожилые женщины ничего не ели «до появления звезды». Традиция такого обряда была вызвана желанием, «чтобы курицы были здоровее и больше несли яиц, а второе — для спасения души». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 26.)

Коми-пермяки непременно стремились прибыть на верховых лошадях на реку к иордану, когда там священник освящал воду. «Лишь только окончится здесь служение и священно-церковные служители пойдут в церковь,— замечает Н. А. Рогов,— все пермяки опрометью спешат к проруби, умываются и берут в бураки (туясы) воду для дома, а прибывшие на лошадях поят их в проруби, потом полчаса или час ездят на ровном около проруби месте». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 26.)

Подготовка к зиме

Земле, на которой живут коми-пермяки, не очень благоприятствует климат с его неустойчивым и непредсказуемым характером, но на протяжении тысячелетий предки коми-пермяков хорошо приспособились к приуральской действительности — к длительным холодам, к малоплодородной земле, к таежному бездорожью. Суровая природа края обусловила и соответствующее поведение обитателей этого края, выпестовала их особые черты характера: трудолюбие, выносливость, скромность и любознательность.

Последовательно познавая мир, коми-пермяк не ставил своей целью стать царем природы. Наоборот, как свидетельствуют многие памятники древности, он был лишь частью земной жизни. А процессами жизни, по понятиям коми-пермяков, управляло что-то неземное, божественное, отчего бывают день и ночь, лето и зима и сотни других непонятных явлений.

Видя и чувствуя эти природные ритмы, человек привык к ним и приспособился, и это дало возможность ему выжить и усовершенствоваться.

Нам мало известно, как жил коми-пермяк до принятия христианства, тем более — в нашей эры. Мы только можем предполагать, какое занятие преобладало в его деятельности, но несомненно одно: он занимался собирательством, охотой и рыбным промыслом. В начале первого тысячелетия коми-пермяк стал земледельцем и скотоводом. Эти отрасли хозяйства, а также домоводство, породили ряд своеобразных, присущих коми-пермяку сезонных обрядов и обычаев, которые способствовали, а в некоторых случаях и регулировали трудовые процессы и досуг людей.

В первобытном виде такие обряды до нас не дошли, а некоторые вовсе изменили свою форму и атрибутику, смысл и назначение. Произошло это от изменения экономических условий, от воздействия других культур. И самое могучее влияние на культуру коми-пермяков оказал русский народ с его православной идеологией.

Начиная с XV в., со времени крещения Перми Великой, медленно, неуклонно стал изменяться уклад духовной жизни и быта коми-пермяков. Со временем утратилась их вера в многобожие, а верховное божество Ен приобрело совершенно иную суть — он стал синонимом Иисуса Христа. Но живо еще древнее понятие о сути Ена в таких выражениях, как *еныс югдѳ* (светает), *еныс зэрѳ* (дождит), *еныс гымалѳ* (гремит) и других. Следует отметить, что полного искоренения языческих догм так и не получилось. Никакие, даже карательные меры церкви не могли заставить коми-пермяка отказаться от своих древних обычаев, которые, как считал народ, помогали ему выращивать хлеб, получать приплод в животноводстве, устраивать сносный быт и находить утешение в тяжелые времена. Сохранению первобытных обрядов до наших дней во многом способствовала и сплошная безграмотность в крае. Деревянные статуи сидящего Спасителя, похожие на языческие идолы, в некоторых церквях и часовнях находились еще в XX в. А крестьянское хозяйство вплоть до коллективизации сельского хозяйства было натуральным, и все необходимое для жизнеобеспечения семьи производилось ее членами.

Покров день

Готовиться к зиме в деревне начинали со дня Покрова Божией Матери (14) октября — одного из двенадесятих православных праздников в память о спасении Божией Матерью христианского Царьграда от иноверцев — сарацин. Об этом говорят и поговорки:

Локтѳ Покров, съѳрас вайѳтѳ тѳв. (Идет Покров, за собой ведет зиму.)

Покровнас асывсьянас ар, а рытнас — тѡв. (В Покров с утра осень, а вечером — зима.)

На Покровской неделе следили за тем, когда выпустит сережки *ойбадь* (разновидность ивы), что, по приметам, происходит за четыре недели до ледостава.

Зима (*тѡв*), как считали древние пермяки, приходит по наводке злых северных сил или богов в наказание за людские прегрешения, а еще для того, чтобы люди жили не одними лишь благами лета. Словом *тѡв* обозначается и ветер. Родственным им является и слово *тѡдись* (луна, месяц), что в переводе на русский язык значит «делающий зиму» (дословно: озимляющий). Главный признак этих значений — это нечто холодное и непостоянное: зима приходит и уходит, луна часто меняет свою видимую форму, ветер имеет переменное направление, неся в себе прохладу или холод.

К Покрову заканчиваются все полевые работы, картофель и другие корнеплоды лежат в овощных ямах и погребах. Растет еще капуста, но и ей недолго остается красоваться на грядке.

К этому дню подготавливают снаряжение и припасы к зимнему сезону промысловые охотники и даже успевают проверить меткость своих ружей и навыки в отстреле боровой дичи. Давно залатаны или сшиты новые *лузаны* (*лазы*) или запоны, сплетено нужное количество лаптей на весь период охоты, длящийся от недели до трех месяцев. Но главная, зимняя охота начиналась после Дмитриева дня 26 октября (8 ноября), так как между Покровской и Дмитриевской поминальными субботаами коми-пермяку не велено начинать длительные работы или поездки, важные мероприятия.

Покров является заметным пунктом в однообразной серости осени, в которой неуютно чувствуют себя девушки невестинного возраста. Они были рады наступающему празднику и просили его: «*Батюшко Покров, сет муыслѡ лым, а меным — жѡдник (айка)*». (Покров-батюшка, дай земле снега, а мне — жениха.)

Неотложной работой крестьян в предзимье являлась обработка поднятой со стлищ льнотресты. Снопы со стлищ привозились на подворье и сушились в бане, редко — в овине. После просушки снопы мяти на льномялке. Эта и все последующие работы, связанные со льном, считались чисто женскими и выполнялись женщинами, чаще в одиночку. Но в некоторых местностях иногда устраивались помочи. Так, в с. Егва (Кудымкарский район) и окольных деревнях издавна существовал обычай проведения *копотихи* (от русского слова *копоть* (пыль)). Если так, то это русский обычай, перенятый коми-пермяками). Раньше, как говорят старухи, копотиха имела какой-то ритуальный характер. В XX в. от этого осталось одно условие: в копотихе должны участвовать три женщины. Еще известно, что на обед, вместе с другими кушаньями, подается льняное масло, в которое *копотихиницы* макают хлеб и угощают им друг друга.

Макать хлеб в льняное масло — это, видимо, тоже один из приемов сельскохозяйственных обрядов, связанных с благодарением природы за хороший урожай, или знак пожелания хозяйке благополучия в будущем. Приведем рассказ очевидицы копотихи: «У нас в Егве копотиху справляют три женщины. Которая попроворней, та мнет. Дру-

гая треплет трепалом. Третья счесывает щетью. Бывает, и местами бабы меняются. Но в каждом деле надо иметь привычку — мять ли, трепать ли, чесать ли. Вот чешешь, так надо знать, когда какая кудель получается. Что цепляется за щеть — отдельно кладется, это *джендос* кудель для рядна. Что в руке осталось, это *содз* — чистое волокно для тонкого полотна. Чесанные горсточки складываются в пучок по 9 штук, а десятой связывают. Это десяток. А счески скатывают чурочкой в кудель — как раз для одной прялки. У кого льна много, так и по две копотихи делают. Работа тяжелая, особенно мять. Да и трепало само собой не ходит, и щеть — не машина...»

В день копотихи, вечером, затевался *анягур* — сожжение кострики. Этим традиционно занимались старики да дети. Они выносили кострику из предбанника в огород или за огород, сваливали в кучи и поджигали. При этом наблюдали, как разгорается костер. Если огонь распространялся по всему верху — это к хорошей погоде во время посева льна и к доброму урожаю; если образуются норы — к непогоде и скудному урожаю льна.

Возделывание льна в хозяйстве крестьянина ставилось в один ряд с выращиванием хлеба, и крестьянин строго следил за сроками и качеством вспашки участка и посева, технологией уборки и переработки, стремясь получить высококачественное волокно и семена, чтобы натуральному хозяйству лен тоже давал хороший прибыль.

О льне народ слагал частушки и песни, которые и сегодня популярны. Лен и волокно часто присутствуют в речи в качестве эпитетов и сравнений, когда говорится о красоте и чистоте человека: синие глаза девушки — цветочки льна, толстая коса — чесаная шелковистая горсть. С чистой куделью сравниваются свежесть, пригожесть и опрятность молодой женщины.

Предзимье. Последний поминальный день года

Дмитриевская родительская суббота, которая бывает перед Дмитриевым днем 26 октября (8 ноября), в отличие от Покровской, считается главным осенним поминальным днем, и если позволяет погода, люди всегда посещают в этот день родительские могилы.

Из напитков обязательным является сусло — густое пресное пиво, поэтому его варят в каждом доме, где поминают покойников. Даже поговорка бытует: *Митрей суботён и рудкай сурсё керё*. (В Дмитриевскую субботу и воробей пиво варит.)

Но осенние поминки все же проходят более скромно, чем Радуница или Семик. Кроме обрядовых блюд *черинянь* (рыбник), *пельняннез* (пельмени), блинов, селянки, печеной репы или брюквы, пеклись *ярушники* из ситной ячменной муки, иногда на сочне *кõрыш*, а также разные пироги, открытые и закрытые. Они по форме бы-

вают круглые, овальные, ромбовидные, полумесяцем, многогранные, на тонких сочных и толстой корке. Начинялись они картошкой, капустой, луком, творогом, морковью, калигой, свеклой, редькой, грибами, ягодами.

Изысканным блюдом у северных охотников были пельмени из рябчика. Северяне к поминальному столу подают и соленые рыжики, грузди, а также икру из грибов с постным маслом (грибной студень).

Поминальный ритуал, как правило, начинается с моления перед образами при зажженной свече, а за столом — с *каньма* (кануна). Это делается так: старший член семьи берет каным (латку или кружечку с медом, в котором *каным панёк* — деревянная лопаточка) и, приложившись губами к лопаточке, пускает каным по кругу (только по солнцу). Ритуал завершает опять же старший и дает разрешение на трапезу словами: «*Воишйё-те, баббез, деддэз и быдённыт!*» (Напитайтесь духом пищи, бабушки, дедушки и все!) Недавно умерших называют поименно, а родителей — как можно уважительнее: *ая, тятю* (отец, батя), *мамй, мамё* (матушка, маменька).

Теперь же большинство коми-пермяков, хоть и участвует в поминках, мало придерживается канонов ритуала, но перед началом трапезы у каждого взрослого звучит: «*Воишйё!*», или: «*Воишйёте!*»

В Юрлинском районе, где коренные жители русские, поминальный обед начинают словами: «Упокой, Господи, души усопших родителей...»

Интересно заметить, что русский, начиная поминальную трапезу, не приглашает умерших к участию в тризне, а лишь уповаает на посредника — Господа Бога. Коми-пермяк же обращается непосредственно к душе усопшего, как поступали его языческие предки.

И главным культовым кушаньем, как и десятки веков назад, считается *пельнянь*, что означает хлебец пеля (*пель, пёль* — предок, старец, возведенный древними пермяками в ранг божества). Надо отметить, что культ обожествления предков существовал во многих примитивных религиях, но у каждого народа были, конечно, свои особенности, присущие духовной жизни этноса.

Голендуха

Из прежних публикаций

Подготовка к зиме сопровождалась почитанием святой Марии Голендухи. Коми-пермяки считали ее «куриным богом» и приносили ей в жертву куриц, чтобы из домашнего хозяйства не терялись курицы. «Ястреб, и злой

человек, и хворь — все преследует выводок, как же тут за сохранение их не пожертвовать», — рассуждали в начале XX в. коми-пермяки. (Струминский В. Я. Указ. раб. С. 482.)

В день Марии Голендухи в деревнях Мелехина и Серва Кудымкарской волости в жертву богам и духам приносили куриц. Здесь соблюдался такой порядок: куриц клали на стол или, прежде чем раздать нищим, непродолжительное время держали над головой человека.

Обряды Голендухи

Праздник с таким несколько странным названием наиболее долго сохранялся в Сервинском сельсовете Кудымкарского района. Причем постоянного числа в календаре праздник не имеет, а отмечается в Дмитриевскую субботу — в день поминовения усопших, так что Голендуха празднуется на первой неделе ноября, не позднее 8 ноября.

Когда и по какому случаю был учрежден этот праздник, местные жители не знают. Они не могут объяснить и смысл праздничного названия.

Слово *голендуха* по происхождению явно русское, но, видимо, давно вышло из употребления. В каких-то наречиях русского языка оно являлось синонимом слова *голодуха*, о чем свидетельствует Толковый словарь В. И. Даля. Об этом же говорит и название православного праздника — день святой Агафьи, которую народный календарь в прежние века именовал не только *коровницей*, но и *голендухой*.

К коми-пермякам это слово, очевидно, пришло с теми переселенцами, которые, по словам старожилов-сервинцев, попали сюда с Верхней Камы несколько веков назад и здесь опермичились, а такое звонкое и даже романтическое слово «голендуха» не исчезло из их лексикона.

Приложение *голендуха* ко дню Агафьи 5 (18) февраля вполне оправдано, так как в старину к этому времени запасы продовольствия уже истощались и люди часто голодали.

Но о каком голоде может идти речь, если Голендуха празднуется осенью? В этот период у крестьян еще полными бывали репные и картофельные ямы, были впрок заготовлены капуста, крахмал, масло из льносемян и конопли, жмых от них. Еще не полными могли быть амбарные сусеки и мучные лари, потому что это время не очень подходящее для обмолота зерна, но в любом случае в начале зимы народ еще не голодал. Так в чем же дело, почему — Голендуха? Не произошло ли это слово от русского диалектного *голенда* (голень, голенище)?

У сервинцев когда-то существовал обычай справлять поминки по умершим панихидой в часовне в Дмитриевскую субботу. На панихиду ходили, конечно, не с пустыми руками. Сервинцы к этому церковному обряду припасали тушки домашней птицы, в основном молодых петушков и старых куриц, отчего праздник еще называется «куриным».

Птицу резали в пятницу вечером или рано утром в субботу, обшипывали, варили или тушили, а потом, завернув в *рузум* (тряпица из холста) или положив на тарелку, тащили в часовню. В ней мясо укладывалось на специальный стол, освящалось священником или другим служителем — часовенским. (Одно время, говорят, обязанности служителя часовни исполнял монах.)

Муж с женой обычно жертвовали одной тушкой. Если же семья брала с собой детей или других своих членов, полагалось приносить две-три тушки.

После панихиды часть приносимого оставалась в часовне. Такой частью от тушки, конечно, бывала ножка. Можно допустить, что когда-то эту самую ножку и называли голендой, а обряд приношения жертвы — Голендухой. Но история об этом умалчивает.

Обряд Голендухи в таком виде практиковался до середины 1930-х гг. После закрытия часовни что-то подобное совершали на дому с приглашением бывших монахов. Иногда священнодействовала местная бывшая монашка Александра из д. Чалина, хорошо знавшая как церковные, так и народные обряды; она с детства жила в Пешнигортском женском монастыре, была обучена грамоте, рукоделию, шитью на швейной машинке.

Долгое время «голендушская» трапеза по усопшим была коллективной. Это происходило так. После общей панихиды и выполнения частных заявок на помин родительских душ весь жертвенный стол выносился в ограду часовни, и устраивался общий обед, от которого сколько-то обязательно выделялось нищим, а старые, немощные и увечные, пришедшие без жертвенной тушки, угощались за общим столом.

Трапеза начиналась с благословения паствы часовенским служителем, перед которым стояли туса с брагой, пивом, сусликом и чашка меда. Часовенский пробует с палочки мед и отправляет чашку с медом трапезному люду. То же самое делает с питьем и заедает ножкой куры. Его примеру следуют остальные.

Дмитриевская суббота обычно выдается холодной, потому уличное угощение бывало коротким и затем превращалось в веселое застолье в домашней обстановке. Но Голендуха и этим не ограничивалась — в этот день было принято посещать родственников так же, как и в престольные праздники: *Провавер* — Фролы и Лавры 18 (31) августа, *Розосво* — Рождество 25 декабря (7 января), Антипа 11 (24) апреля.

Розосво — это Рождество Христово. Сервинцы и здесь отличились от других: они этот праздник отмечают дважды — 7 и 8 января. Первый — домашний, больше культовый, а второй — пиршество с приехавшими дальними родственниками.

Трапезу в ограде часовни вряд ли можно назвать церковным обрядом, хотя и вершит действие служитель церкви. У «куриного» праздника имеются глубокие дохристианские корни, а церковь приспособилась лишь к побегам тех корней. Об этом свидетельствуют и высказывания самих сервинцев, которые помнили Голендуху несколько другого рода. Та же бывшая монашка А. Г. Наумова, 1893 г. р., рассказывая про старину в 1973 г., упоминала о жертвоприношении, которое совершалось не возле часовенки, а в урочище Сергорт (Сердор), что в сосновом бору над рекой Сер:

Татён эм «курёг праздник», арнас сја. Одзжык дедё сја лунё петушоккезёс оча кок абрталас да Серё нёббтас. Сэтчин начкылас нійё да кёдё поплё сетас, кёдё куштас, да куасё. Эм места, Сергорт шусё, сэтён би керлёмась, котёлын пувлёмась и сем миром гылёмась. Брага, сур вайёны гортсиныс. Может, и вина. Ме ётпыр ветлі жё бабёкёт, да сја коддзис, и гортё одз мунлім. А эд ойшёрёдз олёны, йёктёны. (В наших местах есть «куриный» праздник, осенью он бывает. Раньше мой дедушка, бывало, молодых петушков за ноги свяжет вместе да в Серву отнесет. Там их зарежет, одного попу отдаст, другого ошпилет, да сварят. Есть местечко, Сергорт называется, там костер разжигали, в котле варили и всем миром ели. Брагу, пиво туда носили. Может, и вино. Я однажды тоже ходила с бабушкой, но она опьянела, и домой рано вернулись. А ведь до полночи остаются, пляшут.)

А. Г. Наумова это сборище посетила в конце XIX в. будучи ребенком и подробностей не помнит, но до старости помнила дедушкин разговор про «чудского бовбана Ойпень». По ее соображениям, *Ойпень* — это идол, вырезанный из пня, изображающий божество Ойпель.

Возникает ряд вопросов, уместных к ее высказываниям:

1. Почему ее дед, справный хозяйственник и набожный православный, варил петушков, как дикарь-язычник, в каком-то лесу?
2. Почему сборища продолжались допоздна, когда уже бывали крепкие осенние заморозки?
3. Почему жертвуют петушком, а не ягненком или поросенком?

Возможны различные варианты ответов, но, принимая во внимание обстоятельства «куриного» праздника, более объективными будут следующие:

1. Птицу резали и приносили в жертву ее кровь и тушку там, где производился древний обряд жертвоприношения: так повелевали заветы предков. Возможно, дед Наумовой еще видел или помнил рассказы про изображение Ойпеля, как и его товарищи-единомышленники. И, конечно, помнил заветы стариков о том, что Сергорт — священное место и все культовые обряды должны проводиться только там, иначе их благородный порыв не достигнет цели — не будет услышан божеством-покровителем, к которому обращались.

2. Более достоверный ответ можно сформулировать с учетом того же странного Ойпеля, в имени которого *ой* означает ночь. Здесь явно фигурирует Ойпель (ночной

бог) — весьма влиятельное олицетворенное божество древних коми-пермяков, которые так именовали Луну.

3. Птицей жертвовали, видимо, потому, что божество обитало на небе. К нему, конечно же, быстрее долетит птица, пусть и такая, как домашняя.

Т. И. Климов (84 года, д. Малая Серва, 1971 г.) тоже помнит сборища по случаю «куриного» праздника и считает, что они достались сервинцам в наследство от какого-то чудского увтыра «людя». Этот род когда-то селился на левом крутом берегу р. Сер. А еще раньше там обитал, дескать, род чудины Барбана. Им зарыто в урочище Сердор немало кладов, но их не может обнаружить никто, потому что «...как спрячет Барбан, так завет кладет: «Я знаю один, даже ночной бог не знает. Я не возьму, никто не возьмет».

Легенды живы и сегодня, потому урочище Сердор и нынче навешают кладоискатели. Археологами это место не обследовано, но, видимо, там стояло древнее селище или есть могильник.

Из всего сказанного о Голендухе можно сделать предположение, что «куриный» праздник сервинцев — это отголосок какого-то древнего языческого обряда, приуроченного к приходу холодов. А цель обряда — умиловить духов и божеств холода, главным из которых является Луна — *Тёлсь*, то есть Ойпель.

(Дополнительные сведения о сервинцах читайте в других разделах и в приложении, помещенном в конце книги.)

Лесные заготовки

С Митрия, как повелось у крестьян, можно начинать и более важные дела сезона. Если похолодало и замерзла земля, начинается заготовка строевого леса: снег еще не глубок, а древесина уже окрепла, затвердела, так как прекратилось сокодвижение. Но предусмотрительный хозяин за валку леса примется лишь тогда, когда луна пойдет на ущерб, ибо, как утверждают жители иньвенской стороны, такая древесина не растрескивается при высыхании весной. Она особенно хороша для распиловки на плаху и тес, а также на бруски, из которых делаются оконные рамы. Соблюдают и еще одно условие: зачин большой работы должен совпасть с одним из легких дней недели, какими считаются среда, пятница и воскресенье.

Выезжать в лес старались в урочный час — затемно или с рассветом, когда еще нет прохожих, чтобы не иметь дело с «худой встречей». Под этим определением имелось в виду встретить бабу с порожними ведрами или с другой посудой, попа, колду-

Заготовка сруба для жилого дома в д. Минядын Кудымкарского района. 2001 г.

вообще человека «худой встречи». Боялись не только колдуна, который мог напустить порчу на топор и другие орудия труда, но и завидущего, который может сгладить лад дела.

Очень суеверные люди, говорят, в первый выезд на рубку леса брали с собой угощение для «хозяина леса» — сигару с табаком или махорку на закрутку. Бывают пожертвования и посолидней: пирог из *шулимов* — мелкой несъедобной рыбы железницы.

Заготовка леса для строительства дома сильно затягивалась, и для того, чтобы справиться с этим делом до Святков, повсеместно устраивались помочи и для рубки, и для вывозки бревен. В старину, когда крестьянские семьи были многочисленными, на помочь приглашались только родственники. Теперь же этот клановый принцип утрачен. Помочью же в две-три пары производилась распиловка чурок на тес и шпалу. Но были и наемные пильщики-профессионалы. Они, как и пимокаты да коновалы, ходили по деревням и на определенных условиях рядились на работу.

Осенью, еще по чернотропу, но когда дерево уже взялось холодом, заготавливают материал для саней, телег, оглобель, дуг, вальков, ульков (гнутой валец с оглоблями из цельного дерева). На эти изделия шли лиственные породы — береза, черемуха, рябина, ильм. Заготовка велась опять же при старой луне. В последние годы мастера санных дел снова появились во всех районах округа. Например, И. Е. Маскалев из д. Маскаль Кочевского района, выйдя на пенсию в 1990 г., изготовил уже более десяти саней. Их покупают колхозы и частники. В прошлые века телеги изготавливали майкорские мастера, теперь это ремесло заглохло, но появились телеги на резиновом колесе.

Баннные посиделки

С Митрия же начинаются дневная обработка льна и вечерние баннные посиделки девушек и молодых женщин-прях. Такие посиделки практиковались с незапамятных времен и вплоть до середины XX в. Они обычно устраивались в каждой деревне в течение двух-трех недель.

За это время девушки успевали подготовить некоторую часть пряжи из льна и шерсти для вязания зимой и тканья весной холстов, полотенец, половиков, кушаков, покровов, сукна.

Еще до начала посиделок женщины сушили в банях льносоломку, мяли ее на *нярьянах* — мялках, трепали деревянной лопаткой *пыркѣтчан* — трепалом, чесали *зуом* — щетью.

С баней и посиделками в них связаны рассказы-страшилки. В них очень устойчивый, можно сказать, вечный сюжетик с некоторым разнообразием деталей происхождения. Вот некоторые из них, повсеместно бытующие и сегодня.

«Вот старуха одна рассказывала... Если я совру, то, значит, она мне соврала. Затопила баню, все приготовила — надо мыться бы, а корова из лесу не пришла. Я пошла искать да до полночи и проходила. Дак вот, зашла в баню, разделась, стала мыться. Вдруг — хлоп-хлоп! — доска с полка в потолок стрельнула. Ну, ясно, душа у ней — в пятки. А тут снова — хлоп-хлоп! — и черная голова вылезает. Тут-то она и вылетела из бани... Наутро с мужем пошла за одеждой, а ее в ключья кто-то разорвал и на пол скинул».

«Девка лен мяла до двенадцати часов ночи, хотела уж домять. Дверь в предбаннике открыла, месяц светит. Оставался один сноп, последний. Тут кошка замыкала в бане. «Ой, когда она успела зайти?» — подумала девка и открыла дверь. А в щель не кошка вышла, а рука мохнатая появилась и хотела схватить ее. Девка не растерялась: хлопнула дверью и бросилась бежать. Пришла домой без языка, тожно через день заговорила... Банник ее шуганул».

«Девки в бане сидели и разошлись. Один парень в ту баню пошел и встретил бывшую подругу, спросил: «Машка там?» «Там, там, ждет тебя», — со злости наврала девушка. Ну, тот и поверил, пошел. Заходит, коптилка горит, при ней вроде бы Маша прядет. И вдруг свет погас и хохот раздался, от которого ему плохо стало: упал, и его стали заталкивать в каменку. Тут и подоспела девка-то, которая обманула парня, и кликнула его, и банный чуд отпустил...»

Наступление зимы и зимние заботы

Зиму, какая бы она ни была, крестьянин ждал с нетерпением и возлагал на нее большие надежды. Сугубо зимние крестьянские работы обычно начинались с Егория зимнего 26 ноября (9 декабря), когда мороз скует реки и выпадет снег.

Коми-пермяцкий край вплоть до конца XIX в. был глухой окраиной Пермской губернии. Тогда в Гайнах, а по большой воде и в Косе, уже появлялись пароходы, а в стороне от водных путей для летней езды не было никаких дорог — все леса, болота да хляби, по которым с трудом передвигались верхом на лошадях. Хотя четырехколесная телега в крае появилась еще в середине XIX в. (она долгое время была на деревянном ходу), на ней далеко не ездили. Единственным надежным транспортом, с помощью которого осуществлялась связь с внешним миром, были сани.

Кудымкарцы для поездки на станцию Григорьевскую или до пристани Усть-Пожва укладывались в три дня, в уездный центр Соликамск — от четырех до шести дней. Не меньше требовалось для посещения своего уездного центра — г. Чердынь — гайнцам, косинцам, кочевцам и юрлинцам. Летом же реки без мостов и переправ, болота без гати и стлани были непроезжими и непроходимыми. Вот почему селянину зима была такой же желанной, как и благодатное лето.

Телега с «глухими» колесами. Северные коми-пермяки. Начало XX в.

Волокуша на колесах. Северные коми-пермяки. Начало XX в.

С приходом зимы начинается забой скота. Мясом хозяйство запасается на всю зиму, излишки идут на продажу.

При забое соблюдался ряд правил, выработанных веками:

1) перед тем, как начать «дело», испрашивают благословения старшего в семье и Ена;

2) не называют животного, на которого пал выбор, по кличке;

3) не произносят слова «резать, колоть», а говорят *кутны* — поймать;

4) нельзя жалеть жертву, иначе она долго не «заснет», будет биться в судорогах. Чтобы погасить в себе эту жалость, забойщик, начиная «дело», закусывает солонинку. Если пожалеешь, скажем, петуха, то он может вырваться из рук даже безголовый.

Старинный обычай «*сёйны порсьпель*» (есть свиное ухо) сохранился у некоторых жителей с. Белоево. Тушу свиньи начинают обжигать на костре (теперь — паяльной лампой) с головы, точнее — с ушей. Обожгут, оскоблят, обмоют и, приняв мерку водки, закусывают ушной жарехой.

Национальный ли это обычай, сказать трудно, ибо нынешние белоевцы — потомки русских, переселенных Строгановыми из окрестностей нынешнего с. Ильинского. Но те ильинцы, по всей видимости, были обрусевшими пермяками, о чем говорит и распространенная фамилия Чудинов.

В декабре продолжается обмолот хлебов, для чего снопы из скирд, что на полях, свозятся на гумно. Молотили обычно семейно или помочами на ледяной *долони* — полу гумна, *вартанами* — цепями. Зерно просеивалось с деревянной лопаты.

Если осенью был совершен обряд обмолота первого снопа, то зимой обходятся без обряда, но туес браги на долонь все же ставится.

Когда работают опытные молотильщики, они выдерживают определенный ритм — лад, менее утомительный, но спорый. Такой тон работе задает бывалый начинщик, у которого и цеп меченый: на черенке — родовой пас, а на битке — крестик вырезан. Такой и сглазу, говорят, не поддается.

Под размеренный перестук цепов веселее работалось и подросткам, которые подбрасывали снопы и убирали обмолотки.

Перед тем, как приступить к веянию, хозяин призывал на помощь ветер. Он выводил за гумно (дома — за ворота), подбрасывал как можно выше свой колпак и свистел во весь дух, чтобы его услышал бог ветра, каковым считался Ойпель.

В урожайные годы обмолот хлебов растягивался на всю зиму, но к марту старались эту работу завершить. Крестьяне сами себя торопили, говоря: «*Локтіс март, шкѣтѣ варт, а то шыр сѣяс*». (Пришел март, обмолоти зерно, а то мышь съест.) Затяжка с обмолотом происходила не только от состояния хозяйства, от недостатка рабочей силы, но и от малого числа гумен, где производился обмолот.

Во второй половине XIX в. у коми-пермяцкого крестьянина появились надежные помощники, намного ускоряющие его труд: конная молотилка и ручная веялка. Самой распространенной была молотилка «Очерка», приводимая в действие посредством двух лошадей.

Там, где «соседствуют» храмовые праздники Катерина 24 ноября (7 декабря) и Егорий зимний 26 ноября (9 декабря), в промежутке между ними, как и между осенними поминальными субботама, воздерживаются от начинания важных дел.

В день Георгия Победоносца принято отдыхать и праздновать. В селах, где этот день являлся престольным праздником, вплоть до организации колхозов случались торжки. В том же с. Верх-Иньва, как утверждают старики, со своим товаром приезжали торговцы и купцы из соседних селений, из Кудымкара, а также юздинские пермяки. На торжках продавались топоры и пилы, чугунные изделия, обруя и веревки, всякая обувь. Бывали красная рыба, сиг, изюм, сахар, печатные пряники.

О широком праздновании Катерины и Егория зимнего, о разгульном характере этих первых зимних праздников среди жителей сел Верх-Иньва и Самково бытует такая поговорка: «*Ёгор нюжѣтчѣ — Катерина насъкѣтчѣ*». (Егор тянется — Катерина ширится.) Правда, глаголу *насъкѣтчыны* зачастую придается значение *раздвигается*.

Супрядки

Едва успокоилась Катерина, а бабы уже помышляют о супрядке — коллективной работе по изготовлению льняной и шерстяной пряжи.

На супрядку приглашаются родственники и более опытные прядильщицы-соседки. Они обычно одеваются если не по-праздничному, то в чистую одежду при передничке. Каждая пряжа приходит со своей пряслицей, с той, которая понарядней — узорчатая, с резьбой, и веретенами покраше. Нитки прядлись из разных куделей: для тонкого полотна *сõдз*, для рядна *джендõс*, для перчаток — тонкая шерстяная пряжа, для будничных чулок, носков и *чупошек* (вид тапочек), которые вяжутся одной деревянной или костяной иглой, более толстой.

К этому же дню приурочиваются и другие работы: пиление и колка дров, разделка сучьев и хвороста для железной печки.

Раньше добрый хозяин на лесной делянке оставлял только короткие пеньки да самые тонкие вершки. Даже шишка подбиралась — для самоваров. А из еловых сучьев делали плетеный тын, в котором тынины простаивали полсотни и более лет.

Супрядка — это небольшая помощь и веселый праздник. В прибранной избе уже с утра жужжат веретена, а во дворе визжат поперечные пилы, стучат колуны, у изгороди встает поленица, мужикам после хмельной бражки работается лихо. Да и женщины и дети, которые складывают дрова, тоже не зевают.

Супрядки устраивались не так часто и не в каждом хозяйстве, а после ликвидации единоличного хозяйства и организации колхозов, когда было запрещено иметь частные участки под посевы льна, они вовсе прекратились. Не стало и девушек-прядильщиц, неделями живших у родственников (в основном — в зимний мясоед до Великого поста).

Случалось устраивать супрядки под весну, когда уже поджимали сроки мыть пряжу и ставить *кросны*. А кое-где устраивались и вечерние супрядки, на которые собирались девушки.

В прежние годы в каждой избе имелось несколько пряслиц, одна из которых как бы праздничная: или расписана красками, или с резной лопастью и стойкой. В XX в. стойка часто бывала точеной, как и веретена. Праздничную прялку обычно дарили мужья молодым женам или дедушки — любимым внукам. Их делали сами хозяева, но иногда она приобреталась и на стороне. Привозные, как правило, были негнутые, некорневые, а с прямой стойкой и резьбой на лопасти. На приобретенных прялках некоторые хозяева ставили, как требовали обычаи, свой родовой *пас* (знак, пятно). На изготовление прялки с изогнутой стойкой уходил не один день, так как изделие вытесывалось из цельного дерева с корневищем.

Кыдзи печкись уськõтас чõрссõ да тийõктас киндõскõ лэбтыны, дак оз лэбтõ, медбы печкисьыс ассис дьшисõ лэбтисьыслõ эз сет. (Если прядильщица уронила веретено и про-

сит кого-нибудь подать его, так не подают, чтобы она не смогла передать свою лень поднимающему.)

Кыдзи печкисьыс чеччас, нюжотчас да кыкнан кинас павкотчас кинкё сиви бердё — дылсё ассис сетас. (Если прядильщица встала, потянулась да обеими руками дотронулась до плеч другого — передала свою лень.)

Дылсё сетикё шуоны: «Дышко-вышко, меись пет, сыё пыр». (Отдавая лень, говорит: «Ленушка, выйди из меня, в него (в нее) зайди».)

Охота и обряды

Охотничьих обрядов у коми-пермяков было множество, но о них мало кто, кроме самих охотников, знал, а ритуалы совершались скрытно. Правда, артельные охотники перед началом лесования устраивали коллективный обряд, но опять-таки в укромном местечке, в стороне от любопытных глаз.

В прошлые века такие сходки-обряды совершались, главным образом, северными коми-пермяками, жителями бывшего Чердынского уезда, где жили государственные крестьяне. Южные коми-пермяки, являясь крепостными Строгановых, почти не охотились.

У значительной части промысловиков традиционной была охота на пушного зверя. Реже добывались олень, лось, медведь.

Начало сезона совпадало с началом зимы, то есть когда выпадет снег, замерзнут реки, а зверье «оденется» в зимние шубки.

Охотники были хорошо приспособлены к цикличности природы, помнили о природных капризах и старались даже предугадать их, наблюдая за теми или иными казусными явлениями, опираясь на приметы и советы бывалых людей. Примечали: если выпал обильный снег, но на талую землю, — это временное явление, снег еще растает; если еще и снега нет, но заяц-русак начал белеть, — жди снега.

Древние люди были очень суеверны и осторожничали в своих начинаниях. Путем некоторых магических действий они пытались предугадать, удачной ли будет дорога, работа, охота.

Герой иньвенских преданий Кудым-Ош перед дальней дорогой или началом охоты подносил дары своим богам и пытался узнать, что его ожидает впереди. С этой целью он стрелял из лука в специальный *пас* — мету на дереве. Считалось, что если стрела угодит в пас, то людей ждет удача. Если же стрела пама пролетит мимо паса, считалось, что задумка людей не угодна богам, значит, на этот раз лучше остаться дома, а не рисковать.

Язычники Верхней Иньвы перед охотой, как гласит предание, ходили к священному дереву Сырчик-пичиккээ. Они подносили дереву дары и просили его об удачной охоте. Это дерево, говорят, считалось как бы покровителем, заступником людей от всякой нечисти и других напастей, что мешают охоте.

Кочевцы рассказывают легенду о «чочком йёра» или «чочком кёр» (белый лось или белый олень), который выходил к охотникам для того, чтобы его убивали и приносили в жертву богу Ену — верховному божеству язычников коми. Этот акт, возможно, являлся межродовым или межплеменным праздником жертвоприношения. Со временем этот обряд утратил свое первородное значение и назначение, превратившись в праздник хлебобобов с принесением жертвы богу быка (обряд быкобой).

Но если исходить из поверий древних охотников, то белый лось предназначался не Ену, а другому, тоже очень влиятельному божеству таежных жителей — *Вөрпелью* (*вөр пель* — лесной бог), от которого всецело зависела охота на зверя и птицу. Со временем это могучее божество было низведено до ранга нечистого и стало называться *Вёрись* (лесной, леший), который также считается хозяином всей лесной живности.

Это поверье породило массу всевозможных быличек, до сих пор распространенных в народе.

Еще в начале XX в. какой-то древний обряд совершали гайнские охотники, собираясь в урочище *Вадёркуа* дважды в год — весной и осенью, перед началом охоты. Подробности этого обряда неизвестны, но, как утверждал житель пос. Гайны П. Д. Харин, на эту сходку приглашался *тёдись* (знахарь). Он, возможно, подобно сибирским шаманам, был главным действующим лицом творимого обряда. И, безусловно, он был знатоком и хранителем охотничьих заветов и заговоров, а также знал и некоторые ухищренные способы лесования.

П. Д. Харин помнил рассказ своего дедушки, который охотился луком со стрелами. При этом у охотника имелся напарник, который следил за полетом стрелы и подбирал ее, если она не попала в цель.

Тот дед-стрелочник, хотя и не был большим охотником (в артели не входил), но лук и стрелы тоже умел заговаривать и даже заманивал зайца в ловушки-петли из конского волоса.

Его заговоры были самые примитивные, но старик, видать, крепко верил в их магию. Вот заговор на ловлю зайца петлей: «*Небыт гёна, шонді сина, бокё эн кеж, бёрё эн берт, вевдёрё эн чеччөвт, а мун веськыта аслат осьтаё, менам тиамьяё?*» (Мягкошерстный, солнцеглазый, не сворачивай в сторону, назад не ходи, не прыгай поверху, а иди прямо в свою дыру, в мою кладовку.)

Перед заговариванием ловушку обтирали пихтовой веткой.

У гайнских и косинских охотников, как утверждают старожилы, существовал обряд подготовки охотников к отстрелу медведя.

Обнаруживший берлогу медведя охотник идет к бывалому медвежатнику. Тот, кроме сообщившего, берет еще одного надежного охотника, и совершается сговор. О своем сговоре и замысле они не сообщают даже членам семьи, чтобы «сам» не догадался.

Готовятся к этому три дня: в первый моются в бане; во второй старший варит кашу из репы или брюквы и выставляет на ночь во двор, чтобы наутро, еще до рассвета, узнать, понравилась ли каша «самому». Об этом может узнать лишь один старший и решить: идти на медведя или отложить на другой день. Утром третьего дня, помолившись Богу, еще затемно, чтобы не встретить людей, отправляются в лес.

На медведя ходили только с заговоренными или освященными в церкви ружьями и рогатинами.

В д. Цыпушата Кудымкарского района рассказывали о том, как опытный медвежатник, который «взял» одиннадцать медведей, на двенадцатого пошел с новым, не заговоренным ружьем — и пал жертвой зверя. У него было по шесть пальцев на руках, а такого в народе считали удачливым охотником.

«Меченым» Богом и урожденным зайчатником в с. Пешнигорт слыл старик по прозвищу Кузнеч Ваню: у него на больших пальцах рук были «заячьи» ногти. Он очень искусно пользовался петлями на зайца и силками *дзуг, лѳч* на рябчика и тетерева.

Есть мнение, что настоящим охотником рождаются и им бывают только мужчины. Но в Гайнском и Юрлинском районах в 70-е годы XX в. профессиональными промысловиками были и женщины: видать, и им судьба или, как говорили наши деды, Ен даровал *вѳр шуд* — лесное счастье.

Жители с. Чураки рассказывают, что в их лесных угодьях еще сто лет назад было столько рябков, что не только сетями да силками ловили их, а даже палками сшибали. И, естественно, пельмени делали не из какой-то говядины, а только из рябчика.

Одна бывальщина рассказывает:

Олѳмась Мырыв да Кѳкѳв — мужик да инька. Мырыв вѳралѳмѳн олѳма, абѳ гѳрѳм да кѳдѳм. Мый кыяс — сѳян керас, паськѳм да кѳмкѳт, нянь вылѳ вежас. А кыйны вѳлѳма мый: и пѳткаыс, и зверьыс вѳр тырьяс вѳлѳма.

Кѳкѳв асывнас гор лонтас, хозяиныслѳ шуд:

— *Коліс бы пельнянь керны...*

— *Дак керам!*

Мырыв босьтас лыйсянсѳ, ѳиынок осьтыштас (веитасяна ѳиынок вѳлѳма), крон выяс вѳрас — пу вылѳсь сѳла да дозмѳр усясѳ. Пыртас нійѳ гортас, куштас, масьтас, пельнянь керас.

(Жили Мырыв и Кэкэв — мужик да баба. Мырыв лесованием кормился, не пахал, не сеял. А дичи хватало — тайга полна была и птицей, и зверем.

Затопит Кэкэв утром печь, скажет мужу:

— Надо бы пельменей настряпать...

— Так сделаем!

Берет Мырыв ружье, открывает окошко (оно волоковое было, дощатое), ба-бах по лесу — с дерева рябчик и глухарь свалятся. Занесет их домой, опишет, изрубит, пельмени сделает.)

Считалось, что жизнь охотника была полна опасностей и всяких неожиданностей и надо было быть всегда начеку не только в лесу, но и на дороге-тропке, и дома. Оберегались от злоумышленника, от его *уроса* и порчи. Колдун мог испортить как самого охотника, так и его орудия ловли, ружье. Чтобы не случилось уроса или сглаза, охотник при встрече с незнакомцем зажимает руку в кулак или делает *кукиш* и произносит про себя: «*Тун-еретник, ме йидн йшаси, пуртдн пуртаси, кортдн игнаси. Пинь вылат — галя, кыв вылат — зуд. Вутишие эн кутчы, вутишие бергбтчы*». (Тун-еретник, я поясом опоясался, ножом оградился, железом закрылся. На твой зуб — камень, на твой язык — брусочек. Лучше не ввязывайся, лучше отвернись.)

С приходом в край православия постепенно менялись структура и форма заговоров и словесных оберегов: простенькие и коротенькие, но весьма емкие, тексты язычников переплетались с более пространными и сложенными русскими текстами, где всегда присутствует религиозная тема, фигурируют святые. Вот их образцы.

На лесование. Встану я, раб божий (имярек), перекрестясь, пойду, благословясь, из дверей в двери, из ворот в ворота в темные леса, где водится всякий зверь и всякая птица: куница, лисица, белка и норка, волки и рыси, бурые медведи, глухари и рябки. Помолюсь я, поклонюсь я святителю Николаю Чудотворцу: Николай Чудотворец! Пошли на мою ловушку мерлушку, чтобы мою ловушку никакой зверь не обошел, а шел бы прямо той дорожкой, на которой моя ловушка. Святой Николай Чудотворец! Помолюсь я тебе: сохрани мои ловушки от всякого недоброго человека, моей дорогой идущего или мимо проходящего. Ключ — мой язык, замок — мой рот. Аминь.

От уроса ружья. Пойду я, раб божий (имярек), с ружьем в темные леса бить и стрелять зверей и птицу лесную, птицу водяную. Чтобы ружье мое не испортилось, помолюсь я, покорюсь: Спас-Спаситель, Микола многомилостивый, святые апостолы Петр и Павел, избавьте мое ружье от уросов, от призоров, от одноглазого, от косоглазого, от черноглазого, от лиходея, от девки-чернявки, от проходящего и дорогу переходящего, чтобы ружье они не могли изурочить и испортить. Слова мои не на ветры буйные, не на реки быстрые, а на мое хорошее ружье! (Плунуть три раза.) Ключ — мой язык, замок — мой рот. Аминь.

Но ружья охотники заговаривают не только от уроса и порчи, что исходят от зловредного человека. При некоторых обстоятельствах охотник бывает сам зловредным, старясь напакостить своему брату-охотнику. Такую пакость мог сотворить сам охотник или же имело место заказное действо. Цель этих предприятий — корыстолюбие, конкуренция или какая-нибудь месть. Имелся заговор и на этот случай.

Как заговорить ружье товарища. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Идем мы по темному лесу два оружейника бить и стрелять лесную кичу, тетерю да рябка.

Помолюсь я, раб божий (имярек), Николе Чудотворцу, Семену праведному: Никола Чудотворец и Семен праведный! Чтобы мое ружье всяку кичу било и ранило, будь она близко ли, далеко ли, а у моего товарища оружие стреляло бы, но в кичу не попадало — пух да перья вышибало, а кичу не убивало. Мои слова крепки и лепки, крепче камня-булата. Не на камень и не на кирпич, а на ружье моего товарища. Ключ во рту, а замок на небе у Николы Чудотворца и Семена праведного. Аминь. Тридевяти аминь!

Как ни странно, но этими и им подобными заговорами пользуются и современные охотники. И, конечно, как и их предшественники, они придерживаются многих примет, обычаев и поверий.

Бывалый охотник, например, никогда не возьмет щенка бесплатно, даже от своего отца: за него давали шкурки белки, горностая, бурундука или хотя бы крыло утки или лапку зайца, которыми в деревнях подметают шесток. Теперь, правда, в ходу другой обычай: одарить хозяина щенка ста граммами водки или самогона, бутылкой пива или деньгами.

До сих пор существует поверье, что лайка с большой охотничьей страстью бывает лишь «четыреглазая», то есть над глазами имеет заметные пятна другой окраски.

Уходящий на несколько дней и даже недель охотник берет с собой не только еду и припасы, но и разные обереги. Ими могли быть маленькая иконка, медвежий клык или коготь, *зумага* (бумага с текстом заговора или молитвы).

Язычники в качестве оберегов, очевидно, использовали культовые металлические скульптурки, цветные или необычной формы камешки.

В дальних охотничьих угодьях у каждого единоличного охотника и артели была своя избушка, кладовая для хранения продуктов и шкур — *чом, тишамья*.

Охотничьи обычаи зафиксировали ряд запретных моментов и требований, несоблюдение которых было чревато серьезными последствиями.

Вот некоторые из них:

Вӧралікӧ оз поннясьӧ. (Во время охоты не сквернословят.)

Вӧрын оз касьтылӧ «асьсӧ хозяйинсӧ». (В лесу не поминают «самого хозяина».)

Вӧр керкуокӧ озӧ пыртӧ ловья вӧрпиӧс. (В избушку не заносят живую тварь.)

Оз оишасьӧ бура вӧралӧмӧн. (Не похваляются удачной охотой.)

Нодья оз керӧ нывьпу увтӧ. (Не устраивают нодью под пихту.)

Охотники верят в разного рода приметы, например, в такие:

Кай пуксьӧ мортис вьлӧ умӧль одзын. (Птица садится на человека перед несчастьем.)

Шыр да дзӧдзыв кайӧны мортис вьлӧ умӧль одзын. (Мышь и ящерица лезут на человека — не к добру.)

Керкуок вылѳт ур чылас — сотчѳм одзын. (По избушке белка прошла — к пожару.)

Кузь туйѳ гортісь петѳны сэк, кѳр горыс пѳдана. (В дальнюю дорогу отправляют при закрытой печной трубе.)

Косинские охотники, которые промышляли охотой даже на отрогах Уральских гор, говорили: *Гальѳ мунан неделя кежѳ, а сѳянтѳ босьт нѳль неделя кежѳ.* (Собрался в Галь⁴ на неделю, а припасы бери на четыре недели.)

Андреев день и Никола зимний

С середины декабря, когда день становится «с вершок», а ночь — «с четверть», в деревне уже все во власти зимы, и трескучие морозы приносят людям много дополнительных хлопот.

И в этой стыни неким теплым окошечком в духовной жизни коми-пермяков являются праздники: Андреев день — Андрея Первозванного 29 ноября (13 декабря) и Николин день — Николы Чудотворца 6 (19) декабря.

В прошлом на день Андрея Первозванного с особой надеждой смотрели жители с. Егва и окрестных деревень (Кудымкарский район). Считалось, что этот святой и учрежденный в честь его праздник несут народу очень нужные в это время благотворительные силы, которые прибавляют в людях стойкость и терпение для того, чтобы преодолеть зимние невзгоды и другие трудности бытия. В этот день на праздничный молебен ходят даже мужики, не очень охочие до таких мероприятий. Правда, раньше определенную роль здесь играл и торжок, устраиваемый на площади возле Свято-Алексеевской церкви. Обычно торговали с возов, но некоторые торговцы устраивали, говорят, и временные прилавки, на которых лежала разная бытовая утварь, лыко, береста, мочало.

Люди были убеждены в том, что святой Андрей Первозванный весьма благоволит купле-продаже, и обе стороны бывают в барыше: торговец выгодно сбывает свой товар, а покупатель завладел недорого нужным.

Примечали, что до Андреева дня могут быть декабрьские оттепели, а затем круто берут морозы, которые в народе называются Никольскими. Этой примете верили и меновщики-лошадники, которые в Андреев день съезжались в с. Егву из многих волостей. Частыми гостями здесь, говорят, бывали и цыгане. Присматривали лучших лошадей для себя местные и приезжие конокрады.

⁴ Галь — хребет на Урале, который манси называют *Галь-соры*.

Престольный праздник Николы зимнего Русская Православная Церковь учреди-ла во имя святого угодника Николая Чудотворца, покровителя земледелия и ското-водства. На Урале его имени было посвящено множество церквей и монастырей. Свя-то-Никольской называется и кудымкарская церковь, построенная по проекту извест-ного российского зодчего А. Н. Воронихина в 1795 г. как поместный собор — глав-ный храм Иньвенской дачи Строгановых.

В Николин день в соборе всегда совершался большой обряд богослужения со зво-ном — обедня, на которую, несмотря на морозы, собирались не только кудымкарцы, но и верующие других приходов, считая за большую честь быть причастными к тако-му событию.

В былые времена после такой обедни шла оживленная торговля на прицерковной площади, куда съезжалось все местное купечество, мелкие торговцы, деревенские ку-стари и хлеборобы. И опять же считалось, что Николай Чудотворец потворствует торговому делу, что праздничный звон обернется «звоном» в кошельке.

В качестве примера рассказывали, как крестьянин д. Сергино Вавра Мишка на одном из Никольских торгов удачно сбил партию товара и разбогател. А свой бизнес начал с продажи иголок и вязальных спиц. Спустя некоторое время Вавра Мишка сам открыл лавку и стал величаться Михаилом Лаврентьевичем Радостевым. От его недвижимого имущества народу достался добротный двухэтажный дом в с. Пешнигorte, в котором на протяжении почти сорока лет помещались сельский Совет и почтовое отделение. Долгое время служили в качестве торговых точек его лавка и склад.

На Никольских торгах крестьяне продавали свои излишки семян льна и конопли, зерна. Но такое случалось не часто. На продажу выставлялось кузнечное и кровельное железо Чермозского завода, изделия из чугуна Кувинского завода, продукция Май-корского и Пожвинского заводов.

Миколу зимнего деревня «потчевала» крепко настоящей брагой (*туран*) и хмель-ным пивом (*сур*). Для того, чтобы брага получилась пенистой и душистой, в мешани-ну из бражна или уже в готовую брагу добавляли цвет бражника (*лобоз*, *дукатурун*) и дягиля (*пöлян*). Мужики пили эти напитки еще дня два после праздника, группами павшая родственников и соседей. Иногда, говорят, праздничали и «в складчину», купив штоф из кабака. Его опрастывали в большую чашку, бросали туда хлебные крошки и хлебали, как тюрю, закусывая квашеной капустой с мясом.

Тöвся Микола яйöн вердö, а тудысса — пистикöн да пиканöн. (Микола зимний кор-мит мясом, а весенний — хвощом да пиканом.)

Барышнöй рубöн колö мавтыштын кольчöм товарсö — чоужжык вузассяс. (Руб-лем от прибыли надо помазать оставшийся товар — быстрей разойдется.)

Медбы прокод вöли бур барыш, колö частожжык сетапны милостина ницöйезлö. (Что-бы всегда была хорошая прибыль, надо почаще подавать милостыню.)

Очищение жилища

После Николы зимнего, в никольскую же стужу, в старину деревня объявляла войну тараканам, клопам и сверчкам с тем расчетом, чтобы в новый год вступить без ползучих и кусачих тварей. Тараканов деревня не страшилась, можно сказать, свыкла с ними. Ну, копошатся за печкой и в щелях стены — и пусть себе егозят! Ну ежели какой-то черный прусачок угодит во щи — что за беда? Подцепи ложкой да выкинь! Если и попадет ненароком в рот — не лопнешь!

Среди коми-пермяков даже поговорка ходила:

Тороканы не сэрпöсь — чупкы да чанкы! (Таракан не поган — обсоси да выбрось!)

Было поверье: если в избе появились тараканы, так быть в хозяйстве довольству. Даже детские сказочки и потешки таракана показывают «другом» человека: то он стирает, то полы моет. И жалуется на свою тараканью участь: *«Торокан тэ, торокан, абу тэныт бур олан: шельö пыран — чувйöны, джоджö лэдзчан — тальöны, умöль мортöн шубöны»*. (Таракан ты, таракан, нет тебе хорошей жизни: в щель спрячешься — тычут, на пол спустишься — топчут, плохим человеком обзывают.)

Внезапное исчезновение тараканов — к беде. В народе живут различные бывальщины, подтверждающие эту примету. Вот одна из таких:

«Мужик пошел на речку морды проверить. А там — по жердям-мосткам что на бережничке, — темная веревочка тянется: тараканы речку переходят... Через три дня сгорел дом, из которого тараканы ушли. За рекой-то единственный дом стоял, так они, нахлебники, — в деревню, за речку».

Если таракан — «свой брат» крестьянину, то клоп — кровопиец и злейший враг человека. Полчища клопов, особенно перед непогодой, людям ночью спать не дают,

кусают тело и треплют нервы своей жертве. Меткую характеристику клопу дает коми-пермяцкая загадка:

Кин кöинся лёкжык? (Кто лютее волка?) Оказывается, клоп, домашний «звир».

Чтобы извести клопов с помощью мороза — это наиболее приемлемая и эффективная профилактика прошлых веков, — семья на несколько дней переселяется в

Амбар в с. Большая Коча.
Конец XIX в.

баню. А до переселения хозяйка в бане уберет сажу, помоем полки и лавки, а потом с чепаном хлеба и солью на нем встанет у банной двери и попросит разрешения на временное житье: «*Банюшка-матушка, теплая парюшка, Соломея бабушка! Локтамо ме да Ёгорей Короблюй! Лэдзо менё да менчим челядьёс татён олыштын!*» (Банюшка-матушка, теплая парюшка, Соломея бабушка! Идем я да Егорий Хоробрый! Пустите меня да моих деток здесь пожить!)

Перебравшись в баню, иной раз вместе с курами, в избе топят печку, трубу закрывают пораньше, с угаром, бросая на тлеющие угли куриный помет. Затем плотно закрывают дверь на несколько часов и только после этого открывают двери настежь. В зависимости от температуры воздуха тараканов и клопов морозили около недели.

В бане проводилась дезинфекция одежды. А делалось это так. Перед помывкой-паркой белье вешали на шесты под самым потолком, и оно там висело несколько часов или оставалось до утра. Сухой жар и жгучий пар неплохо расправлялись с паразитами. Но отдельные вши и гниды все же выдерживали и такую экзекуцию. Для их уничтожения делали густой щелок. А выстиранное в сполоснутое в проруби белье морозили. Но и такой способ избавиться от вредных насекомых бывал безупречным. Не зря же народ сочинял анекдоты на эту тему, вот вроде этой шутки: «На тропинке, ведущей в баню, встречаются две вошки. Та, что уже побывала в бане, спрашивает: «Ты куда, сестрица?» Другая отвечает замопильным голосом: «В баню... А ты откуда?» Та радостно восклицает: «Из бани, из бани!»

В условиях сурового климата баня имела и другое важное значение: она парила, лечила и очищала душу от всяких сумятиц и нервных срывов, успокаивала и настраивала людей на добрый лад.

Кроме того, баня служила родильным помещением, а также местом, где проводились разного рода житейские обряды: «каша» в честь новорожденного, удаление с тела ребенка «кочерги», изгнание вселившегося в ребенка «чуда». В бане совершались гадания и колдовские обряды.

Клеть — хозяйственное
помещение жилища.
Село Большая Коча. 1898 г.

Солнце — на лето

К мифическим представлениям предков мы относимся с ухмылкой и не принимаем их всерьез ввиду отсутствия реальности в тех событиях и явлениях, о чем повествует миф. А для древних людей эти представления были неотъемлемой частью их духовной деятельности, являлись сутью их воззрений и верований. Они передавались из поколения в поколение как предписание, как некий закон, не подлежащий пересмотру.

У части коми-пермяков зима ассоциируется с каким-то злым существом и само-дуром, от напастей которого страдало все живое. Лютые козни злодейки-зимы может предотвратить лишь Солнце. Оно, в свою очередь, зависимо от бога Ена и действует согласно его воле.

По осколкам коми-пермяцких мифов можно составить кое-какую картину космогонических связей в мире.

В небесном пространстве *Енма* (земля бога *Ен*) властвует *Ен*, у которого двое детей — *Лун* и *Ой* (День и Ночь). У Дня — сын Солнце, у Ночи — сын Месяц. У Солнца есть еще дочь *Зарань*. Месяц бездетный, но он владелец зверей и скота, чьи следы, как и *Туритуй* (журавлиный путь — Млечный Путь), видны на небе в ясную ночь.

Усадьба в с. Большая Коча, Кочевский район

Ен одно время отводит от Земли подальше День и Солнце — в назидание того, чтобы живые твари на Земле не разнежались в теплой благодати. В эту пору на Земле бывает холодно и голодно, отчего начинают роптать люди. Ен внемлет этим недовольствам и направляет Солнце в сторону Земли. С этого момента день начинает прибывать. Это божественное явление коми-пермяки обозначили термином *лун бертӧм* (возвращение дня). Оно воспринимается людьми как начало победы света над мраком. И пусть до длинных светлых дней еще не близко, но в душе крестьянина уже теплится чувство о смене зимы на весну.

Когда люди окончательно убеждались, что день «вернулся» и крепнет, в честь этого события, видимо, устраивали праздники для угощения «вернувшегося» дня. Эти празднества, очевидно, происходили не только в помещениях, но и на свежем воздухе.

Кыдзи лудык саймис да пондӧс лёкасьны, дак луныс бертӧс. (Если проснулся и залюбовавшись клоп, так день «вернулся».)

Луныс бертӧс — ӧтӧрыс кӧдзӧдӧтас. (День прибыл — во дворе холодает.)

Святки

Святками когда-то на Руси называли древнеславянский обрядовый праздник, который устраивался по случаю солнцеворота в конце декабря или в начале января. В наше время это промежуток между 7 и 19 января. Православная церковь в эту пору отмечает три больших праздника: Рождество Христово 25 декабря (7 января), Васильев день 1 (14) января и Крещение Господне 6 (19) января.

Святки, как установлено наукой, — это отголоски культа предков. В основе верования культа предков лежит поклонение душам усопших родственников, которые назывались святыми, или святками. Выходит, что святочные торжества в старину посвящались не только солнцевороту, но и поминовению предков, души которых, по поверью славян, в этот период обитали на земле.

Началом Святков стал канун Рождества — Рождественский сочельник 24 декабря (6 января), названный так по обрядовому кушанью сочень, или сочиво. Этот сочельник — последний день поста (*видз, кӧс видз*), и вся пища в этот день бывает постная, но обильная.

В сочельник с утра воздерживались от угощений и разных увеселений, но усиленно готовились к вечерней трапезе: в избе менялись скатерти, вывешивались лучшие полотенца, пол устилался новыми половиками, начисто мылась или вытиралась мебель.

Главным культовым блюдом была кутья — рисовая каша с изюмом и сладким подливом.

У коми-пермяков сложились несколько иные, приближенные к местным условиям, обычаи и обряды. Кутья, например, варилась из перловой крупы или овсянки (*тусь*), зачастую без изюма, но на подслащенной воде, иногда с ягодами. Как и в другие большие праздники, варилась брага (*тагья ырöш*, *шоныйт ырöш* — хмельная брага, теплая брага) и пиво (*сур*).

Оригинальна и первая выпечка Рождественского сочельника — тонкая лепешка, сочень. Они пекутся на печном поду, перед только что разгоревшимися в печке поленьями. Сочни круглые, как Солнце, и тонкие, что блины из пресного теста. Тут же пекутся и колобки — цельные и с дыркой посредине, а также крендели.

Позже, заодно с хлебами и пирогами, выпекается шаньга на сочне (*кöрыша шаньга*). Она тоже круглая, и загнутые кверху края сочня (прищипнутые) напоминают стилизованные короткие лучи Солнца. Похоже, что эта выпечка — часть дохристианского языческого обряда, приуроченного к встрече «вернувшегося» Солнца.

О таком обряде теперь не знают даже долгожители края, но в их рассказах присутствуют кое-какие штрихи, намекающие на былой обряд встречи Солнца.

М. П. Ермакова (77 лет, д. Питер Кудымкарского района) рассказывает: «В Рождественский сочельник встаем с первыми петухами. Много варим, печем, жарим. Затопишь печку — сразу пеки сочни, колобки. А потом другая страпня. И все надо сделать до восхода Солнца. Первые три сочня, еще теплые — на божницу, остальные — на стол, к обеду да ужину. Почему три, не знаю, но так де велено дедами. Вон чисмянка в мотке тоже из трех ниток...»

Встреча гостей в с. Большая Коча. 2000 г.

Выставить три сочня — это, видимо, обычай православных в честь Святой Троицы. А почему обязательно выпекать и подавать выпечку на стол до восхода Солнца? А, видимо, для того, чтобы приветить Солнце угощением. Но если это пошло от древнего языческого обряда, то первоначально подносилось, наверное, *Енову* семейству (Ену, Дню и Ночи), а позже — трем богам, обитающим на небе: Ену, Солнцу и Ойпелю (Луне). Эту версию подтверждает и тот факт, что в некоторых семьях имелся иной обычай: первые три сочня, как и колобки, и крендели, не клали на божницу, где стоят образа святых. Такие ритуальные колебания вполне закономерны и естественны,

ибо с веками меняются и жизненные устои общества. Но стержневые, основополагающие обычаи народа как составляющие духовной сферы очень консервативны. Они — камни духа *увтыра* (рода) и патриархальной семьи.

Рождественский сочельник с кутьей, привнесенный в культуру коми-пермяков православием и обычаями русских, где-то прижился лучше, где-то хуже, а в ряде глухих хуторов и однодворок и вовсе не имел места как религиозный обряд. Этим и объясняется тот факт, что многие люди преклонного возраста, молодость которых протекла еще при церковном звоне, не знают, что такое кутья, что значит колядовать, а Святки для таких — *цветтё* — период, когда деревья «цветут» от мороза. Но люди непременно знают, что *цветтё* — это пора народных игрищ и гаданий, топтание лошадьми чудов (нечисти), что совсем зачало среди коми-пермяков или находилось на последней стадии затухания во второй половине XX в.

Теперь же, в начале третьего тысячелетия, коми-пермяки стали проявлять к Святкам больший интерес, но до возрождения былых святочных торжеств в семье, в обществе еще очень далеко. Но есть хорошие подвижки отдельных сельских энтузиастов в немногих местах. Такими очагами можно назвать села Большая Коча (Кочевский район), Верх-Иньва, деревни Кекур и Питер (Кудымкарский район).

Примером, который характеризует общие черты сегодняшних святочных праздников в округе, могут быть обычаи и обряды жителей д. Кекур, где с 1989 г. действует фольклорный коллектив «Бичир» («Искра»), которым руководит А. А. Климова. (См. приложение.)

На полотах во время святочных гаданий. Село Большая Коча. 2000 г.

Святочные игрища

В основе святочных праздников лежит свод разных церковных и народных обрядов, которых придерживаются верующие и неверующие коми-пермяки. Но поговорка гласит: «Какая деревня, такая и поредня (порядок)». И это верная при-

мета: если соблюдается общий процесс, то это не значит, что он везде одинаков в своих деталях. Те же игрища, имея общие черты действия, сильно разнятся и репертуаром, и его исполнением, а также нормами нравственного и эстетического направления.

Своих правил придерживались участники игрищ в д. Большая Серва (Кудымкарский район). Игры начинались рождественским вечером. 8 января не играли — праздновали Рождество. Затем игрища продолжались три дня подряд, а потом — перерыв до Васильева дня (14 января). В этот перерыв устраивались посиделки с гаданиями. После вечеров с гаданиями игрища возобновлялись и проходили 14, 15, 19 и 20 января. В других местах игры прекращались 19 января, в крещенский вечер, а сервинцы еще после Святков устраивали «прощальную игру», которая бывала самой массовой и продолжительной. К ней девушки и парни готовились с особой тщательностью, так как на вечере бывала молодежь из других деревень. Кроме того, могли быть чужие свахи, высматривающие покладистых невест.

Репертуар сервинцев, по рассказам стариков, не очень сильно отличался от репертуара соседних деревень, но были свои манеры исполнения игровых номеров и другие особенности. Даже общеизвестные песни пелись немного иначе. Здесь больше увлекались хороводами и пением «длинных» (протяжных) песен, которые так нравятся коми-пермякам старшего поколения и поныне. Запевалами и основными исполнителями являлись девушки — участницы игрищ (*ориссез*), но часто пели и принимали участие в игровых номерах и присутствующие зрители.

Многие подробности из святочных веселий 20—30-х годов XX столетия до сих пор помнит Н. В. Долдина (88 лет, д. Большая Серва, 2001 г.):

«Миян ыджытжыкным вӧлі Сана, бура сьылсь. Мый токо эз сьывлы сія! Юрыс матушлӧн уджаліс! Уна сьакӧйсӧ сэтчӧ вӧлі сьюдма: и сьыланьс, и орсаныс, заговорыс и прибауткаыс. И ворожитчис, и веськӧтчис. И жӧник сайӧ нывкаӧс кужис сетны. Томсян сэттидм. А йӧктыны эз вермы — умӧль кока чужӧм. Грамота эз тӧд, а юрас ӧктіс. Шуа тай: миянӧс оланыс велӧтіс. Пельыт эм дак, сьуд сэтчӧ, мый кытісь кылан — сӧ ковсяс. Лун-мӧдӧн Розосвояс одзжык Сана ӧктас миянӧс гортас: печкыны пӧ пондам. Ачыс печкӧ жӧ да виль сьыланкыввез висьталӧ. Но и важжесӧ сорӧн сьылам, голоссэнымӧс лӧсьӧтлам. А сэсся Розосво рытӧн ӧксям да орсны мунам, гамазӧн пырам орсан керкуӧ. Ыбӧс сайсян, посӧдзян, пондӧтам: «С-по улочке, с-по новой...» Сана сэтчин ни, видзчисӧ миянӧс — веськыта лабичын пукалӧ. Сія и ӧддзӧтліс миянӧс, кӧр и ачыс пондӧтас. Мукӧдпыр меным шуас: «Нина, пондӧт-ко «Диво-лелю, вада моя». А ме сэтӧн и эм... Кӧр колхоззэс пондӧтчисӧ, дак уна комиӧн пондӧм сьывны... Игра — сія медбур праздник томыслӧ, медбур шочкисян...» (У нас старшей была Сана, певунья хорошая. Что только не певала она! Голова у матушки работала! Много всякого туда было натолкано: и песни, и игры, заговоры и прибаутки. И гадания знала, и лечила немного. Девушку замуж умела выдавать. Смолоду такая была. А плясать не могла: ноги убогие были. Грамоту не знала, а в голову все доброе собирала. Говорю

нас жизнь учила. Уши есть, так заталкивай туда, что где услышишь — все пригодится... Дня за два, за три до Рождества Сана соберет нас у себя: пряхь, мол, будем. Сама тоже прядет да новые песни напевает. Но и старые повторяем, голоса пробуем да подлаживаемся. А потом соберемся в рождественский вечер да пойдем играть, гурьбой вваливаемся на игрище. По-за дверью, еще в сених, начинаем: «С-по улочке, с-по новой...» Сана уже там, ждет нас — на передней лавке сидит. Она и направляла нас, когда и сама запоет. Иногда меня попросит: «Нина, чини-ка «Диво-лелю, вада моя...» А я тут как тут. Когда колхозы начались, так много по-пермяцки пели... Игра — она лучший праздник для молодых, лучший отдых...)

Нина Васильевна продиктовала несколько песен, которые исполнялись на сермяжских игрищах. Вот та самая, с которой начинались хороводы:

Игровая, круговая

С-по улочке, с-по новой,
Шла девица за водой,
За холодной, ключевой.
За ней парень молодой,
Кричит: «Девица, постой,
Красавица, обожди,
Белы ручки обожми!» —
«Ек, ты, парень-паренек,
Не кричи во весь роток!
Мой-от тятка у ворот,
Меня кличет в огород —

Чесноку-луку полоть.
Луку зеленого,
Маку сеянного.
Во праву руку — маку,
Во левую — чесноку.
Я по цветики пойду,
По лазоревы пойду.
Я по цветикам гуляла,
Цвета алого искала,
Не нашла цветок такой —
Уходи, душа-милый!»

Игровая

Ехал мальчик маленькой
На лошадке каренькой.

Припев:

Ой, люли, люли,
На лошадке каренькой.
Против Машиных ворот
Останавливался.
Припев.
Останавливался,
С Машей здоровствовался.

Припев.

Здравствуй, ягода моя! —
Спала шляпа с голова.

Припев.

Выходи, встречай меня,
Положь шляпу на меня!

Припев.

Положь шляпу на меня.
Будь мне верная жена!

Припев.

Круговая

Как с-по морю,
Как с-по морю, морю синему,
Плыла лебедь,
Со малыми,
Со малыми да дитенками.
Плыла лебедь,
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Под ей вода.
Под ей вода не шевелится.
Откуль взялся,
Откуль взялся молодой орел.
Ушиб лебедь,

Ушиб лебедь, лебедь белую.
Перо перил,
Перо перил вдоль бережку.
Тут шла-прошла,
Тут шла-прошла красна девица.
Брала перо,
Брала перо, приговаривала:
— Беру перо,
Беру перо на перинушку,
Пойду замуж,
Пойду замуж за детинушку.

Игрищный репертуар других мест

Наблюдения показывают, что в каждой группе деревень, принимающих участие в игрищах, имеется свой стабильный комплект песен, существующий, может быть, не одно столетие. Этот репертуар не так сильно разнится внутри района, но между северным и южным регионами округа, которые имеют и ряд этнических особенностей, эта разница существенна.

В с. Кочевое и окрестных деревнях игры обычно начинаются с хоровода «Круг», который сопровождался песней «Лебедин», с припевом после каждой строки:

Кочевские девки — широкие ленты!

Припев:

Лебедин мой, лебедин

Да лебедушка белая.

Широкие ленты, платы конопаты.

Припев.

Платы конопаты, шали кудреваты.

Припев.

Шали кудреваты, я хочу гуляти.

Припев.

Я хочу гуляти, круги заводити.

Припев.

Круги заводити, девок выбирать.

С каждым куплетом (строка и припев) завершаются намеченная тема и отдельный кусочек целостного действия, и это подчеркивается изменением направления в движении поющих, а еле заметная пауза заполняется хлопком в ладоши.

Этот открывающий игрища номер исполняется, как правило, более опытными людьми, которые и задают определенный тон и настроение последующим действиям.

После начальной круговой песни обычно исполнялась игровая «**Как да у пана, у пана**». Поющие стоят, образовав большой круг, а в кругу четыре пары попеременно ходят навстречу друг другу.

Как да у пана, у пана,
У панских было ворот.

Припев:

Да остров мой, да зеленый мой!

Тут стояли ворота

Трои тесовые.

Припев.

Трои писаные,

Разрисованные.

Припев.

Как в первые ворота

Прошли сватовщики.

Припев.

Как в другие ворота

Сундуки провозли.

Припев.

Как в третьи ворота

Всех невест провозли.

Припев.

Кто, мол, сына женит,

Кто, мол, дочь отдает?

Припев.

Федор сына женит,

Степан дочь выдает.

Припев.

Ваня ревет, да берет,

Анна плачет, да идет.

Припев.

С завершением песни одни пары «женят» парней, другие «выдают» девушек.

Любимой песней кочевцев была игровая песня «**Во саду ли, в огороде**». При этой игре поющие сидят по лавкам, а две девушки кружат по избе.

Во саду ли, в огороде

Две девицы ходят.

Они ходят и гуляют —

Милых выбирают.

Выбрав парней, составляют новую пару и продолжают гулять.

— Я готов с тобой гуляти,

Будешь ли любить?

— Буду, буду я любить

Милого дружочка.

Пары обнимаются.

— Я люблю свою милую,
Середь горницы поставлю
Танцевать с ней буду.

Парни ставят девушек на середину.

С милой трижды протанцую,
Пять раз поцелую.

Поцеловавшись, пары уходят. Выходят другие играющие.

Чисто святочного песенно-игрового репертуара, конечно, нет и не может быть, ибо народные гулянья такого рода — во многом импровизация. Каждая деревня пользуется не только обрядовыми, но и песнями других жанров — лирическими, шуточными и сатирическими, солдатскими и даже песнями политического характера. Так, в д. Борисова Кудымкарского района в 1930-е годы исполнялась революционная «*Кузнеч черрез камгё-дорё*» («Кузнец топоры стучит-кует»).

Иногда при пении вставлялись фразы, порочащие устои власти и достоинства местных начальников. Исполнительница плясовых песен Н. Н. Андреева (с. Демино Кудымкарского района) в одну из них вставляла дополнительные строчки: «Все советские работники — деревенские лапотники». Про это стало известно местному начальству, оно вызвало ее в сельсовет и строго предупредило о недопустимости в дальнейшем подобной вольности. Такие вроде бы невинные шутки иногда кончались судом и лишением свободы, как это случилось однажды в Кочевском районе.

Частушки, прибаутки и даже простенькие игровые песни порой рождались в процессе игры, на ходу. Вот одна из таких примитивных, которая бытовала в Левичанском сельсовете Косинского района:

*Сарья юра Татьяна,
Татьяна Ивановна,
Рызы-бызы подула,
Чёвтётёвдой прёймиа...
Анна Быковна
Да Простаковна,
Тэнат вёлыт соловой,
Васё юё шорёвдой,
Турун сёйё ольвёй,
Джынняныт кёртовдой,
Чиння гёлёса.*

(Упрямая голова Татьяна,
Татьяна Ивановна,
С изношенным подолом,
С проймами из мешковины...
Анна Быковна
Да Простаковна,
Твоя лошадь соловая,
Пьет воду ручейную,
Траву ест пойменную,
Ботало железное,
Звонкоголосое.)

В д. Прокино Кудымкарского района в один из вечеров на игрище была сложена такая песня (после каждой строки — припев с повторением строки):

Пешнигортын — Мокишна.

Припев:

Ой, калина, ой, малина!

Пешнигортын — Мокишна.

Прокинчыын — Кузика,

Юковчыын — Мачу монь,

Сергинчыын — Сергина,

Вукинчыын — Самаркан,

Вуровчыын — Арчу зять,

Мёсвёйёмись нечо взять.

(В Пешнигорте — Мокишна,

Припев:

Ой, калина, ой, малина!

В Пешнигорте — Мокишна.

В Прокиной-то — Кузиха,

В Ивуково — сноха Мачу (Максима),

В Сергиной — Сергеиха,

В Лукиной-то — Самаркан,

В Выровой — зять Арчу (Арсения),

Из Мэсвэйэмова нечего взять.)

Поводом и темой для сочинения этой песни стали названия близлежащих деревень и их жители.

Припев с «калиной-малиной» был популярен во многих областях России и часто встречается в разных вариантах и в коми-пермяцких текстах. Один из них использовали зюздинские коми-пермяки:

Кёбы ме мужик вёлі,

Бурлачитны ветлі бы, да.

Припев:

Калин-малин мяян, да,

Калин-малин мяян.

Бурлачитны ветлі бы, да,

Сизим руб заробиті, да.

Припев.

Сизим руб заробиті, да,

Чочком юбка босьтышиті.

Припев.

Чочком юбка босьтышиті, да,

Машинаён вурьшиті.

Припев.

Машинаён вурьшиті, да,

Слободаас петьшиті.

Припев.

Слободаас петьшиті, да,

Чочком юбка павьышитіс.

(Кабы я была мужик,

Съездила бы на заработки.

Припев:

Калина-малина наша, да,

Калина-малина наша.

Съездила бы на заработки,

Семь рублей заробила бы.

Припев.

Семь рублей заробила бы,

Белую юбку купила бы.

Припев.

Белую юбку купила бы,

На машинке подшила бы.

Припев.

На машинке подшила бы,

В слободу вышла бы.

Припев.

В слободу вышла бы —

Бела юбка завилась бы.

Припев.)

В старину на игрищах обязательно исполнялись песни, воспевающие полевые работы или подготовку к ним. Например, в деревнях бывшей Кудымкарской волости в начале XX в. была популярной игровая песня «**Чурски-чарски-мачарски**». Игра начиналась так: на скамье или прямо на полу сидит парень, изображая работающего мужика. Вокруг парня ходят девушки и поют (подстрочный перевод с коми-пермяцкого):

Чурски-чарски-мачарски,
Мужик живет во чести.
Штаны шерстяные,
Коты смазаны,
Чулки связаны:
Один — связал отец,
Другой — связала мать,
Нитки сестра спряла,
Спицы брат смастерил...

Полоз санный треснул,
Соха сломалась,
Борона развалилась,
Улык разогнулся,
Лукошко лопнуло,
Поле не вспахано,
Зерно не вывезено,
Яровые не посеяны...

Пары останавливаются, спрашивают:

— Здравствуй, Мартил!
Что мастерить?

Работающий отвечает:

— Санный полоз чиню.

Пары, продолжая кружить, повторяют песню, кончая ее словами: «Спицы брат смастерил», и снова обращаются к сидящему:

— Здравствуй, Мартил!
Что мастерить?
— Давеча сани починил,
Теперича за соху взялся.

Игра продолжается до тех пор, пока Мартил не выполнит все подготовительные работы к севу. В завершение гуляющие пары повторяют запев песни, а затем перечисляется весь перечень ремонта:

Санный полоз заменен,
Борона починена,
Лукошко залатано,
Поле вспахано,

Зерно завезено,
Яровые посеяны —
Давай плясать, Мартил!

Музыкант играет плясовую, гуляющие пляшут попарно — локоть к локтю, а Мартил ходит, приплясывая, против движения пар. Эта игра, как видим, стилизованный и расшифрованный художественно обряд подготовки к весенним полевым работам, предрасположение к получению доброго урожая.

Подобные игровые материалы в коми-пермяцком фольклоре встречаются редко. Во всех районах основной игрищного репертуара является русский набор, богатый разнообразной тематикой, игровыми формами и образами, увлекательными сюжетами. А подача этого великолепного материала, действо — всецело зависит от опыта и таланта участников игрищ.

Самыми распространенными игровыми текстами являются несложные и немногословные, иногда с одним и тем же много раз повторяющимся эпизодом, рефреном, повтором, и благодаря этому в хоровод вовлекаются новые действующие лица. Вот образец этого действа:

Во заводе были мы, были мы,
Во заводе Щукина, во заводе Щукина.
Сокола мы видели, видели,
Сокола-молодчика, сокола-молодчика,

В круг входит «сокол», кланяется.

Встань, молодчик, подбодрись, подбодрись,
Вдвое-трое обернись, вдвое-трое обернись.

«Молодчик» раскланивается, прихорашиваясь.

Триже ⁵-ниже поклонись, поклонись,
Хотя разик поцелуй, поцелуй.

Парень выбирает девушку, целует и выводит ее из круга. В круг входит другой, песня повторяется.

В Юрлинском районе текст этой песни имеет другую форму:

Во заводе были мы, во заводе были мы.
Сокола мы видели, сокола мы видели,
Видели, видели, видели, видели.
Красавицу-девицу видели, видели,
Девицу, девицу, девицу, девицу.

⁵ Триже — трижды.

В полвинских, майкорских и пожвинских деревнях, где преобладает русское население, всегда исполняли игровые песни «Бояра», «А мы просо сеяли...», «Вдоль да по речке...», «Китай-город...» и другие широко известные в Прикамье песни. Повсюду была известна плясовая и игровая песня «Лёнок». Она же, дополненная новыми деталями и национальными обрядовыми элементами, во всех коми-пермяцких селениях звучала на коми-пермяцком языке. Нынешнее старшее поколение знакомилось с ней со школьной скамьи, и не знает ее, наверное, лишь самый равнодушный к национальной песне пермяк. Таким же успехом в округе пользуется величальная песня «*Басёк нывка*» («Красавица»). Она исполняется хором, а под звуки красивой мелодии солистка-плясунья, обычно очень темпераментная девушка, любовно демонстрирует свою красоту и опрятную одежду и обувь, привычку содержать себя в чистоте.

Символический образ красавицы коми-пермячки, согласно этой песне, таков: красивое лицо, гладкая голова, короткая шея, длинная коса с красной лентой; одета она в синий дубас, белую рубашку, в черные чулки, носит красный передничек и ботинки. Волосы она моет в щелоке и заплетает в длинную косу.

Величальная песня «*Кто же у нас баская?*» красавицей считает не просто очаровательную лицом девушку, а такую, которая красива своей высокой нравственностью, красива трудом:

*Катя печкѳ, ректасьѳ,
Катя видзлын ытикисьѳ.
Лели, лели, ректасьѳ,
Лели, лели, ытикисьѳ.
Пондас нывка вундыны —
Оз и вермы дугдыны...*

(Катя прядет, делает мотки,
Катя на лугу косит.
Лели, лели, делает мотки,
Лели, лели, косит.
Начнет девка жать —
Не может остановиться...)

В прошлом поистине оригинальным игрищным репертуаром обладала д. Большая Коча Кочевского района. Наряду с русскими песнями большекочинцы певали немало самобытных лирических, игровых и круговых песен на коми-пермяцком языке. Они исполнялись только в этом кусте деревень, и можно предположить, что были созданы на месте. Со временем немалая их часть была утрачена, и сегодня в обиходе — менее десятка. Местные жители их любят и дорожат ими.

Бытовая песня с хорошим поэтичным зачином «*Шорыс кола кылѳ*» («Речка плещется, слышать») повествует о трудовой вечеринке девушек, на которую пришел парень на свидание с милой. Очень образно подано его появление в избе, в которой кипит работа при свете лучины.

Входя, парень спрашивает, где его любимая. Ему отвечают:

1. *Горвыя дорын пукалѵ,
Уна сартас шулялѵ.*
2. *Уна сартас шулялѵ,
Уна угарок керѵ.*
3. *Уна угарок керѵ,
Уна работа керѵ.*
4. *Уна работа керѵ,
Уна кудельсѵ печкѵ.*
5. *Уна кудельсѵ печкѵ,
Уна шѵртсѵ ректалѵ.*
6. *Уна шѵртсѵ ректалѵ,
Уна дѵрасѵ кыйѵ.*

- (1. На голбце сидит,
Много лучины щиплет.
2. Много лучины щиплет,
Много огарков делает.
3. Много огарков делает,
Много работ выполняет.
4. Много работ выполняет,
Много кудели прядет.
5. Много кудели прядет,
Много мотков мотает.
6. Много мотков мотает,
Много холста ткет.)

После каждого двустипия своеобразный припев: «Ох, ох-хо-хо. Ох и я!» — видимо, как результат удовлетворенности девушки своей работой и, видимо, собственной персоной, но в плане юмора, без кичливости.

В таких деревнях и селах, как Кукушка, Полозайка, Сеполь (Кочевский район), Левичи, Чураки, Пуксиб (Косинский район) раньше исполнялись на святочных игрищах до тридцати круговых, плясовых и любовных песен.

Игры и забавы с припевками

Многие коми-пермяцкие народные развлечения были заимствованы у русских целиком, а какая-то часть оригинальных игр была создана по образцу русских, но с учетом национальной этики, атрибутики и колорита местности. Верно и то, что не всякая забава, похожая на забаву другого народа, есть прямое заимствование или подражание: они могли появиться на свет независимо друг от друга.

Сетны чышьян (Отдать платок)

Две девушки и парень ходят «тройкой», поют:

*Челядь, петам да мунам,
Да кытчѵ жѵ пырам?
Деревня шѵрѵ мунам,
Анна орѵ пырам.
Чеччы, чеччы, Анна,
Анна да Пѵдѵрьшина!
Тѵнѵ корѵ Ваня,
Ваня да Егор тиян.*

(Ребята, выйдем да пойдем,
Да куда же зайдем?
По деревне пойдем,
Да к Анне зайдем.
Встань-ка, встань-ка, Анна,
Анна Федоровна!
Тебя кличет Ваня,
Ваня да Егорович!

*Пантав, эн дьийотчы,
Чьийян сылō мыччы!*

Не ленись, встречай,
Платок подавай!)

Девушка подает платок парню, он берет его и садится. С девушками начинает гулять другой. Песенка повторяется, и так — несколько раз. Затем девушки будут «выкупать» свои платки. Заводили водят девушек, отдавших платки парням. Поется та же песенка, но уже с просьбами к парням, которые возвращают платки под прибаутку хора:

*Пуксям да ваксям,
Чбскыта окасям!*

(Сядем — похочем,
Сладко поцелуемся!)

Парни кладут платок на плечи девушкам, те целуют парней.

В д. Вежайка Кудымкарского района устраивали на игрищах инсценировку «**Корасьом**» («Сватовство»).

Заводили садили девушек на колени парням, а затем две девушки и парень подходили к сидящим и пели, обращаясь к парню, выступающему в роли отца девушки:

*Егор, нывтō сетан, он?
Кызд он сет, дак лбгася, лбгася,
Бекорпаньтō жольотa, жольотa!
Егор, нывтō сетан, он?
Кызд он сет, дак лбгася, лбгася,
Гортō муна, висьтася, висьтася,
Сизим вежон вōтася, вōтася.*

(Егор, дочку отдашь, нет?
Если не отдашь, рассержусь, рассержусь,
Чашки-ложки перебью, перебью!
Егор, дочку отдашь, нет?
Если не отдашь, рассержусь, рассержусь,
Домой пойду, всем расскажу, расскажу!
Семь недель буду во сне видеть!)

Егор отвечает:

*Сета, сета, эн лбгась, эн лбгась!
Сета, сета, эн висьтась, эн висьтась!*

Отдам, отдам, не сердись, не сердись,
Отдам, отдам, не рассказывай!)

«Отец» отпускает девушку, парень начинает гулять с ней.

«Тепло ли одеты?»

Водящие идут вдоль лавок, останавливаются перед сидящей девушкой и поют:

Тепло ли одеты,
Студено ли одеты?
Со девицы — платок,

С молодежи — поясок!
Не дадите добром —
Силком отберем!

Сидящие отдают то платок, то поясок, а потом «выкупают» свои вещи под общее звание:

Я хожу, хожу с-по горенке,
да с-по лавочке-скамеечке.
Красна девица да Марьюшка,

Выручай-ко да платочек свой
У добра молодца Степанушка,
У Степана да Михайловича!

Простые игры

Кроме игр и забав, сопровождаемых песнями и прибаутками, немало простых, не святочных, какие бывают на летних праздничных и будничных гулянках и вечеринках. Это общеизвестные «Третий лишний», «Растяпа» и другие.

Особое веселье и удалство святочным игрищам придавали юмористические сценки и забавы, а также беспесенные игры любовно-эротического свойства. Некоторые из них, по всей видимости, имеют многовековую историю и большую распространенность. Во всех районах округа были известны игры:

Окасян (Целовальная)

Девушка и парень садятся на скамейку спиной друг к другу, вплотную затылками. По окончании счета до трех сидящие резко поворачивают головы. Если оба — в одну сторону, то целуются, если в разные — нет. Они уходят, их место занимает другая пара. Случается, что девушка отказывается целовать парня. В таком случае ее капризы «ублажают» ремнем по спине.

Окасьём-любитчём (Целование-любование)

Парень и девушка садятся рядом на скамейку. Водящий спрашивает парня, чем он занимался летом. Он отвечает: «Пахал, косил...» и так далее. Спрашивает девушку, та отвечает: «Холсты белила, жала...» Потом спрашивает про осенние занятия, наконец про зимние, и парень обычно отвечает: «Любились-целовались», и, несмотря на протесты девушки, целует ее. Иной водящий задает и дополнительные, да еще более каверзные вопросы, уточняющие обстоятельства: где, когда, каким образом? Отвечающие могут нагородить что угодно, лишь бы не было скучно публике.

Ремень

На табуретке лежит ремень. Парень берет его, хлопает одну из девушек, сидящих по лавкам, и быстренько кладет ремень на место. Девушка хватается за ремень и старается

ударить им убегающего. Если она настигнет его и ударит ремнем — поцелуй парня пропал. В зависимости от обстоятельств, бьют то любя, то всласть — как можно побольней.

Вузасьём (Торговля)

На скамье сидит девушка, хор поет *«Кинлõ ме оз ков, сiя менõ оз босьт, кинлõ ме кола, сiя и босьтас, бердас ыжмйтас»* («Кому я не нужна, тот не возьмет меня, кому я нужна, тот и возьмет, к себе прижмет»). Один из парней поднимает ее со скамьи и ведет туда, где сидел, усаживается сам и сажит девушку себе на колени. Выходит другая девушка, садится на скамью... Игра продолжается.

Загадки

На скамье сидит девушка и загадывает загадку, например такую: *«Нырыс õтик, а бõжжес — кык»* («Нос один, а хвостов — два»). Парень отвечает: «Лапоть». Девушка, если парень ей люб, соглашается, и парень целует ее. Если парень не по ней — отгадка не принимается, так как есть и другая: иголка с ниткой. В подобном случае целование отпадает.

Загадки с ремнем

Игра аналогична предыдущей, но здесь присутствует водящий с ремнем. Играющие адресуют загадки друг другу, а водящий следит за отгадками. Отгадавший загадывает новую загадку, и если его партнер не найдет нужной отгадки, то получает от водящего «ремень».

В этой игре, думается, есть определенная подоплека, направленная на то, чтобы сохранить и развить культуру загадок, широко бытовавших у коми-пермяков в прошлом. Надо полагать, что в таких благоприятных условиях родилась не одна вереница оригинальных загадок.

Загадок, припоминают старики, бывало много и очень разных — от коротенькой примитивной до красиво сколоченной и трудно отгадываемой. Были двусмысленные или прямо непристойные на слух, но с приличной отгадкой, вот вроде этой: *«Оссьõ-пõднассьõ, мужиккезлõ сетассьõ»* («Открывается-закрывается, мужикам дается»). (Кисет. Табакерка).

В д. Конопля Гайнского района раньше были в ходу такие загадки:

Дарья да Марья пыр паньт видзõтõны. (Додж да потолок, му да кымõр.) — Дарья и Марья всегда друг на друга смотрят. (Пол и потолок. Земля и небо.)

Төвнас чышыяна нывка, гожумнас — куш юра зонка. (Мыр.) — Зимой — девушка в платке, летом — парень с непокрытой головой. (Пень.)

Быд керкуым кӧс сӧчӧн югъялӧ. (Ӧшын.) — В каждой избе сухой сочень поблескивает. (Окно.)

Сӧдд вӧр шӧрын — юртӧм керку. (Пес чукӧр.) — Среди темного леса — изба без крыши. (Поленница.)

Гидтыр баля, а ӧтӧрас ӧтик бӧж. (Горын няннез да зыр.) — Овец — полный хлев, а снаружи один хвост. (Хлебы в печи и лопата.)

Мый вӧскӧ оз позь чапкыны? (Гӧн.) — Что на чердак нельзя забросить? (Пушинка.)

Мый тув вылын оз ӧишы? (Кольть.) — Что на вешалке не удержится? (Яйцо.)

Кык юр, ӧтик бӧж. (Верзьӧма морт.) — Две головы, один хвост. (Всадник и конь.)

Есть сугубо мужские игры, но у коми-пермяков их мало. Самой распространенной является игра «*Горань*» (от «гора» — звонкий, громкий) или «*Зӧр сӧйны*» («Овес есть»). Она идет обычно параллельно с другими играми в избе, так как ее участники присутствуют лишь в качестве зрителей и толпятся под полатями.

Игра начинается так.

В углу у порога на лавку садится парень — «кормящий овсом». На коленях он держит опрокинутую шапку. Другой — «едок, лошадь» — наклоняет голову над шапкой, а руку ладонью вверх закидывает на спину. Возле него с обеих сторон и сзади становятся пять-шесть игроков, один из которых изо всей силы бьет ладонью по подставленной «едоком» ладони, после удара он, как и другие, выставляет руку с поднятым кверху большим пальцем. «Едок» резко поднимает голову и внимательно всматривается в лица играющих, чтобы выявить ударившего. Если угадает, ударивший становится «едоком».

Игра бывает жесткой и не всегда честной, особенно тогда, когда «едоком» становится забредший чужак, потенциальный ухажер девушек.

Чужаки, конечно, ходят компанией, иногда с девушками, гармонистом, и тогда их встречают как гостей. Иногда с этой компанией приходят пожилые, чтобы больше узнать о том или ином человеке, который может стать зятем или невестой, высматривают невест и матери женихов. Они находят повод, чтобы дотронуться до руки будущей невестки и почувствовать ее мягкость и теплоту или жесткость и холод. Последние качества означают, что их обладатели — грубые и зябливые люди и никудышные работники.

Раньше широко бытовали, особенно в северных районах округа, «медвежьи» и «конские» забавы. «Медведь» мог приходить один, но чаще его сопровождал поводырь — известный в деревне или округе балагур и весельчак, великий знаток бывальщин и пересмешник. Он, заходя в избу, произносил вступительную браваду, знакомил собравшихся с *Оша-Миша* — *небыт гыжса* (Мишка-медвежка — мягкий коготь) и

подчеркивал, что его питомец знахарь и гадалщик. Оше-Мише играющие задавали вопросы, он мычал-рычал, а эти звуки пересказывал поводырь. Он же задавал всякие дурацкие вопросы об интимной жизни людей «медведю», и, получив ответ-мычание, переводил его на понятный человеческий язык. Кто-то бывал обиженным, но в общем проделки «медведя» и его поводыря не считались безнравственными, если случалось и небольшое сквернословие, лапанье девушек и молодых.

Помимо этого, «медведь» оказывался лихим плясуном и даже акробатом. Медвежьим нарядом, говорят, были обыкновенный вывернутый шерстью наружу тулуп и личина из овчины, пришитая к мохнатой шапке-ушанке.

«Конь», как и подобает домашнему животному, бывал более скромным, но не менее забавным и игривым. Его чаще изображали двое ребят, покрытые специальным пологом, а правил «конем» «ямщик». «Животное» кусалось, лягалось, ржало, пело и плясало под звон бубенцов и даже катало на себе малышей. «Говорящий» или «ученый» «конь» мог смешить людей несуразными прибасками, частушками. Если коня изображал один, то вместо конской головы и шеи приспособляли прялку.

В некоторых местах играющие изображали и других животных — козу, барана, быка, а также некоторых мифологических существ, в частности — домового.

В Гайнском районе в прошлые времена, говорят, на игрища «прилетали гуси». Но масок гусиных, видимо, не было. «Гуси» внезапно влетали в избу с диким гоготом и шумным хлопаньем «крыльев», накидывались на присутствующих и больно щипали их за носы и уши. С их появлением дети забивались под лавки, а малышей матери укутывали в полы своих шуб и зипунов.

В северных районах округа до сих пор разыгрываются простенькие по сюжету сценки «Прощание с покойником» и «Роженица». Их заносили в избу на носилках и размещали на скамье посередине комнаты. Покойника и роженицу изображали, конечно, мужчины.

Прощаться с «покойником», как правило, мало желающих, поэтому этот акт чаще не добровольный, а принудительный: парни приводят девушку к «покойнику» и заставляют его целовать, причитая. А «покойник» в это время то возьмет да обнимет, то запустит руку под юбку девушки, то еще что нашкодит.

От «роженицы» же хотят узнать, особенно мужчины, где и при каких обстоятельствах она «забрюхатела», когда и как будет рожать.

Ответы бывают самые неожиданные для присутствующих, в которых значатся соседи и вымышленные лица, замешаны были и небылицы.

В прошлые века эти пародии бытовали на Вятке и в Вологде и в наши места были занесены переселенцами из тех мест. Они слабо вписываются в местные общественные обычаи, но, тем не менее, кое-где находят потребность. Старшее поколение такие курьезы осуждает, а исполнителю роли покойника пророчит короткий век за кощунство.

Игры вне помещений

Святочные игры не ограничиваются действием только в избах. Почти во все дни Святков, даже в сильные морозы, молодежь и ребятя резвились на свежем воздухе. Младшие обычно играли в «довгось» («ляпа»), вперегонки, в стукалку, в прятки. Старшие увлекались «коровкой» — гоняли мерзлый конский помет или округлый кусок льда. Их старались выбросить ногой так, чтобы комком «помазать» другого — попасть в его ногу. Помазанный становится *галевым*, которому каждый играющий норовит дать тумака по шее. Игра бывала такой азартной, что ребята вози-лись часами.

Такой же занимательной была игра «*сиг сёйны*» или «*сигён вердны*» («сиг есть» или «сигом кормить»). Она заключалась в следующем:

К земле примораживается конец веревки длиной в полтора-два метра (в некото-рых деревнях веревка привязывалась к колышку, вбитому в землю еще осенью). К тому месту каждый играющий кладет *отопки* (изношенные лапти). Эта куча — «сиг» (рыба сигового посола). Сиговую рыбу коми-пермяки всегда обожали, хотя гурмана-ми они не считаются. Этой игрой, видимо, хотели сказать, что сиг — хороший дели-катес, но задарма он не дается.

Первый галевой выбирается через считалку или *коновку* на палке. Он, карауля «сига», одной рукой держится за конец веревки, а играющие стараются улучшить мо-мент и вытащить из кучи «сиговину», а если удастся, так и ударить тем «сигом» гале-вого и отскочить от него подальше. Если галевой успеет кому-то дать пинка или про-сто задеть ногой, тот станет галить.

Когда играющим удавалось стащить все отопки, галевому ждала суровая кара: по его спине ударяли по одному разу каждой украденной отопкой.

Этой игрой ребятя довольствовались всю зиму, до конца Масленицы. Потом веревку подбирал хозяин, а отопки сжигались в огороде или в поле. А в д. Виль-Ва-вюк (Кудымкарский район) сжигали возле речки Ванюкшор. Да и другие, не бывшие в игре изношенные лапти сжигались не в домашней печи, а лишь в банных топках. Считалось, что если лыковый лапоть сжечь в печи, то в избе появятся клопы.

Эти же отопки годились для другой игры ребят, похожей на нынешнюю игру «Руч-ной мяч»: их кидали в огородные ворота (правда, закрытые), перед которыми стоял «сторож».

Об отопках здесь кстати сказать и нечто другое.

В 20—30-е годы XX в. в южных районах округа можно было встретить дома, возле которых на тынах или кольях изгородей висели старые лапти. Но их хранили не только для святочных и масленичных игр: они выполняли функции оберега от сглаза и порчи хозяйства. Отголоски этого обычая можно встретить кое-где и сегодня. В д. Кучино Кудымкарского района, например, у одной набожной старушки они ви-сят над дверями. Покосившаяся изба не имеет ни сеней, ни крыльца, в хозяйстве,

кроме кота, никакой живности. На вопрос: «Зачем они там висят?» хозяйка отвечает: «*Вомидзёсь синнэзянь...*» («От уросливых глаз...»).

В обычае коми-пермяков раньше было привязывать старый лапоть к верхушке шеста и ставить его возле дома. Вместе с отопкой часто привязывался и голичок — для отвода ястреба от цыплят и гусят. Такой голик, подкрепленный силой заговора, является средством не только защиты от хищников, но и сам «портит» глаза хищника.

Васильев вечер — *Василей рыт*

Как уже было сказано, в зимних обрядах немало действий, направленных на ублажение сверхъестественных положительных и отрицательных сил, от которых, как думалось крестьянину, зависят будущий урожай, судьба домашних животных и всей семьи. В сложившейся системе святочных обрядов важной частью является ритуальный ужин в Васильев вечер 31 декабря (13 января). Этот ужин коми-пермяки называют «*Юркок вильётный*» или «*Юркок йирный*» (дословно: голову-ноги облизывать или грызть).

Юркок — это тушеное варево из свиных или овечьих голов и ножек. Вечером, с появлением первой звезды, его достают из печки, все съедобное отделяют от костей и подают на стол, но часть варева оставляют на студень.

Это ритуальное кушанье, видимо, остаток древнего языческого обряда жертвоприношения (*еззалъм*) богу Солнцу, который дает тепло и свет Земле и всему сущему на ней. Возможно, какая-то часть язычников этот ужин посвящала и духам предков, которых славяне называли святками. Тот, кто причастился к жертвенному ужину, духовно породнился с божеством и вправе рассчитывать на его покровительство.

В древности эта обрядовая трапеза, вероятно, происходила днем, а не вечером. Ее перемещение во времени произошло в христианскую пору и связано с легендой о Вифлеемской звезде, которая якобы засияла на небе в тот момент, когда появился на свет Христос.

Поставив юркок на стол, семья зажигает свечку перед образами и совершает короткий молебен. Усевшись за стол, хозяйка обычно приглашает к трапезе и души умерших предков: «Идите, родители, ешьте с нами юркок да помогайте нам во всем!» Это, безусловно, кусочек из тех доисторических верований народа, когда почитали святых предков, души которых с «приходом Солнца» якобы посещают родные места.

Некоторые моменты ритуального ужина связаны с мотивами земледелия и скотоводства, о чем свидетельствуют занесенные в избу колоски зерновых и пучок трав. Их ставят или кладут в красный угол под божницу. Сюда же на некоторое время ставят горшок с костями, вынутыми из варева.

Полакомившись юркоком, хозяин бросает несколько зерен под стол или лавку и посылает ребенка «добывать» урожай. В потемках малыш находит зерна и подает их отцу. Тот по ним определяет состояние будущего урожая: крупное зернышко — богатый, мелкое — худой.

В некоторых семьях просили детей, играя с ними, изображать животных и их голоса: «Покажи, сынок, как кони скачут да ржут!» или «Как коровы мычат?», «Как боров хрюкает?»

Когда все бабки-лодыжки обглоданы-обсосаны, их выносят в хлев и кучкой прячут в одном из углов, приговаривая: *«Кыным шег — кык сыным дзель, кум сыным дзут. Кыдз эна шеггес отлаын, сидз и подаыс пыр отлаын лоас»* («Сколько бабок — дважды столько ягнят, трижды столько поросят. Как эти бабки все вместе, так и весь скот будет вместе всегда»).

Конечно, в любом случае, полной уверенности в том, что у человека сбудутся пожелания, не могло быть. А хотелось узнать, что его ожидает в будущем. Жажда открыть завесу в область неизвестного привела людей к таким магическим действиям, которые мы называем гаданием или ворожбой.

Страшные вечера. Гадания

По народному поверью, самым подходящим временем для гаданий являлась вторая половина Святка, которую принято считать страшными вечерами потому, что в эту пору, дескать, на землю выходят из своих нор всякая нечисть и вездесущая невидимая тварь, способные заглядывать в будущее и даже предсказывать судьбу человека.

Согласно коми-пермяцкому мифу, способностью предвидеть события обладают чуды — невидимые обитатели лесов (*вөр чуд*), полей (*ыб чуд*), водоемов (*ва чуд*) и другие — банники, гуменники, хлевники. Они — первые пособники коми-пермяков в их гаданиях. Поэтому и гадали не только в избах, но и в подсобных помещениях, на улице, в поле. Жители с. Верх-Иньва (Кудымкарский район), например, в полночь садились у нежилого дома и напрягают слух, с тем чтобы услышать разговоры или действия домового чуда. В одно и то же очень короткое время разные люди улавливают разную информацию. Это объясняют тем, что слушающих «обслуживают» разные чуды персонально. Но некоторые гадалышки, говорят, слыхивали и два голоса — небольшой диалог двух чудов. И действия бывают двойные — и стук топора и звон колокольчика одновременно.

Разумеется, дотошные в предсказаниях чуды особо не откровенничают, и их разговоры или действия часто похожи на сказку или загадку, для расшифровки которой

требуется напряжение мысли. Но большинство чудских звуков и сценок давным-давно расшифровано. Скажем, услыхав такой диалог: «Мый нō керан?» — «Парёнка пōжа» («Что делаешь?» — «Паренки готовлю»); будешь бока «парить» на больничной койке или дома на печке. А если прислышится звон колокольчика — быть свадьбе, плач ребенка — жди пополнения в семье. Можно разом услышать стук топора и звон косы — это значит нынче быть тебе и дровосеком и косцом. В деревнях по р. Велве молодежь устраивала слушанья возле банной стены и на берегу речки. Самые удалые романтики гадали на гумне, у овинного входа. Последние два места, по мнению гадалщиков, самые опасные, что подтверждается такими рассказами:

Крещеннē рьтō зонка гуна вылын кывзисьōм. Кукань кучик вылō пуксьылōма. Дыр-кодь пукалōм, а мыйкō по нем оз кыв, только пō мыйкō гужōтышлō дзик. А, этō пō, натьтō, сы одзын, что турунъюррез ковяс кыскавны. Но сэтчō жō думно лoас: ладно я быдōс? Кыдз осьтас синнэсō, казялас: пукалō кучик вылас, но юкмōс дорын. Кукань бōжыс ваас ни. Эшō бы невна — и кыкисō бы юкмōсас. А сідз шогмōм сысянь, что бōжыс черта саяс кольчōма. Бōжōттяс и кыскōмась чуддэс. (Крещенским вечером парень слушал чудов на гумне. Сидел на телячьей шкуре. Долгонько сидел, а что-то-де ничего не слышать, лишь что-то под шкурой вроде пошаркивает. А это-де к тому, что летом придется копыны возить. Но вдруг думно стало: все ли ладно? Как откроет глаза, заметит: сидит на шкуре, но возле проруби. Хвост телячий уже в воде. Еще бы чуть-чуть — и заташили бы в прорубь. А так вышло потому, что телячий хвост оставался по-за чертой. За него и волокли чуды.)

Зонка кывзисьōма пō ѓвин дорын. Босьтōм ѓвин потш, чертитчōм, крестасьōм да и пуксьōм потш вылас. Кылō кинкō събкыт кока локтō, пырō ѓвинас да пондō гольōтны потшшезнас. Гольōтас, гольōтас, шуас: «Ќтїк абу!» Норовитас-керас да бōра лыддяс и шуас: «Кыдз абу, сідз и абу! Но ась! Ќтїк ѓишс, арнас кыка адззисясō!» Зонкаыслōн тōвнас айыс кулас, а арнас кык кенак кагазз ваясō... (Парень подслушивал чудов возле овина. Взял овинный колосник, очертился, перекрестился да и уселся на колосник. Слышит: кто-то идет грузный, заходит в овин и начинает греметь колосниками. Гремит-погремит и скажет: «Одного нету!» Подождет маленько, еще раз пересчитает и говорит: «Как нет, так и нет! Ну и пусть: один потерялся сейчас, а осенью два найдутся!» У парня зимой отец помрет, а осенью две снохи парня по ребеночку принесут...)

Слушать чудов обычно ходят группами по пять-семь человек. В большинстве мест придерживаются мнения, что число гадалщиков должно быть нечетным, но это не всегда соблюдается. На Иньве, наоборот, ходят только попарно, потому что, мол, человеку без пары напарником может стать чуд и увести бедолагу в свои владения.

В русских селениях округа гадания мало чем отличаются от других в основе, но частности есть. Например, у русских имеются разные подблюдные песни, а коми-пермяки ими пренебрегают или используют русские. В наших материалах имеется всего одна коми-пермяцкая приговорка, содержание которой никак не соответствует пред-

жетам, спрятанным под «блюдами», — горшкам, чугункам, чашкам. В ней говорится: «Кому — овес, кому — ячмень, а кому и рожь-матушка», но под утварью никаких зерен не бывает, и здесь напрашивается вопрос: а не было ли когда-то так, как поется в приговорочке? Наверное, и такое бывало, но, безусловно, главными атрибутами под блюдами были такие символы-вещи, которые отражали бы те чаяния гадающих, которые присущи женихам и невестам. Под горшки чаще всего прятались кусочек хлеба (богатый жених), уголек (муж — кузнец), кукла (ожидай ребенка), спичка с ниточкой на конце — плетка (грозный, драчливый муж), очистки от картошки (бедность), монетка (богатство), печина или щепотка земли, зола (могильный холмик, болезни).

Способов гаданий во время Святков много и, как говорят сами участники гадающей, все они хороши и доступны каждому заинтересованному в своем будущем (рассказы публикуются в приложении).

Например, в д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района еще в конце 1950-х годов для гадания использовали скамью, у которой ножки были вырезаны из сучьев дерева. В избе собиралась молодежь, скамью ставили на середину. Произносилось заклинание: «Четыре князя, четыре долони, четыре пальца. Я этими словами буду говорить: «Отец и мать!» (Заклинание повторяли трижды.) После этого гадающие кладут руки на скамью вниз ладонями — каждый со своего края. Заклинатель прижимает руки гадающих к поверхности скамьи поплотней и читает про себя: «Разыграйся, кровь молодецкая, разыграйся, алая, разыграйся, могучая! Разыграйся, кровь, разыграйся, кровь, разыграйся, кровь! Разыгралась кровь — подымайся вверх! Встань, скамья, на две ножки, отвечай нам, что спросим». В том случае, когда скамья «не набралась сил», то есть не вставала на две ножки, заклинание повторялось.

По воспоминаниям организатора этого гадания Е. К. Яркова (1895 г. р., д. Заречный Пешнигорт), случалось, что «скамья вставала на две ножки и ждала вопросов». «Сначала проверяли скамью, правду ли она будет говорить. Ее спрашивали: сколько поленьев в избу занесено? Сколько челпанов хлеба лежит на столе? А потом задавали вопросы: когда я выйду замуж? Когда я женюсь? Скамья отвечала: стучала двумя ножками по полу — раз, два, три...»

Самым распространенным и доступным гаданием в домашних условиях является гадание с помощью зеркала и воды при свече. И опять же везде их используют по-разному. Если в д. Кекур Кудымкарского района при композиции «зола + волос + стакан с водой + кольцо + зеркало» смотрят в зеркало, то в соседнем с. Пешнигорт при этом раскладе вещей нет зеркала, а гадающий смотрит через воду в кольцо, которое лежит на дне стакана. А с зеркалом здесь гадают совсем по-другому. Это делается так. Два зеркала устанавливают друг против друга таким образом, чтобы в том зеркале, куда будут вглядываться, образовалась анфилада из двенадцати зеркальных рамок.

Всюду известен и такой способ, как закрытие пары ведер, корзин, кружек, а также дверей, шкапулов и других предметов на замок. Закроют на ночь, ключ спря-

чут под подушку, скажут: «Приходи, суженый, за ключом!» Если приснится, что придут за ключом, значит, скоро позовут замуж, иногда, говорят, снились и знакомые лица — будущие мужья или жены.

Такая же цель преследуется и тогда, когда под подушку кладется расческа, платок или связывают вместе два лаптя подвязками, вставляют валенок в валенок, или же на ночь выносят во двор гребень, щет, расческу, чтобы наутро посмотреть, какого цвета в них оказались волосинки: черные — быть мужу (жене) брюнетом, рыжие — шатеном.

А. Г. Бразгина (66 лет, д. Егорова Кудымкарского района, 1989 г.) гадала всяко и не однажды. Как-то взяла из речки два ведра воды, поставила их в ограде, закрыв дужки ведер на замок, а ключ спрятала в изголовье. Перед сном попросила «жениха», чтобы тот явился во сне. Но тогда никто не приснился, и она осталась в девках еще на год.

Так же поступила ее подружка, и во сне увидала *кульпияна* (водяной). Он ей сказал: *«Тэ игналін не ведрэз, а вадбрысь юкмбс. Сэки ме вблі му вылас. Лэдз гортіб, а то кула»*. — *Нывкайтлб жалэ лоас кульпияныс, и кыдз саймас, сэк жбб осьтас замоксб*. («Ты закрыла не ведра, а прорубь на речке. В то время я был на суше. Пусти, а то погибну». — Девушка пожалела водяного и, как проснулась, сразу открыла замок.)

Этому дивному сну девушки объяснение нашлось весной того же года: она тонула и ее сумели спасти — кульпиян на добро ответил добром. В другой раз Анастасия Герасимовна гадала в бане. Она поздним вечером через сито высеяла золу на полок и пожелала видеть на золе отпечатки обуви суженого. А наутро увидела отпечатки лаптей, что значит: выйти за крестьянина. Так оно и случилось. Если бы обозначились на золе следы от сапог — быть бы ей за горожанином или богатым деревенским парнем.

Ее соседи золу оставляли за печкой в избе, в подполье, смотрели в воду и в зеркало, а две подружки даже подставляли голенькие ягодицы домовому и баннику. Она уже не помнит, какая «лапа» касалась их тел — мохнатая (к богатству в будущей семье) или холодная (к бедности), но при колхозной жизни быт односельчан был устроен почти у всех одинаково.

Самыми простыми, что наблюдалось повсеместно, были такие способы гаданий: выходят девушки из избы и в потемках хватают распростертыми руками тын и стараются выяснить, чет или нечет попало: если чет — нынче придут сватать, и наоборот. А кое-где и на тынинах гадали так же, как на лепестках ромашки: выйти — не выйти замуж.

О суженом можно было судить по полену, вынутому из середины поленицы: суковатое — муж будет неуклюж, некрасив; прямое и без сучков — красавец. Было и другое толкование: суковатое полено — к трудной жизни в будущем, а ровное — жизнь будет без сучка и задоринки.

В наши дни девушки жгут бумагу, растапливают воск, прячут по углам избы записки с именами, чтобы утром узнать имя жениха, выпускницы средних школ загадывают, куда забросит их судьба осенью: в вуз или колледж, на работу или замуж.

В Крещенский сочельник с сочным за пазухой теперь уже не бегают, хотя старушки все еще пекут сочни и крендельки. И крестиков из лучины и лыка не ладят и не развешивают их по заборам и деревьям, не втыкают в щели построек. И тем более не подслушивают разговоров под чужими окнами.

Святочная кухня

Святки сопровождаются не только специфическими обрядами и ритуальными действиями, связанными с сельскохозяйственными мотивами, но и соответствующими яствами и напитками.

Обрядовые и более вкусные блюда готовились, конечно, не во все дни Святков, а лишь в Рождественский и Крещенский сочельники, в Васильев вечер, в Старый Новый год и в Крещение.

Праздничный стол коми-пермяков не беден ассортиментом, и в знаменательные дни хозяйка старалась приготовить все лучшее, что принято в семье, и в довольно большом объеме — чтобы сами были сыты и гостям хватило. Естественно, если позволяют хлебные и другие припасы.

Кроме кутьи, обрядовыми считались пельмени, юркок, рыбный пирог, шанежки и кулики, селянка. До 30-х годов XX в. иньвенские коми-пермяки обрядовым блюдом считали и каши, в том числе калижную и репную, а также «кишку» — домашнюю колбасу.

Поскольку Святки приходятся на мясоедную пору, то многие кушанья готовятся из мяса или вперемешку с мясом и мясными субпродуктами.

Загодя и впрок готовились пельмени и выносились на мороз, чтобы в любой момент сварить их на «буржуйке» или таганке, поставленном на шесток.

Заблаговременно готовилась и «кишка». Ее начинка — фарш из легких, печени и мяса с добавлением ячневой или пшеничной крупы, тертого картофеля. Лук и специи клались в воду при варке. Сваренную «кишку» тоже морозили, а в нужный момент ее жарили на сале и подавали на стол небольшими ломтиками.

Во время крещенской трапезы ломтики «кишки», как и пельмени и блины, в старину доставали из посуды руками, в крайнем случае — деревянной ложкой (табу на вилки и ножи связано с поминальными обрядами). Запачканные пальцы вытирались за столом общим *рукотериком*, лежащим на коленях сидящих. Для гостей полотенце полагалось и тогда, когда во время еды пользовались вилками и ложками.

Изысканным праздничным блюдом коми-пермяков когда-то являлись паренки из брюквы и репы в сусле. Они подавались на десерт холодными.

Лакомством считались *няняшyd* (молочная лапша) и *варенец* (ряженка), но зимой они готовились редко из-за отсутствия молока. Его, как и сметану, на зиму заготавливали мало — замораживали в неглубоких чашках и таким образом хранили для стряпни в Святки и на Масленицу. Так же поступали и с яйцами.

Коми-пермяки о себе говорят, что они в еде неразборчивы и непритхотливы, всеядны. В связи с этим часто вспоминают добродушного и непривередливого Перу-богатыря: когда, мол, ему не хватит обеда, он не просит у матери добавки, а довольствуется травой и даже мхом. Однажды, не наевшись, Пера съел свои рукавицы.

В доме праздник. Кудымкарский район, 2001 г.

И тем не менее неприхотливый коми-пермяк умеет готовить и любит наслаждаться хорошей едой и напитками. Об этом говорит тот факт, что на Рождество и на Старый Новый год уважающая народные обычаи супружеская пара готовит для себя и гостей праздничный стол из двенадцати блюд. И все они — из местных продуктов: муки, круп, мяса, молока, овощей, рыбы, грибов, ягод, пистиков, пикана, лесных и огородных пряностей.

Светтёён — яй да сур, гожумён — лукасов да ва. (В Святки — мясо да пиво, летом — луковое перо в рассоле да вода.)

Кыдзи светтёся ойес кодзувайсь, бур лён да аныкыти лоасё. (Если святочные ночи звездные, уродятся лен и горох.)

Кыдзи светтёйс кымёра, лоас йёла да кольтя год. (Если Святки пасмурные, будет молочный и яичный год.)

Кыдзи светтёйс чильдём, няня год лоас. (Если на Святки куржак, будет урожайный год.)

Кыдзи светтё лымья, сэк ытшикисян зэра лоас. (Если Святки снежные, тогда сенокос будет дождливый.)

Крещение — Крещеннё. Охранные знаки Крещения

Крещение, или Богоявление, празднуется как церковный праздник 6 (19) января, но в народной среде он отмечается разнообразными обрядами охранительного свойства. Считается, что крещенские обряды очищают от скверны не только человека, но и среду его обитания — землю, воздух, воду, растительность.

В день под Крещение справлялся Сочельник. О его высоком сакральном статусе у коми-пермяков писал в середине XIX в. Н. А. Рогов: «До обеда стряпают ячные сочни с конопляными семенами, варят в двух горшках горошницу, в одной с ячной крупой. Сочни делают не для одной еды: с ними девки-невесты поутру бегают на улицу гадать — выйдут ли они в предстоящий год замуж. Если попадется им навстречу мужчина, то девку выдадут, а если женщина, то нет. При этом еще примечают, какой цвет волос на голове у встретившегося мужчины, того цвету волосы будут и у жениха.

В этот день не кормят куриц, и старухи ничего не едят «до появления звезды»; первое делается, вероятно, для того, чтобы курицы были здоровее и больше несли яиц, а второе — для спасения души». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 26.)

В Крещенский сочельник или в раннее крещенское утро еще в 1950-е годы мужчины и парни устраивали скачки на лошадях по деревням и «топтанье чудов» — вредных

духов, изгоняя их из деревни. Но мелкие чуды могли притаиться в темных углах подворья, поэтому, чтобы окончательно избавиться от них, старухи и ребята выгоняли чудов кочергой, крича: «Чуд, мун татісь! Чуд, мун татісь!» («Чуд, уходи отсюда!»)

Самые важные крещенские обычаи связаны с освящением воды и оберегом с помощью креста. Водосвятие происходило в храме и по окончании литургии на реке. С закрытием храмов оно прекратилось, но в последнее десятилетие вновь возрождено. Крещенской воде придается важное охранное и очищающее значение.

В церковном приходе с. Пешнигорт Кудымкарской волости, что на р. Иньве, крещенское водосвятие происходило таким образом. В канун Крещения дьякон направлялся в д. Прокино и находил мужиков, желающих устроить *Ёрдан* (Иордань) — прорубь на р. Иньве. Место для Иордани было постоянным — под берегом, ниже летнего брода, которое называется *Турон керёс*. Убирался снег, пешнями и топорами вырубали Иордань: прорубь, по форме напоминающую крест. С вечера по углам Иордани ставились елочки или ветки.

Утром освобождали Иордань от намерзшего за ночь льда, по краям вырубали лесенки. Как только все было готово для водосвятия, начинался Крестный ход от храма к Иордани. Священник совершал молебен и опускал крест в воду. Некоторые прихожане шли к Иордани с еловыми ветками, которые потом уносили домой. После водосвятия люди наполняли водой бутылки, туеса.

Во многих коми-пермяцких поселениях наблюдалась картина, о которой в середине XIX в. записано так: «Мужчины, женщины и дети, ближайшие к церквям, в значительном числе собираются в этот праздник в церкви, но еще в большом числе съезжаются на верховых лошадях из домов, прямо на «иордан», к молебну. Лишь только окончится здесь служение, и священно-церковные служители пройдут в церковь, все пермяки опрометью спешат к проруби, умываются и берут в бураки (туясы) воду для дома, а прибывшие на лошадях, поят их в проруби, потом полчаса или час бойко ездят на ровном около проруби месте». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 26.)

Крещенская вода хранилась в течение года, посуду с водой обязательно ставили на полку божницы переднего угла избы. По сведениям старожилов, такая вода «год стоит незамутненной». (Полевые материалы, собранные в Кочевском районе в 1995 г.) Она широко использовалась для религиозно-бытовых нужд: ею кропят жилище, двор, домашних животных, умываются «от сглазу», ее пили при болезнях. Подобные примеры можно услышать от современных жителей сел и деревень.

В народных рассказах сообщается, что в старину люди верили в освящение не только воды, но и снега. Поэтому те, кто не мог прийти за водой к Иордани, набирали снег. Крещенской водой девушки мыли волосы, считая, что от этого они становятся пышней. (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.)

Определенное значение придавалось обмену ветками ели у Иордани, что имело прямую связь с обрядом обмена пасхальными яйцами. Очевидно, это являло радостную весть о крещении Иисуса Христа, во время которого произошло Богоявление.

Повсеместно сохранялась традиция в ночь под Крещение или же в Крещенский день на всех дверях, воротах и даже окнах ставить кресты дегтем, чтобы защититься от нечистой силы. Охранительные кресты можно увидеть в наше время во многих сельских домах.

Одновременно накрывали посуду с водой, квасом, чтобы в них не «искупался бес». (*Полевые материалы, собранные в Гайнском и Косинском районах в 1965, 1981 гг.*)

Этот пример еще раз показывает, какое особое охранительное значение имел в Крещение крест.

Согласно старинным знаниям, Крещение сопоставлялось с Ильиным днем и первым Спасом. Поэтому среди коми-пермяков особое значение имели такие приметы: если на Крещение сильный мороз, то и на Илью будет жарко; если на Крещение непогода, то и на первый Спас будет ненастье; если Иордань полна воды, то год будет урожайным. (*Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 2002 г.*)

Пора свадеб

После Крещения начинался новый период года, во время которого обязательно справлялись свадьбы. Свадьба становилась главной заботой и обязанностью семьи. Причем все коми-пермяки, как и русские, придерживались и разделяли убеждение приурочить свадьбы к календарному времени от Крещения до Масленицы и следовавшего затем Великого поста. Эта традиция еще раз подчеркивала отношение к Крещению как к переломному рубежу в жизни народа.

Но окончательный выбор молодые делали заранее, еще до Рождества Христова и во время святочных игр и гаданий. Поэтому в одной из коми-пермяцких песен поется:

*Розовосё видзчисям
Да вёлись и гётрасям...*

(Рождества дождемся
Да тогда и поженимся...)

Но в период от Рождества до Крещения сохранялся запрет на заключение браков. Он был мотивирован тем, что в Святки повсеместно «гуляет» нечистая сила и встреча молодых с ней неизбежна.

Время для свадеб между Крещением и Масленицей, а значит, и Великим постом было удобно по многим причинам: водосвятием люди и природа очистились от вредных сил, спало напряжение в хозяйственных заботах, зимой свадебный поезд мог проехать в любую деревню, сытый и разнообразный праздничный стол наполнялся едой без каких-либо ограничений.

Свадьба у северных коми-пермяков. Молодые держатся за полотенце. 1910 г.

Супруги.
Южные коми-пермяки, 1908 г.

Традиционный костюм жителей
д. Монастырь Аннинской волости
(ныне Гайнский район), 1911 г.

Сретение Господне — Устрикиннѣ, Стретеннѣ

По христианскому преданию, празднование Сретения Господня 2 (15) февраля установлено в память встречи Симеоном Богоприимцем Святой Девы Марии, которая пришла в Иерусалимский храм с младенцем Христом в 40-й день после Его рождения, чтобы принести жертву Богу за свое очищение.

В коми-пермяцкой лексике чаще бытует название праздника *Устрикиннѣ*, но одновременно употребляются названия *Устритенье*, *Устретье*, *Устретьнѣ*, *Стретеннѣ*, которые характерны для русских Прикамья.

В Сретение коми-пермяки обычно не работали, принимали гостей, особенно там, где праздник считался престольным (храмовым). Так, в д. Силино, расположенной в верховьях р. Иньвы и входящей в приход, в котором Сретение издавна справлялось как главный праздник, принято было праздновать не один, а два дня. В первый день, то есть в день Сретения Господня, жители ходили в храм на службу, угощали гостей, а на другой день посещали родных и соседей в других деревнях, входящих в приход, — Гурино, Мальцево, Палева, Питер, Якино.

К Сретению варили не только *сур* (ржаное пиво) и *ырѣш* (овсяный квас), но и настаивали травы на водке или самогоне. Для гостей, не употреблявших крепкие напитки, готовили травяной напиток, который пили со сладостями, как чай. В Кудымкаре, Юсьве, Юрле, Белоево, Полве и других селах напитки подавали в самоварах.

Коми-пермяки, проживающие в деревнях Верхней Иньвы, говорили, что Сретение — это встреча людей для доброй беседы с Богом и друг с другом, а также встреча зимы с летом. Последнее означало, что в Сретение происходит сговор двух времен года: зима больше не будет хозяйничать, уступая свои права лету добровольно, а лето не будет менять существующий порядок очень круто. Значение Сретения дня подчеркивалось поговоркой: «*Устрикиннѣ коста тѡв пантасьѡ гожумкѡт, а додь — телегакѡт*». («В Сретение зима встречается с летом, а сани — с телегой».) Эта поговорка далеко не знаменовала конец зимней стужи, но давала повод крестьянам задуматься о предстоящей весне и будущем лете.

В Сретение наблюдали за погодой и предугадывали ее будущее состояние. Во многих местах говорили: «Если на Сретение метель, то весна корма подберет». То есть метель предвещала длительную весну и недостаток корма. (*Полевые материалы*, собранные в Юсьвинском районе в 1995 г.) Это наблюдение было широко известно среди русского населения Прикамья.

Коми-пермяки примечали: если есть *потайки* (таяние снега), то будет ранняя весна. Сретение сопоставляли и сравнивали с первым Спасом: если на Сретение не морозно, то и Спас будет теплым. Первый Спас, как известно, праздновался 1 (14) августа.

Агафья-коровница

В день Агафьи-коровницы 5 (18) февраля всегда вспоминали, что к ослабевшим за зиму домашним животным может прийти болезнь. Болезнь называли *коровьей смертью*, *черной немочью*. Очевидно, в основе такого представления — эпидемические болезни, которые случались в переходное от зимы к весне время.

Самым действенным защитным средством, как считали многие коми-пермяки, являлся обряд окуривания двора и животных так называемым *деревянным огнем*. Его добывали путем трения: вращали ремнем палку на брусках грядок или на припечных досках до тех пор, пока «не выскочит огонь». Этим огнем затапливали печи. Полученные угли использовали для окуривания. По свидетельству местных жителей, полученный в одном доме огонь переносили в другой.

Достаточно характерным обрядом являлось *опахивание*. Оно состояло в том, что люди надевали хомуты, брались за сохи и тащили их вокруг деревни. Участники обряда расходились по домам с уверенностью, что никакое несчастье не должно постигнуть их хозяйство. К сожалению, записать воспоминания об опахивании коми-пермяцких деревень никому из исследователей не удалось, хотя о фрагментах этого обряда сведения имеются. (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском районе в 2003 г.)

Власий — скотий бог. Васей, Сетовассей

Власьев день 11 (24) февраля отмечался в честь Святого Власия — покровителя домашнего скота. Среди коми-пермяков до наших дней дошло поверье, что Власий, заботясь о скотоводстве, «сшибает морозную мощь», и с этой поры стужа больше не лютует. Но до весны еще далеко и скотине необходимо много кормов, и вот-вот может наступить бескормица. Поэтому крестьяне одаривали скотье Бога приношениями и просили его защитить домашних животных от порчи и падежа.

Однако прежде чем встречать день Святого Власия, очищали дворы и даже птичники. Вывозили навоз, а затем березовыми вениками и метлами, соломенными жгутами соскабливали грязь и испарины со стен и потолков. В случае, когда навоз не вывозился из хлева, то его обязательно подновляли соломенной подстилкой.

На Власьев день было принято печь из муки, предназначенной для животных (*пода пизь*), каравай и ярушники — *челтаны*. Испеченный хлеб кропили крещенской водой или освящали в храме. Каравай шли на праздничный стол, а ярушники скармливали животным. В этот день люди не работали, если и запрягали лошадей, то только для прогулочной езды.

Под Кудымкаром, в Пешнигортском приходе Власьев день являлся храмовым праздником, и здесь, как вспоминают старожилы, Власию подносили особое угощение: ставили на стол пиво, квас, а иногда и рюмку водки. (*Полевые материалы, собранные в 2002 г.*) Несмотря на холодную погоду, в с. Пешнигорт проводилась ярмарка. Здесь нередко мужики сговаривались об обмене или купле-продаже семенного зерна, скота. Но сделка совершалась обычно позже, когда уже было известно количество и качество зерна нового урожая.

Перед тем как первый раз выпустить скотину на волю, обращались к Власию с просьбой, чтобы он защитил коров и других домашних животных от волков и болезней. Во время пастбищного периода Власия, как и Егория Храброго, признавали хранителем скотины. В день выгона скота в церкви ему обязательно ставили свечку.

В народном календаре Власьев день сопоставляется со вторым (средним) Спасом, который приходится на 6 (19) августа, а февраль как последний зимний месяц — с августом как последним летним месяцем. По этому поводу у коми-пермяков имеется такая примета: *Февраль кō лымья-падера, то и август зра.* (Если февраль снежный-пуржистый, то и август сырой.)

Масленица — *Масленьча, Масленича*

Масленица — это праздник на рубеже зимы и весны, сохранившийся в народном календаре от языческих времен. Он относится к категории подвижных нецерковных праздников. В структуре православного календаря Масленице отводится время за семь недель до Пасхи, то есть она накладывалась на Сырную неделю, предшествующую Великому посту.

Масленица наполнялась многочисленными развлечениями, обильными трапезами с блинами, катаниями с гор, кострами, хождениями в гости, чествованиями молодоженов, поминанием умерших. Масленица начиналась в понедельник, и первые три дня считались подготовительными. С четверга начиналась так называемая широкая Масленица. Завершались масленичные развлечения Прощеным воскресеньем в преддверие Великого поста. В этот день просили друг у друга прощение за все видимые и невидимые прегрешения. По традиции, молодожены катались на лошадях, валялись в снегу. Обязательным в последний день считалось разведение костров и сжигание чучела Масленицы. Все обрядовые действия имели ярко выраженный языческий смысл. Но в Прощеное воскресенье большое значение придавалось и православной традиции: вечером перед Великим постом в церемонию прощения включались священнослужители. Только в этом можно увидеть влияние православия на языческий народный обряд.

У коми-пермяков празднование Масленицы разворачивалось как по общей схеме, так и на свой манер. Прежде чем встречать Масленицу, коми-пермяки следовали православной традиции — в субботу накануне Масленной недели поминали умерших предков. Поминки устраивались дома; на кладбище не ходили. К этому дню было принято печь рыбные пироги, шаньги, оладьи — *тупёси*, варить овсяный белый квас — *ырёш*. Умерших предков приглашали принять угощение. Возможно, этот обряд получил распространение в связи с религиозным представлением, что души усопших тоже должны праздновать Масленицу.

Воскресенье накануне Масленной недели называлось, как и у русских, *Мясным заговеньем*. В этот день перед Масленной неделей и Великим постом (*Мясопустом*) последний раз ели мясо. К Масленице припасали молочные и мучные продукты, рыбу, овсяный квас — *ырёш*, ржаное пиво — *сур*. Масленная неделя была *Сырной*, так как во время ее «употреблялось в пищу много того, что изготавлялось из молока и пеклось на масле, прежде всего блины и орешки (печенье.— Г. Ч.). (Полевые материалы, собранные в Кудымкарском районе в 2001 г.)

Традицией празднования Масленицы было ряженье, носившее не только развлекательный, но и обрядовый смысл. Как и в Святки, ряженные имитировали приход неведомой силы из потустороннего мира, а это должно было сильно воздействовать на весенний солнцеворот. Но, в отличие от Святков, ряженные не ходили по домам и не разгуливали по деревне. Они участвовали в развлекательном масленичном поезде.

Достаточно яркой иллюстрацией такого поезда может служить зафиксированное В. М. Яновичем в начале XX в. среди иньвенских коми-пермяков следующее развле-

Масленица в г. Кудымкаре, 1995 г.

кательное действие: «В маленькие дровни, на которые брошен ворох соломы, запрягаются одна или две лошади, на дровни садится Масленица (одетый в шубу наизнанку и женское платье мужчина, в руках он держал метлу). Лошадей и сани украшали соломой. Иногда на одну из лошадей сажали мальчика, также одетого в шубу наизнанку, украшенную соломой». (Янович В. М. Пермь: Этнографический очерк. СПб., 1903. С. 69.)

Описанное В. М. Яновичем действие объясняется рядом языческих представлений, о которых и в наши дни можно услышать среди коми-пермяков такие рассуждения: «Чтобы избежать злые силы, нужно переодеться, стать неузнаваемым; продолжение жизни, рода символизировали ряженные — взрослый мужчина, надевший женский костюм, и мальчик; передача сил старого урожая новому подчеркивалась соломой. Очиститься от грехов можно было при помощи метлы». (Полевые материалы, собранные в Юсьвинском районе в 1995 г.)

Жители д. Чикулова Кудымкарского района долго помнили Федосея Ванюша, который одевал вывернутый тулуп, мохнатую шапку, лицо прикрывал тряпичной маской, затыкал за пояс *лучинник* — березовый ошепок-полено, в руку брал соломенный кнут, свитый из трех прядей, на грудь весил сумку. Ряженный Федосей Ванюш катал в санях детей, заходил в дома, принимал угощение.

Часто развлечения достигались такими приемами: смазывали ворота медвежьим салом, чтобы лошади останавливались и сбрасывали ездоков; валяли молодоженов в снегу и закидывали им снег под одежду; демонстрировали любовь поцелуями после того, как скатывались с горки. (Там же.)

Празднование уходящей зимы и наступления весны наполнялось не только безудержным весельем, но и «масленной» едой. Н. А. Рогов, занимавший в середине XIX в. должность лесничего в Иньвенской даче Строгановых, писал: «Каждый пермяк prepares к Масленице брагу, пиво, а зажиточные покупают и вино, потом, начиная с Сырного понедельника, ежедневно стряпают блины, оладьи, сырники, а некоторые и рыбные пироги, яичницу, солянки и варят уху. Мужики и бабы ходят из

Угощение в Масленицу в г. Кудымкаре, 1995 г.

дома в дом, ездят из деревни в деревню к родным и знакомым за угощением». (Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860. С. 27.)

В целом, по наблюдению В. М. Яновича, «Масленица — самый разорительный для пермяков праздник и на нем пропивается все, что у него припасено или осталось от зимних, сторонних заработков». (Янович В. М. Указ. раб. С. 69.)

Характеризуя в целом масленичные развлечения, Н. А. Рогов отметил: «Девки и парни вечерами собираются в один дом и пляшут целые ночи, а днем, начиная со среды, вместе с малолетками с раннего обеда до вечера катаются с природных гор». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 27.)

По воспоминаниям старожилов, в завершение праздничного цикла «в Прощеный день принято было ходить друг к другу в гости не только молодым, но и пожилым; ходили старухи, они целовались и падали в ноги, прося прощения». (Полевые материалы, собранные в Кочевском районе в 1994 г.)

У коми-пермяков в воскресный, Прощеный день не принято было мыть и стирать белье, так как они были убеждены в действительности поверья: «Водой от мытья и стирки будут поить человека после смерти». (Там же.)

Большим удовольствием и ритуальным значением являлось массовое катание с гор. Катались молодые и пожилые. Девушки приходили с лентами, вплетенными в косы и выпущенными из-под платка наружу. Удовольствию покататься с гор придавалось ритуальное значение. Полагали, что девушка, прокатившаяся дальше других, обязательно должна была выйти замуж, причем в дальнюю сторону. Молодоженов сначала заставляли целоваться, а затем, повалив их, скатывались все, кто находился на горке. Катания с молодоженами имеют не только развлекательный, но и ритуально-продуцирующий смысл. В преддверии весны все животворящие силы должны были способствовать пробуждению природы. Над молодежью, не создавшей семью, разыгрывались озорные шутки, особенно доставалось девушкам.

Горки были разных видов: естественные, залитые водой, и специально построенные. Часто катались с берегов рек и озер. По воспоминаниям жителей д. Прокино Кудымкарского района, с высокого берега скатывались в пойму реки, а затем катились по льду реки. Чтобы вызвать праздничное ликование, на склонах гор устраивали сугробы снега, отводы в сторону. Санки и лотки съезжали в сторону и переворачивались. Как вспоминали сами участники этих забав, «ничего уже не исправишь, летишь в сторону, запрокидываешься на снег, а парни еще успевали поцеловать девушку, все и смеются». (Полевые материалы, собранные в 2002 г.) Под вечер старшие с катушек уходили, и молодежь начинала чувствовать себя смелее. Иногда парни выбегали на горку, опрокидывали сани, лотки, а порой и бросали в несущихся с горы людей снежные и даже «конские» шары. Парни заигрывали с девушками.

В коми-пермяцких деревнях преимущественно катались на специально приготовленных деревянных лотках. Они были двух вариантов. В половине бревна длиной 3—5 метров выдалбливали углубление, в которое садилось до 10 человек. Иногда над половиной бревна устанавливали на четырех ножках доску, и лоток приобретал подобие лавки. Чтобы лотки хорошо скользили, их нижнюю часть смазывали коровьим калом и замораживали. Лед на скользящей поверхности лотка ломался, а коровий кал держался долго.

Шумные и веселые катания часто устраивались в Прощеное воскресенье, в день окончания Масленицы. На гору мог прийти гармонист, тогда парни и девушки затевали хороводы, плясали, пели частушки, коми-пермяцкие и русские. О праздничном ликовании на масленичных катушках до сих пор вспоминают жители сел и деревень.

В воскресный день Масленой недели, в так называемое Прощеное воскресенье, обязательно катались на лошадях. Принято было выезжать пожилым и даже старым людям.

По некоторым воспоминаниям, «лошадей наряжали так же, как на свадьбу: разноцветными лентами, кушаками, полотенцами, колокольчиками, чтобы ехать было красиво... и сами одевались понаряднее». (*Полевые материалы, собранные в Юсьвинском районе в 1995 г.*) Некоторые пожилые люди выходили на перекресток дорог и просили прощения у каждого встречного. (*Полевые материалы, собранные в Гайнском районе в 1980 г.*)

На лошадях разъезжали не только из одного конца деревни в другой, но и по разным близлежащим деревням. Во время поездки заходили в дома, принимали угощение, высказывали хорошие пожелания, а также просили прощения: «Простите нас, а мы прощаем и вас». (*Там же.*)

Масленица в с. Кочево, 2002 г.

Случалось, когда катание на лошадях заканчивалось выбором спутницы жизни. В д. Заречный Пешнигорт рассказывали: «Житель с. Пешнигорт, единственный сын в семье, молодым парнем стал кататься по Масленицам. А однажды заехал и в нашу деревню, покатав девок, а одну тут же и сосватал, и завел в свой дом. Это было в 1910-е годы. И вместе прожили 60 лет». (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.)

У молодежи была традиция в субботу накануне Прощеного воскресенья сооружать снежную крепость, а потом состязаться «за ее взятие». Развлечение это относится к числу старинных и широко известных масленичных ритуальных действий. Так, в Кудымкарском районе «в 1930-е годы ребята сооружали подобие снежного городка в сугробах под берегом старицы. Их и защищали, и брали штурмом, несмотря на шквал снежных снарядов». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Защитники снежной крепости вооружались метлами и палками. Игра требовала согласованных действий всей команды, много удалства, ловкости. Чтобы взять ее, надо было прорваться вперед и разрушить сооружение. Победителей качали. Сломав крепость, с песнями возвращались в деревню.

Состязание за обладание снежной крепостью имело широкое распространение у русских Урала, Сибири. Причем, в ряде мест состязание имело ярко выраженный воинский характер: участвовали конники и пешие, соблюдался определенный боевой порядок, стреляли из ружья. У коми-пермяков правила воинской батальи не соблюдались. Они, возможно, никогда им не были известны, поскольку отсутствовали условия для поддержания воинского состязания: народ издавна вел мирный образ жизни, и потребность состязаться с оружием не возникала.

Среди коми-пермяков сохранилось довольно мало примеров о кострах и сожжении масленичных чучел. Один из них относится к верховьям Иньвы. М. С. Зубова, 1922 г. р., хорошо помнит катание с гор, езду на лошадях, но никогда не видела костров. Она лишь слыхала, что «где-то рядились *бабашорикой* из соломенного снопа, провозили по деревне и сжигали за деревней» (д. Заречный Пешнигорт). (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.) В других деревнях по р. Иньве масленичное чучело называли не только *бабашорикой* (так еще южные коми-пермяки называют огородное чучело), но и *обороникой*. Подобные единичные сведения обнаружены среди северных коми-пермяков.

Вероятнее всего, в коми-пермяцких селениях сожжение чучела Масленицы практиковалось давно. Когда оно было, то в состав сжигаемого материала непременно входили солома, старая одежда, ветхие лапти. То есть сжигалось все то, что отслужило человеку, износилось, стало ненужным за год. Масленица представлялась коми-пермякам женским образом, поскольку, как объясняли многие, соломенное чучело наряжалось в старую женскую одежду. Некоторые высказывают мнение, что Масленица — это зима, потому что чучело ее сжигается. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.) Отсюда становится ясно, почему человека, одетого

неряшливо, называли Масленицей: «*Кыз Масленча пасьтасьём*» («Одет, будто Масленица»).

В Прощеное воскресенье всегда готовился обильный праздничный стол. Печенье блинов в большом количестве — это знак плодородящих сил солнца и земли в преддверии весны. Для «прощения» приглашались близкие родственники, угощением им выражалось уважение. За праздничным столом звучали русские песни и коми-пермяцкие частушки, например такая:

*Чуки-чаки кӧзича,
Талун Масленича:
Горби одзын — чижса-вижа,
Пызан сайын — ӧддӧн гажса.*

*(Чуки-чаки сума,
Сегодня Масленица,
В топящейся печи шипь-кипь,
За столом превесело.)*

(Зубов А., Лихачев М. Бӧрйӧм произведеннӧез. Кудымкар, 1989. С. 29.)

Повсеместно в Масленицу принято было по состоянию погоды предсказать будущее лето. По народному замечанию, если Масленица снежная, жатва должна быть сухой (*кызди Масленча лымья, вунданыс кӧс лоас*); если Масленица выюжная, уродятся грибы и ягоды (*кызди Масленича падера, тиак-ягӧд шогмас*).

О Масленице коми-пермяки сложили свои пословицы и поговорки, например такие:

Масленчалӧн горшыс паськыт. (У Масленицы горло широкое.)

Масленчаыс годнас ӧтпыр овлӧ. (Масленица раз в году бывает.)

Блиныс абу клин, кынӧм оз поткӧт. (Блин не клин, живот не расколет.)

В наше время Масленица вновь становится популярным праздником. Катаются с гор и на лошадях, жгут костры и сжигают чучела, олицетворяющие одновременно зиму и праздник. Инициаторами всех развлечений являются учреждения культуры и образования. Развлекательные действия коми-пермяки связывают, как и прежде, с поворотным состоянием природы — переходом от зимы к весне. В Масленицу всегда вспоминается о том, как веселились в старину.

Весенне-летние праздники, обряды и обычаи

После Масленицы наступал семинедельный Великий пост (*Велик пост*) — время святости и воздержания от развлечений и скоромной пищи. В жизни коми-пермяков, как и любого православного человека, он занимал большое место. Соблюдением обрядов стремились очиститься от всего вредного, что могло накопиться в человеке в течение зимы. Только после телесного и духовного очищения можно было прикоснуться к земле, начать земледельческие работы.

Первая неделя Великого поста называлась Сборной. В течение ее прощались с Масленицей, прибирались в доме и на дворе, мылись в бане. Завершалась неделя посещением церковной службы. В Сборное воскресенье «все молодухи последнего мясосятия приезжают в церковь к обедне и служат молебны». (*Рогов Н. А. Указ. раб. С. 27.*)

По субботам на второй, третьей и четвертой неделе поминали умерших родителей. Собравшись за столом, говорили: «Помяни, Господи, чудскую бабушку и чудского дедушку». (*Полевые материалы, собранные в Гайнском районе в 1980 г.*) В субботу пятой недели ходили в церковь. Шестая неделя Великого поста — Вербная. Обрядовых действий совершалось мало, но в церковь за освященной вербой приходили обязательно. Коми-пермяки верили, что вербой можно остановить болезнь, пожар, ураган. Ей стегали животных в момент первого выгона на пастбище.

Седьмую неделю называют Страстной и Великой. Все ее дни наполнялись ритуальными обычаями и приготовлениями к встрече Пасхи. Остановимся на тех днях Великого поста, которые для коми-пермяков были наиболее значимыми.

Чистый понедельник

Уже первый день Великого поста народ связывал с понятием порядка и очищения души. Сани и лотки, на которых катались, забрасывали на *повить* — верхний ярус двора. Мыли полы и мылись в бане, парились новым веником.

Среди обычаев Чистого понедельника особенно широкое распространение у коми-пермяков имело очищение метлой от всего вредного. Стремилась до восхода солнца березовой метлой подмести сени, крыльцо, тропинку к дому и санные следы к воротам, то есть те места, которые связывали дом с внешним миром.

Подметали даже тогда, когда не было снежной пороши. Но при этом замечали, если те места, где катались, в Чистый понедельник заметет снегом, тогда хороший год будет — *кыдзи ыслаян туйесё Чистой понедельникнас тыртас, сэк бур год лос.*

Метла для коми-пермяков и сегодня служит оберегом. По наблюдениям в Кудымкарском районе известно: если во дворе оказывался колдун или вредный человек, хозяйка после его ухода заметала следы и говорила: «Смети, метла, чтобы злого запаха не осталось». (*Полевые материалы*, собранные в 2002 г.)

Вероятно, использование метлы в Чистый понедельник возникло под влиянием того, что метла у коми-пермяков являлась древним магическим оберегом. Известно, что прутья старой метлы втыкали в снег возле проруби и вдоль дороги к дому, а также втыкали в щели домов, чтобы защититься от опасных сил. Старой метлой отпугивали вредные силы от грядок с посадками. Для этого ее втыкали в землю кверху прутьями. Старую метлу никогда не выбрасывали. Если она становилась ненужной, то ее сжигали в бане. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском и Юсьвинском районах в 1995, 2002 гг.)

Любопытным наблюдением поделились жители Кудымкарского района. Они помнят, как их земляк Федосей Ванюш, который был ряженым на Масленой неделе и катал детей, «в Чистый понедельник обходил деревни Бараново, Дублень, Заречный Пешнигорт и карал тех, кто не насытился за неделю и продолжал печь шаньги. Отбирал сковородки и сковородники, возвращал их лишь к Благовещению. Но часто его подкупали — то пиво, то рюмку водки подадут». (*Полевые материалы*, собранные в 2003 г.)

Как и в первый день нового года, Чистому понедельнику были присущи приметы первой встречи. Замечали, кто первым войдет в избу: если мужчина, то овца принесет барана, корова — бычка; если женщина, то овца принесет ярку, корова — телку, и т. д.

Строго следили, чтобы утром во дворе скотине была подброшена новая солома, без сорняков. Обязательно пучком соломы чистили лошадей, на которых катались в Масленую неделю.

Средокрестие

Повсюду знали, что на среду четвертой недели Великого поста приходится середина поста. Этот день коми-пермяки отмечали приготовлением обрядового печенья *крестов*, *крестцов* (вариант *хрестцов*) — известным обычаем православных верующих. Печенье пекли круглое, сверху клали перекладины в виде креста. Но иногда внутрь запекали крестик из деревянных лучинок. Кому доставалось печенье с крестом, тот мог рассчитывать на удачу в жизни.

Обрядовой выпечке придавалось продуцирующее значение. Старожилы с. Архангельское Юсьвинского района отмечали старый обычай готовить печенье в виде «кладки снопов крестом на жнивье». (*Полевые материалы, собранные в 1995 г.*)

Печенье пеклось на здоровье людям и для обеспечения плодородия домашнего скота и будущего хорошего урожая. Поэтому его скармливали животным, хранили до вспашки земли и брали с собой в поле. Сеятель одну половину печенья съедал, а другую разбрасывал по полю. Только после этого он начинал вспашку. (*Там же.*)

В 1920-е годы печенье пекли уже мало, заменяли его оладьями и блинами. Но, по традиции, оладьи и блины подавали к завтраку на *Средокрестный день*. С обобществлением хозяйств и утверждением колхозной собственности обрядовая выпечка печенья прекратилась.

Конон-градарь — *Конан, Конаны*

Памятной датой народного календаря коми-пермяков являлось 5 (18) марта — день Святого Конона-градаря. В южных местах православные верующие начинали пахать огороды или только делали почин, если погода не позволяла вести земляные работы. Здесь его признавали покровителем огородников.

Коми-пермяки и их соседи русские молились Конону об избавлении от града. В северных местах в этот день не принято было ходить на гумно, шевелить инвентарь, шуметь. Верили, что не только какая-либо работа, но даже шум на гумне могли оскорбить Конона. Многие говорили: «Он за это мог побить градом хлеб» (Юрлинский район). (*ЧКМ. Отдел рукописей. № 3009. Л. 46.*)

Сороки — *Сороки*

В народном календаре приметным днем является весеннее равноденствие, когда зима кончается и весна начинается. Оно приходится на 9 (22) марта. По древнему календарю в это время, а его еще считали второй встречей весны, начиналось новое летоисчисление. Православная церковь в этот день чествует «сорок мучеников». Поэтому народ назвал этот день *Сороками*.

Сохранилось поверье, что на Сороки прилетает 40 птиц. Они прилетают из райского мира и приносят воду, весну и даже души детей, которые еще должны родиться. В ожидании птиц — символов будущей жизни — печенье пекли преимущественно в

Тамги, изображающие лапки лебедя. Юсьвинский район

виде жаворонков. Выпечка была наполнена великим смыслом еще и потому, что птица издавна признавалась посредником между Богом и людьми.

Замечательный рассказ о традиции выпекать сорок «птичек» был услышан В. В. Климовым в 1988 г. от П. И. Ярковой, 1910 г. р., в д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района: «В Сороки 40 птиц делали всяких, из теста пекли. Я, будучи маленькой, первый раз сделала, так посмеялись надо мной. Посмотрят, спросят у меня: «Это кто?» — «Лебедь», — говорю. — «Медведь тай!» — скажут. — Я: «Лебедь!» Даже плакала. Их ели, как пряники, сразу. Но сколько-то оставляли до тех пор, пока снег не растаивал».

Печенье в виде птиц на Сороки кое-где и сейчас пекут, радуясь прилету весенних птиц. Его не только едят, но и оставляют где-нибудь повыше, чтобы птицы склевали.

Давно уже наступили иные времена, но коми-пермяки по-прежнему следуют традиции: замечают в Сороки состояние погоды. Если держатся заморозки, то следовало пережить еще 40 утренников, до 17 (30) апреля. Но, в действительности, утренники в конце апреля еще не кончаются. Они бывают не только в мае, но и в начале июня.

Благовещение

Как говорят в народе, Благовещение — самый большой у Бога праздник на небесах и на земле. В этот день за большой грех считается любая работа: «Девка косы не заплетает, птица гнезда не завивает». В Благовещение даже грешников в аду не мучают, как на Пасху. Праздник этот установлен в честь особого события Священной истории: архангел Гавриил сообщил Деве Марии, что она родит будущего Спасителя человечества.

Коми-пермяки к удаче на весь год накануне Благовещения стремились завершить какое-либо дело. Пекли хлеб, сладости, часть которых хранили до огородных работ.

Доставка сена с пугов перед распутицей.
Кудымкарский район, 2003 г.

В обрядности этого дня было освящение посевного зерна. В нижнеиньвенских деревнях ставили икону в бочку с зерном и просили Богородицу и архангела Гавриила помочь вырастить хороший урожай. (*Полевые материалы, собранные в Юсьвинском районе в 1995 г.*)

В старые времена в Благовещение примечали за погодой: ветер и дождь — к добру, заморозки — к затяжной весне, звезды — к хорошему урожаю. (*Там же.*) Результатом наблюдения за погодой стала поговорка: «Если на Благовещение не заморозит, то оглобли выверты-

вай», то есть скоро придется отказаться от саней и перейти к использованию телег. (*Там же.*)

Даже в том случае, когда следовало ожидать заморозки, коми-пермяки верили, что Благовещение все равно знаменует приход весны. Поэтому у них сложилась поговорка: «До Благовещения две недели на санях не доезжают или две недели переезжают» (с. Юрла). (*ЧКМ. Отдел рукописей. № 3009. Л. 46.*)

Вербное воскресенье — *Бербалун* (Вербный день)

Так назывался последний день Вербной недели, предшествующей Страстной неделе, в конце которой встречали Пасху. Рано в воскресное утро шли в лес за вербой. Как рассказывают старожилы, уже сам поход за ней приносил людям радость. Верб ассоциировалась в представлении людей с пальмовыми ветвями, которыми приветствовали въезд Иисуса Христа в Иерусалим. Но в наше время у большинства населения такое представление утрачено.

Если поблизости находилась церковь, то вербу освящали. После этого вербе приписывалась особая растительная сила. Издавна у коми-пермяков было принято в Вербное воскресенье стегать детей и домашних животных, приговаривая: «На здоровье, на здоровье». (*Полевые материалы, собранные в Косинском и Юсьвинском районах в 1994 г.*) Этот обычай представляет вид магии — магия соприкосновения: целительная

сила вербы должна передаться тому, кого хлестали. Эти знания о вербе еще сохраняются среди современного населения.

Как драгоценную реликвию вербу в течение года хранили у икон переднего угла избы. Вербой лечились от бесплодия, съедая ее сережки. Во всех селениях коми-пермяков с ветками вербы выгоняли домашний скот на весеннее пастбище. В старину, по сообщениям жителей Кочевского района, после выгона животных эти ветки втыкали в пашню или бросали в воду. В наше время ветки бросают на месте пригона животных. (Полевые материалы, собранные в 2003 г.)

Великий четверг — *Ыджыт четверг* (Большой четверг)

Последняя, седьмая неделя Великого поста называлась Страстной. Церковь посвящала ее памяти о последних трагических днях жизни Иисуса Христа. Как и многие православные люди, коми-пермяки сравнительно большое число примет и поверий связывали с четвергом Страстной недели. Его называли Великим (по посту) и Чистым, так как обязательно мылись в бане, «чтобы к Пасхе быть чистым». С этим днем

Март — лучшее время для заготовки дров. Кудымкарский район, 2003 г.

были связаны многочисленные поверья, приметы, обряды, носившие языческий и в целом заклинательный и продуцирующий характер. Коми-пермяки признавали его «днем обновления на предстоящий год всего крестьянского хозяйства». (Рогов Н. А. Указ. раб. С. 27.)

Еще вечером, накануне четверга, в передний угол избы, под иконы, ставили решето с зерном, караваем хлеба и с солью в солонке. Молились Богу и оставляли решето до Пасхального воскресенья, а порой до прихода священника с иконой Богоматери. Существовало поверье: зерно, хлеб и соль, лежащие под иконами в преддверии Пасхи, приобретают магическую силу, с их помощью можно получить выгоду. Поэтому на Пасхальной, Светлой неделе зерно высыпалось в закрома амбаров, чтобы получить новый богатый урожай. Каравай хлеба давали животным при первом выгоне их на пастбище с целью избежания падежа. Четверговую соль брали в дорогу как оберег от вредных сил. Когда наступала болезнь, соль пили как лечебное средство. Об этом древнем ритуальном обычае коми-пермяки рассказывают во многих селениях, но обращения к нему в наше время не наблюдается.

Некоторые коми-пермяки придерживались традиции поминать усопших в Великий четверг, но поминки заключались в том, что приглашались души умерших к заутраку, на котором стояла обычная еда. В деревнях это верование сохраняется в наше время. (*Полевые материалы*, собранные в Кудымкарском районе в 2003 г.) В старину, как рассказывают северные коми-пермяки, топили баню для предков. Но как выполнялся этот обычай, уже никто не знает. (*Полевые материалы*, собранные в Гайнском районе в 1980 г.)

Немало ритуальных действий, приуроченных к Великому четвергу, обозначалось в народной лексике коми-пермяков понятиями «до света», «до солнца». Традиция требовала вставать в Великий четверг рано, «до петухов», и умыться водой, когда она обладает целебной силой.

Типичным для коми-пермяков был обычай до восхода солнца выйти на улицу, тут же зайти в дом и сказать: «Вот сколько я принес: много рыбы, много ягод, много грибов, много мяса, всего много... пусть так много всего будет целый год». Заглядывали в амбар и говорили: «Как много там жита, пусть так много будет его всегда». (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском и Косинском районах в 1965, 1995 гг.)

«До солнца» в Гайнском и Косинском районах хозяйки перед печью кликали по именам домашних животных, чтобы «они не погибли в наступающем году». После этого женщины шли во двор, поднимали коров и прогоняли их вокруг столба. Далее они поступали следующим образом: вешали на передний угол дома веник и худой лапоть для защиты цыплят от хищных птиц. Старая обувь служила оберегом от взгляда злого человека. Исполнив обрядовые действия, хозяйки возвращались домой, топили печи и пекли хлеб в надежде, что он «не выведется из сусеков амбаров в течение года». (*Полевые материалы*, собранные в 1980, 2003 гг.)

В д. Кукушка Кочевского района Е. А. Пикулева, 1923 г. р., поделилась в 2003 г. и такими старинными наблюдениями: «Когда рано утром приходили во двор и видели скотину лежащей головой на север, то ожидали год тяжелым, а на юг — хорошим; лапоть дырявый обвязывали соломой и весили его на огород: будто завязывали глаза коршуну, чтобы он летом кур не съел».

Ритуальное значение имел счет денег, причем обязательно мелочи, чтобы счет сопровождался звоном. Закончив счет, хозяин выходил на улицу и совершал целый комплекс ритуальных действий: осматривал и переставлял с места на место сельскохозяйственный инвентарь, делал на реке прорубь, чистил, кормил и поил лошадей, стрелял из ружья в воздух. Этими действиями он создавал себе иллюзию наступления благополучия, прежде всего в хозяйственной деятельности.

Об обычаях Великого четверга, которые соблюдаются в наше время, рассказал И. М. Хомяков, 1939 г. р.: «В с. Большая Коча и ближних деревнях парни, а в отсутствие их сам хозяин, приносят из леса ветки пихты и *вереса* — можжевельника. Из пихтовых веток делают помело и метут им в печи. После этого золу из печи считали целебной. Ею посыпают коров, овец от паразитов. Золу оставляют для ухода за капустой на грядках. Вересом окуривают дом и двор, чтобы в них не завелись вредные силы. Верес привязывали на угол печи, втыкали его под матицу и обязательно над дверями. Обязательно приносят из леса *мутовки* — сосновые палки с пятью сучьями, которые используют при взбивании масла, замешивании теста, подготовке кваса. Четверговая мутовка считалась целебной». (*Полевые материалы, собранные в 2003 г.*)

Если был наст, то утром в Великий четверг парни и взрослые мужчины непременно шли в лес с ружьями. Они стреляли, пели песни. Порой их пение казалось жителям деревень воем волков (д. Седачи Кочевского района). (*Там же.*)

В Великий четверг невесты подстригали волосы. С небольшим пучком соломы или грубой льняной кудели они заходили в «отхожую избу или баню», а потом, выйдя на улицу, жгли солому или лен и прыгали через огонь. По их убеждению, первый обряд должен был способствовать росту длинных волос, а второй — приобретению любви «будущих мужей своих» (*Рогов Н. А. Указ. раб. С. 28.*)

Обязательным было в Великий четверг до восхода солнца заняться хозяйственными делами. Обычно муж плел лапти, веревки, тесал топорщица, а женщины пряли, шили, вязали. Всё это делали с одной целью — «чтобы быть в течение года здоровыми и заслужить у таинственных сил природы возможность и охоту заниматься этими работами». (*Там же.*)

Говоря о Великом четверге, нельзя пройти мимо целой серии обрядов, которые наблюдал в начале XX в. В. М. Янович у нижнеиньвенских коми-пермяков: «Только проснувшись, охотник сразу хватался за ружье и бежал в лес, стараясь вернуться не с пустыми руками, а хотя бы с застреленной вороной или воробьем. Рыбак бежал к реке, сталкивал на лед лодку, клал в нее рыболовные принадлежности, брал в руки весла и делал вид, что гребет. Плотник шел в лес и срубал там хоть бы ветку. Все

возвращающиеся домой делали вид, что несут какую-то добычу. К этому дню каждый пермяк старался приберечь сколько-то медяков и, считая их, приговаривал: «Раз, два, три, у-у, как много!» (Янович В. М. Указ. раб. С. 70.)

По наблюдению очевидцев, относящемуся к началу XX в., ни одна хозяйка не оставляла в этот день пустую печь: «Каждая из них старается изо всех сил поставить в нее как можно больше кушаний; ставят по несколько корчаг с пивом, брагой и пр. Чтобы не жить весь год «впроголодь», женщины рано утром накрывали стол скатертью и ставили на него хлеб, соль и кувшин браги. После этого прибегали к соблюдению такого обряда: в курной (черной) избе открывали окно, через которое выходил дым, а в белой избе — печную трубу и выкрикивали имена домашних животных и птиц. Сохранялась вера, что такие меры обеспечат сохранность животных и птиц. Затем женщины начинали шить, прясть, причем старались эти работы выполнить до восхода солнца». (Струминский В. Я. Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном//Пермские епархиальные ведомости, 1904. С. 486.)

Перечисленные обряды строились у коми-пермяков на магии начала. Приемам начальных действий приписывались особые свойства: если начать хозяйственное дело в Великий четверг, то оно обязательно будет продолжено и выполнено. Сильная развитость магии у коми-пермяков объясняется тем, что человек не чувствовал уверенности в своих силах, его успех в обеспечении своего хозяйства во многом зависел от внешних и случайных обстоятельств.

Есть еще одна важная сторона поверий и обрядов Великого четверга — это сопровождение их заговорами — *корткыв* (*корт* — железо, *кыв* — слово). Коми-пермяки верили, что слова обладают магической силой, если они сопровождают исполнение обряда. Так, чтобы выросли ягоды и грибы, рано утром шли в лес и обходили дерево, при этом приговаривали: «Здесь есть и там есть, и везде есть. Здесь масленок, там рыжик, там груздь. Сегодня есть и до осени будут. Много-много будет. Аминь». (*Кытчö тійö мунатö?* Кудымкар, 1991. Т. 2. С. 83.) Под эти слова девушки и парни изображали сцену сбора грибов и ягод. (*Полевые материалы*, собранные в Кочевском районе в 1965 г.)

Чтобы наступила благополучная жизнь, исполнялись и такие ритуальные действия с заговорами. Рано утром люди приходили в лес и говорили: «Лесные боги, дайте мне вереса — одну ветку, две ветки, три ветки. Одну ветку для скота, две ветки — в дом, три ветки — людям». (*Кытчö тійö мунатö...* С. 77—78.) После такого выступления возвращались с вересом домой. Далее поступали так: клали на середину избы заслонку от печи, разводили на ней огонь и в него бросали ветки вереса, при этом приговаривали: «Лесные боги, старые боги, дайте нам здоровья, скотине — приплод, дому — жизнь». (*Там же*.) Когда читался заговор, все члены семьи перешагивали через костер, сложенный из веток вереса, они подвергались окуливанию. От обрядов, связанных с вересом и огнем, коми-пермяки старались получить силу, здоровье. Угли бросали в печь, а оставшийся верес заносили в подполье (голбец) и во двор к

животным. Эти действия, по поверью, были необходимы для защиты домашнего очага и животных от вредных сил.

Воспоминаниями о заклинательно-продуцирующем смысле заговоров поделились в 1960—1961 гг. с фольклористом В. В. Климовым жители деревень Заречный Пешнигорт, Чикулова, Баранова Кудымкарского района. Они рассказывали о том, что в Великий четверг предпочитали заговоры, направленные на обеспечение достатка в хозяйстве, хотя они не отрицали значения чтения заговоров для лечебных целей и личного характера: «присушить любимого человека или отсушить его от недруга».

По этнографическим записям В. В. Климова известно, что в зависимости от желательного результата заговоры произносились в том месте, где их действия могли проявиться более сильно. Рыбак Конан Ярков читал заговор во дворе перед сетями и на реке возле проруби, из которой виднелись снасти. Кузнец Данила произносил заговор рано утром дома, а потом направлялся в кузницу, где трижды ударял молотком по наковальне и говорил: «Вон пошов, чуд!», чтобы избавиться от вредных чудов. Михаил Ярков в своей кузнице выкрикивал: «*Тпру, эн пессы! — Тпру, не бейся!*» Это выражение произносилось им тогда, когда приходилось подковывать молодую лошадь.

Прочитируем без сокращения некоторые заговоры, записанные в 1960—1961 гг. В. В. Климовым, которые читались перед выходом из дома на работу или на рыбалку.

Кёрт да шом ёвны (Железо и уголь успокоить)

Господь Сус Кристос, помилуй да спаси меня от ожога, калена железа. Уголь горячий, уголь жигучий камнем сростись, пеной слепись, серой облепись, не пристань ко мне. Калено железо иди в воду, а не на меня. Я, раб Божий Данько, Господу Богу помолюсь, ни к чему не коснусь во веки веков. Аминь. (Д. С. Макаров, 1900 г. р., д. Чикулова Кудымкарского района.)

Тшыкётёмись (От порчи)

Встану я, раб Божий Егорко, перекрестясь, пойду, благословясь, из дверей в двери, из ворот в ворота на восточную сторону, в чистое поле. Там стоит гора, на той горе храм Божий. Зайду в тот храм, там на левом престоле сидит Иван Креститель, на среднем — Иисус Христос, на правом — Святая Дева Мария. Подойду я к ним поближе, поклонюсь пониже: Иисус Христос, Мать Богородица, Иван Креститель! Пособите мне, рабу Божию Егорке, избавиться от всякого врага и супостата, от нечистой силы, от нечистого духа, от супостата и еретника, от черноглазого, косоглазого, однозубого, хромого, слепого, от девки-чернавки, от однозубых, двузубых, от мимо идущего.